

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Б.А. Куркин, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права Юридического института Тамбовского государственного технического университета (г. Тамбов);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук, доцент,
Генеральный секретарь Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
директор Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

Б.В. Яценко, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)

О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) **Е.В. Фоменко** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук профессор (г. Москва);

В.С. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Мордовцев, доктор юридических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2022

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

B.A. Kurkin, Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Law Institute of Tambov State Technical University (Tambov);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Secretary General of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, Director of the Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Leading Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.S. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Mordovtsev, Doctor of Law, Professor (Rostov-on-Don);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Красиков В. И.

Права человека и права интеллектуальной собственности: дебаты и коллизии.....5

Трофимов Е. В., Мецкер О. Г., Кашликов П. П.

Рациональность и индивидуализация в судебных решениях по административным и гражданским делам: опыт вычислительных экспериментов..... 11

Беляев М. А.

Нормативно-регулятивная избыточность как проблема правовой политики 21

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Васильев С. А.

Соотношение субъектов конституционного права как основа реализации их прав и обязанностей..... 27

Гуреев В. А.

Роль государства в становлении и развитии института нотариата 36

Кирсанова Е. В.

Особенности использования блокчейна в нотариальной деятельности 40

Гурьева С. Р.

Эволюция системы способов определения поставщика при осуществлении государственных и муниципальных закупок 45

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Пронина Е. Н., Казакова С. П.

Незавершенные сделки как объект правового регулирования..... 50

Бандурина Н. В., Проциков Л. Д.

Правовая характеристика хозяйственного партнерства как формы ведения инновационной предпринимательской деятельности..... 54

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Проблемы отраслевой принадлежности норм, регулирующих труд иностранных граждан в Российской Федерации..... 61

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО,
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Батюкова В. Е.

Домашнее насилие: теория и практика 69

Чугунов А. А., Калининская Я. С., Ивлева Л. Н.

К вопросу об уголовной ответственности за отдельные формы причастности к совершению лицом самоубийства в контексте ст. 110 и 110.1 УК РФ 77

Ветров Е. В.

О некоторых проблемах уголовно-правовой защиты окружающей среды..... 83

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Бастрыкин А. И.

Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий 88

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Крысов О. В.

Разграничение умысла, грубой и простой неосторожности 95

Никонов Д. А., Родин А. В.

О некоторых теоретических и практических аспектах правового регулирования территориального планирования военных объектов, находящихся в ведении войск национальной гвардии Российской Федерации..... 101

Тебаев Д. Б.

Вспомогательные органы при Президенте Республики Казахстан: эволюция и современное состояние 108

Тонков Д. Е.

Особенности и перспективы исследования классических направлений правового реализма в российской науке 116

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Кодинцев А. Я.

Анатолий Федорович Кони – активный участник судебной реформы Российской империи начала XX в. 123

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vladimir I. Krasikov
Human Rights and Intellectual Property Rights:
Debates and Conflicts.....5

Egor V. Trofimov, Oleg G. Metsker, Pavel P. Kashlikov
Rationality and Individualization in Court Decisions
in Administrative and Civil Cases: Experience
of Computational Experiments 11

Maxim A. Belyaev
Regulatory Redundancy as a Policy Problem..... 21

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW:
THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Stanislav A. Vasiliev
The Ratio of Subjects of Constitutional Law
as the Basis for the Implementation
of Their Rights and Obligations..... 28

Vladimir A. Gureev
The Role of the State in the Formation
and Development of the Institute of Notaries..... 36

Ekaterina V. Kirsanova
Peculiarities of Using Blockchain in Notary
Activities 40

Sofia R. Gurieva
The Evolution of the System of Methods
of Determining the Supplier in the Implementation
of State and Municipal Purchases 45

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Elena N. Pronina, Svetlana P. Kazakova
Unfinished Transactions as an Object
of Legal Regulation..... 50

Natalia V. Bandurina, Leonid D. Protsikov
Legal Characteristics of Economic Partnership
as a Form of Innovative Entrepreneurial Activity..... 54

Yulia A. Lyutarevich-Geftter
Problems of Branch Affiliation of Norms Regulating
the Labor of Foreign Citizens in the Russian
Federation..... 62

CRIMINAL LEGAL SCIENCES:
LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Vera E. Batyukova
Domestic Violence: Theory and Practice..... 69

**Alexander A. Chugunov, Yana S. Kalininskaya,
Lidia N. Ivleva**
On the Criminal Responsibility for Some Forms
of Impairment in the Commitment of Suicide
by a Person in the Context of Articles 110
and 110.1 of the Criminal Code of the Russian
Federation..... 77

Evgeny V. Vetrov
On Some Problems of Criminal Law Protection
of the Environment..... 83

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL
EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION.
RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Alexander I. Bastrykin
Identification and Investigation of Crimes
Committed Using Information
and Communication Technologies..... 88

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Oleg V. Krysov
The Distinction Between Intent,
Gross and Simple Negligence..... 95

Dmitry A. Nikonov, Andrey V. Rodin
On Some Theoretical and Practical Aspects
of the Legal Regulation of the Territorial Planning
of Military Facilities Under the Jurisdiction
of the Troops of the National Guard
of the Russian Federation..... 101

Didar B. Tebayev
Subsidiary Bodies Under the President
of the Republic of Kazakhstan: Evolution
and Current State 108

Dmitrii E. Tonkov
Specifics and Prospects of Classic Branches
of Legal Realism Research in Russian Science 116

REVIEWS, PERSONALITIES

Alexander Ia. Kodintsev
Anatoly Koni Is an Active Participant
of the Judicial Reform of the Russian Empire
at the Beginning of the 20th Century..... 123

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ДЕБАТЫ И КОЛЛИЗИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-5-10>

В статье рассматриваются вопросы связи между правами человека (ПЧ) и правами на интеллектуальную собственность (ПИС), которые в наше время имеют параллельные тенденции расширения до уровня глобальных форматов. Они становятся во многом именно рамками, задающими международные системы оценок и взаимодействия. Цель статьи состоит в прояснении характера ПИС в отношении ПЧ. Получены следующие результаты. Продемонстрировано, что изначально ПИС были созданы как подмножество обычных прав собственности, которые в свою очередь были представлены как разновидность ПЧ. Показаны существенные различия в интерпретациях понятий «собственность», «частная собственность» и «интеллектуальная собственность». Аргументировано, что хотя право на собственность (но не частную) и входит в число прав человека по «Декларации», однако оно во многих своих проявлениях имеет потенциал конфронтации с ними, равно как и право на интеллектуальную собственность. В завершении статьи мы попытались понять глобальный режим ПИС как институционализированный «порядок признания». Для этого была использована методология критической социальной теории Акселя Хоннета. В итоге глобальный режим ПИС был проинтерпретирован как специфическое проявление паттернов признания и непризнания. Автор полагает, что он должен быть значительно расширен для того, чтобы защитить физические воплощения очень разных видов интеллектуальных достижений таким образом, чтобы адекватно отражать общечеловеческие, а не только западные ценности.

КРАСИКОВ

Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

KrasVladlv@gmail.com

**Права человека;
права на интеллектуальную
собственность;
порядок признания;
собственность;
частная собственность;
глобальные форматы**

Vladimir I. KRASIKOV

Doctor of Philosophic Sciences,
Professor, Chief Researcher,
Center for Scientific Research,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)
KrasVladlv@gmail.com

HUMAN RIGHTS AND INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: DEBATES AND CONFLICTS

**Human rights;
intellectual property rights;
recognition procedure;
property; private property;
global formats**

We consider in this article questions about the relationship between human rights and intellectual property rights. Currently, they set the formats for international assessment and interaction systems. The author obtained the following results, namely: demonstrated that initially intellectual property rights were created as a subset of ordinary property rights, which, in turn, were presented as a type of human rights; showed significant differences in the interpretation of the concepts of "property", "private property" and "intellectual property"; argued that although the right to property is one of the human rights, it, in many of its manifestations, has the potential for confrontation with them. At the end of the article, we tried to understand the global regime of intellectual property rights as an institutionalized "order of recognition". To do this, we used the methodology of the critical social theory of Axel Honneth. As a result, we have interpreted the global regime of intellectual property rights as a specific manifestation of patterns of recognition and non-recognition. We believe that this regime needs to be significantly expanded in order to protect the physical embodiments of very different types of intellectual achievements in a way that adequately reflects not only Western, but also universal human values.

В последние десятилетия мы стали свидетелями огромного расширения норм и утверждений в области ПЧ. Вместе с тем это расширение не сопровождается все более прочным консенсусом в отношении их понимания. Наоборот, чем больше расширяется вселенная ПЧ, тем меньше кажется, что эти права работают как согласованная система координат. Это отрицательно сказывается на способности разрешать конфликты между группами и нациями, чья гуманность упоминается в многочисленных декларациях. Справедливо было замечено, что вместо того, чтобы объединять людей, всеобщая вера в ПЧ по иронии судьбы разводит нации и народы еще дальше друг от друга [1, с. 15–22]. Частично это связано с убеждением, что индивидуальные права на расширение личных возможностей противоречат коллективным правам на экономическое развитие или социальное благополучие. Многие азиатские интеллектуалы и активисты, которые сегодня часто поддерживают словарь прав человека, по-прежнему отвергают «государствоцентричность», а также «индивидуалистическую этику» западных подходов к правам человека [2, с. 88–99].

То же можно сказать и о расширении прав собственности, которые также претерпевают изменения, схожие с теми, что происходит с ПЧ. Здесь имеет смысл выделить три аспекта [3, с. 143–149].

Во-первых, права собственности ведут экспансию в обширной сфере интеллектуальной деятельности. ПИС гарантирует, что так называемые неконкурентные, копируемые товары (такие как компьютерное программное обеспечение, умные комплексы, массивы больших данных и т.п.), которые могут использоваться и принадлежать многим людям без потери своей ценности, тем не менее считаются «редкими», поэтому их можно покупать и продавать, как и другие товары. Хотя патенты и авторские права были с нами на протяжении столетий, более поздние тенденции привели к переосмыслению все большего числа вопросов авторства, оригинальности, использования и доступа к идеям и выражениям с точки зрения прав интеллектуальной собственности.

Во-вторых, патенты сегодня могут быть выданы на вещи, которые в строгом смысле не «изобретены», но уже существуют как компоненты процессов, которые считаются новыми, полезными и неочевидными (как только они были выявлены или немного переделаны). Таким образом, патентоподобная защита была предоставлена некоторым растениям, лабораторным мышам, устрицам с дополнительным набором хромосом и многочисленным соединениям живых организмов. Различные суды подтвердили, что с развитием технологий растения и живые организмы могут быть запатентованы. Все животное царство теперь является мишенью, и система медленно приближается к человеческому телу [4, с. 174–190].

В-третьих, с установлением глобального режима защиты ПИС высокий и единообразный уровень защиты интеллектуальной собственности распространился не только на развитые, но и на развивающиеся страны. Сегодня все члены ВТО обязаны обеспечивать патентную охрану любого изобретения, будь то продукт (например, лекарство) или процесс (например, способ производства ингредиентов для лекарства), хотя допускаются определенные исключения [5, с. 504–516].

Подобно дебатам в области ПЧ, интеллектуалы незападного происхождения оспаривали предполагаемый культурный «шовинизм» формирующегося режима ПИС и заявления типа того, что права, защищаемые этим режимом, универсально применимы и выгодны. Более того, как и в случае с универсальными ПЧ, есть свидетельства того, что глобализация прав собственности разъединяет нации и народы.

1. ПИС – это ПЧ?

Лоббисты, которые с середины 1980-х гг. настаивали на установлении нового глобального режима интеллектуальной собственности, сформулировали проблему таким образом, чтобы она соответствовала более широкому нормативному контексту либеральной культуры, глубоко проникнутой «разговорами о правах». ПИС были созданы как подмножество обычных прав собственности, которые в свою очередь были представлены как разновидность ПЧ. С самого начала представители компаний и бизнес-ассоциаций обвиняли развивающиеся страны в поощрении или терпимости к имитации фармацевтических препаратов или нарушении авторских прав и призывали к заключению договора, способного «помешать их пиратам садиться на наши корабли». Другие осуждали организованные «преступные банды» за кражу «драгоценностей американской короны». Назвав нарушителей правил интеллектуальной собственности «пиратами», бизнес-активисты превратили приземленную экономическую проблему ПИС в символ, наполненный мощным моральным смыслом: ибо с древних времен пираты объявлялись врагами человечности (*hostis humani generis*) [6].

На предысторию Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, принятое в ходе Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле в 1994 г.) сильно повлияла такая риторика, которая в конечном счете предполагала, что нападки на интеллектуальную собственность подобны нападкам на самих владельцев собственности. Эта риторика была дополнительно подчеркнута сопутствующей идеей применять «нулевую терпимость» к политике международной торговли – идеей, которая возникла из политики в отношении наркотиков 1980-х гг., а затем завоевала популярность в обществе.

Все это начинание, безусловно, было успешным в определенной степени. Присвоение интеллектуальной собственности кем-либо, кто официально не признан ее владельцем, было заклеено как пиратство, а пираты были символически вычеркнуты как «Другие» вне нового международного порядка. Представление ПИС в качестве аналога ПЧ помогло мобилизовать ресурсы власти в пользу нового единообразного международного режима собственности, который мог бы заставить развивающиеся страны соблюдать его. Тем не менее деловой дискурс не смог убрать многообразие значений законной собственности из публичного осуждения.

Неудивительно, что противники глобализации защиты интеллектуальной собственности быстро присоединились к разговору о глобальных правах. Вместо того, чтобы полагаться только на утилитарные аргументы, критика ТРИПС была сформулирована с точки зрения основных прав. Некоторые из этих аргументов отвергают жесткие системы ПИС как еще один пример исключительного института частной собственности. Другие оспаривают толкование ПИС как подмножества обычных прав собственности и подчеркивают фундаментальные различия между этими двумя видами собственности [7, с. 19–24].

Частная собственность вызывает споры также и потому, что она весьма схожа с правом лишать людей ресурсов. Ведь многие не забыли того исторического обстоятельства, что важным побочным эффектом введения права на частную собственность было, как правило, эффективное лишение собственности больших групп людей, которые потеряли те немногие вещи, которыми они раньше владели и которые контролировали. По этой и другим причинам, а также вопреки мнению многих, во Всеобщую декларацию прав человека было включено «право владеть имуществом», но не право на частную собственность [8, ст. 17].

Тем не менее обычные права частной собственности кажутся менее спорными, чем ПИС. Одна из причин может заключаться в том, что, опять же вопреки глубоко укоренившимся западным, включая марксистские, убеждениям, права частной собственности всегда были известны за пределами западного капитализма. Незападные системы собственности были (и остаются) другими, но тезис об отсутствии частной собственности в азиатской социальной истории уже давно дискредитирован [9, с. 31–40].

Таким образом, хотя столкновения цивилизаций по поводу признания частной собственности как такового нет, конфликты по поводу соотношения между «реальными» правами собственности, ПИС и другими формами прав явно усиливаются как в международном сообществе, так и внутри разных стран.

Сами по себе ПИС не являются ни полномочиями, ни иммунитетом, хотя они все более прочно закреп-

ляются и часто рассматриваются наравне с другими правами собственности. Тем не менее глобальный режим ПИС все еще далек от предоставления права иммунитета заявителям на интеллектуальную собственность. Во-первых, стоит помнить, что в отличие от других имущественных прав сроки действия патентов (и авторских прав) истекают через некоторое время. Они дают своим владельцам право только на временные монополии. Всякая частная собственность всегда была обусловлена по крайней мере некоторыми правилами, ограничивающими ее использование. Не существует такого понятия, как неотъемлемое право собственности [10, с. 146–155]. Очевидно, в еще большей степени это относится к интеллектуальной собственности. ПИС исходят из того, что они в конечном счете не ограничивают, а способствуют распространению знаний и богатства в обществе. Таким образом, ПИС содержат предоставленную законом привилегию своего рода «нормативного ожидания». Общество ожидает публичного раскрытия конфиденциальной информации и хочет, чтобы знания распространялись свободно. Вместе с тем владельцы патентов временно защищены от этого общего ожидания, поскольку предполагается, что предоставление частных ПИС является стимулом для инноваций и расширения базы знаний общества.

После предоставления ПИС также действуют как требования к другим лицам, которые должны платить сборы или лицензионные платежи и которым не разрешено копировать защищенные материалы. Однако на эти притязания, в свою очередь, распространяется другой набор привилегий со стороны тех, кто исключен из интеллектуальной собственности. Эти привилегии или принципы ограничения собственности являются как внутренними, так и внешними по отношению к системе ПИС. Тот факт, что ПИС предоставляются на основе согласованной социальной цели, которой должны служить эти права, отражен в ст. 27(2) Соглашения ТРИПС, которая позволяет исключать объект из патентования: «для охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни или здоровья людей, животных или растений, или чтобы избежать серьезного ущерба окружающей среде» [11]. Что еще более важно, ст. 30 и 31 разрешают принудительное лицензирование патентов (их использование без согласия владельцев патентов) в случаях чрезвычайного положения в стране, а также в ряде других ситуаций. Развивающиеся страны мало использовали эти вполне законные исключения и гибкие возможности, которые недавно были подтверждены, в основном из-за реального или ожидаемого внеинституционального двустороннего давления со стороны европейских и американских правительств или влиятельного бизнеса.

2. ПИС – угроза для ПЧ?

Вероятно, первым положением любой версии теории ПЧ может быть утверждение, что некоторые вещи нельзя делать с человеком. Каждый должен не только быть защищен от преследований, пыток или цензуры, но и иметь право второго порядка на то, чтобы его нормативное положение не менялось. В этом смысле идея ПЧ заключается прежде всего в правах на неприкосновенность для каждого отдельного человека. Частная собственность имела высокий статус в основном до XVIII в., когда понятие «собственность» еще включало нашу жизнь, тело и супругов, а не сужалось до «вещей».

ПЧ можно рассматривать как право власти, способное порождать новые права или новые интерпретации старых прав. Кроме того, заявления о ПЧ имеют форму требований о правах против государств и других субъектов. Наконец, ПЧ также касаются привилегированных прав. Там, где соблюдаются ПЧ, люди могут свободно отказаться от господствующей религии или действовать вопреки господствующим мнениям. С другой стороны, массовые нарушения ПЧ породили иной вид привилегий: они придали легитимность государствам, которые нападают на другие государства военными средствами, чтобы остановить зверства. Эта привилегия действует до тех пор, пока вмешивающееся государство де-факто отрицает общую обязанность вообще уважать государственный суверенитет.

Таким образом, ПЧ не могут быть сведены к отдельным привилегиям или требованиям, полномочиям или иммунитетам. Скорее они охватывают и превосходят все это таким образом, что Ханна Арендт охарактеризовала их как «право иметь права» [12, с. 221–244].

ПЧ защищают саму человеческую свободу действий и, следовательно, достоинство людей. Колеблясь между моральным и правовым положением, они определяются борьбой за то, чтобы превратить их из просто желаемых прав в права на благосостояние и свободу, подлежащие судебной защите. Однако никакие юридические формулировки и никакие судебные решения, основанные на декларациях, никогда полностью не исчерпывают объем ПЧ. Именно на этот потенциальный нормативный излишек ссылаются всякий раз, когда люди встают и заявляют о своих правах: сам этот акт вставания подтверждает их человеческое достоинство. Заявляя претензии, люди обращаются не к официальным исполнителям, а как бы к миру, или моральной публике, которой они предъявляют свои притязания на права.

Права собственности, напротив, противостоят миру, людям как носителям гуманистической морали и поэтому всегда вызывали огонь со стороны обездоленных. ПИС с большей вероятностью разо-

жгут политические конфликты, потому что их предмет включает в себя нематериальные активы. Возникающая глобальная система ПИС может лишить людей доступа к важным активам знаний. Более того, она, по-видимому, выводит человечество из того, что можно было бы считать частью его сущности: творчество и условия для самореализации.

3. Режим интеллектуальной собственности как порядок признания

Опираясь на новшество Акселя Хоннета в критической социальной теории, можно предложить охарактеризовать глобальный режим ПИС как институционализированный «порядок признания» [13, с. 52–69].

Не пытаясь резюмировать сложности дебатов о концепции «порядка признания», следует отметить две ее важные идеи для осмысления нашего предмета. Во-первых, многие авторы сходятся во мнении, что справедливое общество – это такое общество, которое оказывает должное признание всем своим членам. Они расходятся в вопросе о том, отделена ли социальная борьба за признание от борьбы за перераспределение материальных ресурсов или же они как-то сочетаемы. Во-вторых, согласно Хоннету признание включает в себя больший содержательный объем, нежели права личности. В частности, сюда включается и общественное уважение, заслуженное отдельными лицами и сообществами в соответствии с их достижениями в качестве «продуктивных граждан», вносящих вклад в благосостояние общества [14].

Как эти идеи способствуют формированию новых аспектов видения сути ПИС?

Многие исследователи характеризуют глобальный режим ПИС как движимый не столько заботой об эффективности, сколько распределительными нормами и желанием собирать патентную ренту в глобальном масштабе [15, с. 46–51]. Их можно также интерпретировать как проявление паттернов признания и непризнания. Дело в том, что каждый порядок интеллектуальной собственности кодируем глубоко укоренившимися ценностными предпочтениями для одних видов труда за счет других. И как только этот порядок становится глобальным, его потенциал неверного признания достижений и квалификации одних социальных групп в ущерб другим значительно возрастает.

Предоставление патента или авторского права подразумевает, что общество считает продукты человеческой изобретательности – и, следовательно, их производителей – достойными «уважения». По этой причине лишь немногие авторы полностью отвергают идею интеллектуальной собственности. Наоборот, даже стойкие критики нынешнего порядка интеллектуальной собственности часто выступают

за создание новых ПИС для защиты, например, коллективной интеллектуальной собственности коренных народов.

Таким образом, реальные разногласия касаются не понимания ПИС как таковых, а того, как защитить физические воплощения очень разных видов интеллектуальных достижений таким образом, чтобы адекватно отражать общее понимание ценностных предпочтений. Соглашение ТРИПС вызвало широкую критику и протесты, потому что многие считают его институциональным выражением моделей уважения, которые не согласуются с самовосприятием тех, кого Соглашение затрагивает. Конфликты возникают из-за растущего впечатления, что одни достижения современного общества чрезмерно защищены законом, а другие недостаточно защищены и могут быть разграблены. В этой связи права фермеров и права на ресурсы традиционных народов заслуживают пристального внимания как символы в борьбе за переоценку вклада этих, во многом «невидимых», групп в глобальное общество.

Времена все же меняются, и знаменательно, что складывание глобального режима ПИС совпало с борьбой за справедливые правила интеллектуальной собственности. Ценностные предпочтения

западной промышленной и коммерческой элиты утверждались в то же самое время, когда консультанты международных организаций, гуманитарные работники и местные жители, получившие образование на Западе, заново открыли ошеломляющее богатство древних, но все еще используемых агрономических, ботанических и медицинских знаний коренного крестьянства во многих развивающихся странах. Вот на этом фоне и был поднят вопрос о признании их скрытого вклада в глобальное благосостояние [16, с. 173–189].

Сегодня и ПЧ, и ПИС пока еще лишь претендуют на действительную универсальность. Формирующийся на наших глазах мировой порядок признания, испытывающий серьезное влияние этих прав, еще не поддерживается прочным моральным консенсусом относительно их реальной применимости и справедливости. Вместо того, чтобы создавать основу для управления конфликтами, оба набора глобальных прав часто имеют тенденцию усугублять их. В то время как ПЧ основаны на моральных интуициях, которые формируют юридический дискурс, ПИС начали свою карьеру как узкоспециализированная правовая доктрина, которая лишь впоследствии была подкреплена морализирующим нарративом.

Пристатейный библиографический список

1. *Захарова О. В.* Современные подходы к пониманию прав человека в западной либеральной мысли : общий обзор // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2018. Т. 23.
2. *Болонина А. Л., Шиманская О. К.* Права человека как фактор международных отношений в условиях глобализации : китайский опыт // Век глобализации. 2016. № 4.
3. *Воробьев Н. С.* Право интеллектуальной собственности в сравнительном аспекте : к вопросу об уточнении понятия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2.
4. *Новоселова Л. А., Ворожевич А. С.* Исключительные права на результаты геномной инженерии : опыт России и зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39.
5. *Аграшева О. Е.* Права на результаты интеллектуальной деятельности в праве ВТО // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11.
6. *Маличенко В. С.* Международно-правовые механизмы противодействия распространению низкокачественной и фальсифицированной медицинской продукции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. Т. 16. № 1.
7. *Соболева А. А.* Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) // Экономика и управление в XXI веке : тенденции развития. 2016. № 26.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // United Nations : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.10.2022).
9. *Рыжова Н. П., Журавская Т. Н.* Идея о частной собственности и «реальные» захваты земли // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1.
10. *Ахметьянова З. А., Низамиева О. Н. Д. И. Мейер* о сущности права собственности и его составных частях // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 161. Кн. 4.
11. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // WIPO Lex Database : сайт. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (дата обращения: 22.10.2022).

12. Рогожа М. М. Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арендт // Этическая мысль. 2015. Т. 15.
13. Шачин С. В., Шачина А. Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (1).
14. Хоннет А. Идея социализма. Попытка актуализации. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2022.
15. Черешнева И. А. Право интеллектуальной собственности в условиях глобальных перемен : проблема взаимодействия технологий и права // Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1.
16. Андреева Г. Н. Проблемы защиты коллективной интеллектуальной собственности коренных народов // Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1.

References

1. Zakharova O. V. Modern Approaches to Understanding Human Rights in Western Liberal Thought: A General Overview. *News of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*. 2018. Vol. 23.
2. Bolonina A. L., Shimanskaia O. K. Human Rights as a Factor in International Relations in the Context of Globalization: Chinese Experience. *Century of Globalization*. 2016. No. 4.
3. Vorobiev N. S. Intellectual Property Law in a Comparative Aspect: On Clarifying the Concept. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021. Vol. 17. No. 2.
4. Novoselova L. A., Vorozhevich A. S. Exclusive Rights to the Results of Genetic Engineering: The Experience of Russia and Foreign Countries. *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2021. No. 39.
5. Agrasheva O. E. Rights to the Results of Intellectual Activity in the WTO Law. *Questions of Russian Justice*. 2021. No. 11.
6. Malichenko V. S. International Legal Mechanisms to Counteract the Spread of Low-Quality and Counterfeit Medical Products. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2020. Vol. 16. No. 1.
7. Soboleva A. A. Agreement on Trade Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). *Economics and Management in the 21st Century: Development Trends*. 2016. No. 26.
8. Universal Declaration of Human Rights (adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of the application: 22.10.2022).
9. Ryzhova N. P., Zhuravskaia T. N. The Idea of Private Property and "Real" Land Seizures. *Oikumena. Regional Studies*. 2020. No. 1.
10. Akhmetianova Z. A., Nizamieva O. N. D. I. Meyer on the Essence of Property Rights and its Constituent Parts. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2019. Vol. 161. Book 4.
11. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. URL: https://wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf (date of the application: 22.10.2022).
12. Rogozha M. M. Ethical Implications of the Meanings of Totalitarianism in the Studies of Hannah Arendt. *Ethical Thought*. 2015. Vol. 15.
13. Shachin S. V., Shachina A. Iu. Axel Honneth's Concept of Social Freedom Society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022. No. 25 (1).
14. Honnet A. The Idea of Socialism. Update Attempt. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022.
15. Cheresheva I. A. Intellectual Property Law in the Context of Global Change: The Problem of Interaction Between Technology and Law. *Law of the Future: Intellectual Property, Innovation, Internet*. 2018. No. 1.
16. Andreeva G. N. Problems of Protecting the Collective Intellectual Property of Indigenous Peoples. *Law of the Future: Intellectual Property, Innovation, Internet*. 2018. No. 1.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ И ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ: ОПЫТ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-11-20>

Категории административных и гражданских дел, разрешаемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, крайне разнообразны, однако обладают общими правоприменительными свойствами, которые на больших массивах данных судебных актов обеспечивают возможность их рассмотрения с точки зрения идентифицируемых моделей. Предметом настоящей статьи является проверка применимости в широкой предметной области, охватываемой административным и гражданским судопроизводством, методологии качественной оценки правового регулирования, ранее разработанной и апробированной на судебных актах по делам об административных правонарушениях и уголовным делам. В результате вычислительных экспериментов на примерах дел об оспаривании решений и действий (бездействия) органов принудительного исполнения и дел, вытекающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, показаны возможности автоматизированного анализа и оценки рациональности и индивидуализации судебного правоприменения.

ТРОФИМОВ Егор Викторович

доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора по научной
работе Санкт-Петербургского
института (филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)
diterihs@mail.ru

МЕЦКЕР Олег Геннадьевич

кандидат технических
наук, исследователь Санкт-
Петербургского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)
olegmetsker@gmail.com

КАШЛИКОВ Павел Павлович

студент Национального
исследовательского университета
ИТМО (г. Санкт-Петербург)
pavekash@gmail.com

**Право;
рациональность;
индивидуализация;
машинное обучение;
большие данные**

Egor V. TROFIMOV

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Deputy Director for
Research, St. Petersburg Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
diterihs@mail.ru

Oleg G. METSKER

Candidate of Technical Sciences,
Researcher, St. Petersburg Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
olegmetsker@gmail.com

RATIONALITY AND INDIVIDUALIZATION IN COURT DECISIONS IN ADMINISTRATIVE AND CIVIL CASES: EXPERIENCE OF COMPUTATIONAL EXPERIMENTS

The categories of administrative and civil cases resolved by district courts and arbitration courts are extremely diverse, but they have common law enforcement properties that, on big judicial data, make it possible to consider them from the point of view of identifiable models. The subject of this article is to test the applicability in a wide subject area covered by administrative and civil proceedings of the methodology for the qualitative assessment of legal regulation, previously developed and approved court decisions in cases of administrative offenses and criminal cases. As a result of computational experiments, using examples of administrative cases concerning complaints against public administration

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00837.

Pavel P. KASHLIKOV
Student, ITMO University (St.
Petersburg)
pavekash@gmail.com

actions and inactions and cases concerning civil liability insurance contracts of vehicle owners, the possibilities of automated analysis and evaluation of rationality and individualization of judicial enforcement are shown.

**Law;
rationality;
individualization;
machine learning;
big data**

Категории гражданских и административных дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, крайне разнообразны, а судебное правоприменение по ним осуществляется на основании законодательных и подзаконных актов во всех сферах правового регулирования, кроме уголовно-правовой и административно-деликтной. В известном смысле разрешение судебных дел и вынесение судебных актов по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) значительно отличается от правоприменительной деятельности по разрешению судами уголовных дел и дел об административных правонарушениях и порождает правовую дифференциацию в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве [1; 2; 3; 4]. Такая дифференциация в некотором отношении основывается на разнообразии судебных функций и разделении категорий дел [5, с. 92–96], организационных и юридических особенностей правоприменительной деятельности, находящихся выражение в формах и способах проведения правоприменительного процесса [6].

Разнообразие и сложность административных и гражданских дел, охватывающих подавляющее большинство судебных разбирательств, выступает фактором, усложняющим поиск и разработку путем улучшения судебного правоприменения и, более широко, правового регулирования в данной области. Пути преодоления этого затруднения можно искать в использовании современных вычислительных методов и средств, адекватных работе с большими данными. Такие компьютерные методы и технологии пригодны не только для обработки больших массивов информации, но и для обнаружения комплексных (неявных) связей между явлениями и процессами, недоступных для поиска и обоснования «ручными» методами. Внедрение высокопроизводительных вычислений и больших данных в сферу судебного правоприменения – это перспективное направление цифровой трансформации права, государства и юридических исследований.

Обзор развития компьютерных систем и методов в юридических исследованиях и юридической практике сделан авторами в отдельной работе [7, с. 147–170]. Ранее авторами были опубликованы работы по результатам вычислительных экспериментов в области административно-деликтного и уголовного права, в которых представлены результаты разработки междисциплинарной методологии автоматизированного анализа и качественной оценки правового регулирования, основанные на математических и социально-правовых индикаторах. В настоящей статье представлены отдельные результаты, полученные авторами в предметной области судебного правоприменения по административным и гражданским делам, в рамках распространения полученного исследовательского опыта на указанные сферы судебного правоприменения, проверки и уточнения методологических результатов.

В основу исследования была положена разработанная авторами на основе индикаторного подхода междисциплинарная (компьютерно-юридическая) методология качественной оценки оптимизации правового регулирования, включающая догматический метод, системный анализ и экспертные оценки, а также компьютерные методы (сбора, очистки и предобработки данных, обработки естественного языка, разметки, нормализации и интеллектуального анализа данных, машинного обучения) [8]. В результате предобработки, в том числе структурирования, для проведения вычислительных экспериментов формировались датасеты в объеме, обеспечивающем высокую достоверность результатов (как правило, 98–99%). Обработанные данные анализировались с использованием моделей, разработанных и апробированных авторами.

Исследование проводилось на массивах текстов судебных актов:

1) по административным делам – об оспаривании действий (бездействия) и решений судебного пристава-исполнителя и территориального органа Федерального казначейства (финансового органа субъекта РФ или муниципального образования), вынесенных в первой инстанции по КАС РФ и АПК РФ

районными судами (5892 решения) и арбитражными судами (5566 решений) соответственно;

2) по гражданским делам – по решениям по искам, вытекающим из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), вынесенным в первой инстанции по ГПК РФ и АПК РФ районными судами (4727 решений) и арбитражными судами (4794 решения) соответственно.

Результатами вычислительных экспериментов стало подтверждение применимости индикаторного подхода к анализу оценки судебного правоприменения по административным и гражданским делам. Высокий уровень интерпретируемости и предсказуемости судебной практики по рассматриваемым категориям дел показали индикаторы рациональности и индивидуализации.

По административным делам при всей их схожести различия, выявленные автоматизированным путем, отражали объективные особенности материальных правоотношений, в рамках которых разрешались дела судами (арбитражными судами). Решения судов общей юрисдикции в основной массе основывались на Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», тогда как арбитражные суды, с учетом специфики их компетенции, рассматривали дела, связанные с исполнением судебных актов по передаче средств бюджетов и средств, подлежащих казначейскому сопровождению, на основании Бюджетного кодекса РФ (ч. 1 ст. 242.3, ч. 1 ст. 242.4, ч. 1 ст. 242.5), Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (п. 5 ч. 20 ст. 30) и Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (п. 3.19 ст. 2). Эти особенности проявлялись при использовании машинного обучения (классификация и регрессия) при построении «деревьев решений» как визуализации индикатора рациональности, демонстрирующего для актов правоприменения степень логичности (обоснованности) юридических рассуждений в парадигме абстрактных правовых аргументов [9, р. 321–357]. Индикатор рациональности рассчитывается для заданного правоприменительного вопроса, в данном эксперименте – для вопроса об удовлетворении (отказе в удовлетворении) заявления (административного искового заявления).

В судах общей юрисдикции логика принятия решений опиралась на характер и содержание оспариваемой активности органа принудительного исполнения (бездействие судебного пристава, временное ограничение им выезда должника за пределы РФ и т.д.) и обстоятельства конкретных дел (пропуск

срока на обращение, интересы супруга, повторность действий, воздействие на транспортное средство, специальное право, неимущественное право, реализуемое с торгов имуществом и т.д.).

В арбитражных судах по объективным причинам (специфическая компетенция арбитражных судов) рассматривались более типизированные ситуации, а логика принятия решения опиралась на обстоятельства типичной ситуации (расчетов по оплате труда, выделения дополнительного лимита финансирования и формирования платежных поручений). Глубина «дерева решений» арбитражной практики была редуцирована в сравнении с «деревом решений» практики общих судов. Типично в арбитражных судах рассматриваются по данной категории дел вопросы законности неисполнения исполнительных документов (судебных решений) в условиях необходимости принятия решений о пересмотре лимита финансирования и продолжении регулярной (два раза в месяц) выплаты заработной платы работникам, а юридические конфликты вызваны ситуациями блокирования расходных операций (финансово-хозяйственной деятельности) государственного (муниципального) учреждения.

Вместе с тем в обоих массивах судебных актов (судов общей юрисдикции и арбитражных судов) с использованием индекса Шепли отмечается высокий уровень индивидуализации судебного правоприменения. В судебных решениях по делам, рассмотренным по правилам КАС РФ, на индивидуализацию правоприменения при удовлетворении или отказе в удовлетворении административного искового заявления влияли сам по себе вид оспариваемой активности судебного пристава (постановление, действие или бездействие), содержание активности судебного пристава (понижение должника, взыскание исполнительского сбора и т.д.), вид исполнительного документа (судебный приказ, постановление о назначении административного штрафа и т.д.), особенности материальных правоотношений, с которыми связано исполнение исполнительного документа (интересы казны, долг по кредиту, проценты и т.д.), обстоятельства исполнительного производства (выражение несогласия участниками исполнительного производства, замена стороны исполнительного производства, соотносимость объема требований со стоимостью имущества и т.д.).

В решениях арбитражных судов, вынесенных по правилам АПК РФ, также отмечен разный вклад различных индивидуализирующих обстоятельств в принятие решения либо об удовлетворении, либо об отказе в удовлетворении заявления, соответствующий специфической типовой ситуации юридического конфликта, разрешаемой арбитражным судом. Среди таких индивидуализирующих обстоятельств можно

указать бездействие финансового органа, приостановление операций по лицевому счету, факт совершения расходов, выдачу денежных средств, формирование платежного поручения, наличие статуса бюджетного или образовательного учреждения, запоздалые действия участников принудительного исполнения, недостаточность финансирования, невыяснение требуемых обстоятельств взыскания и т.д.

Каждое из таких обстоятельств оказывает большее или меньшее влияние на индивидуальное правовое регулирование в виде положительного или отрицательного разрешения судом (арбитражным судом) административного искового заявления (заявления) с учетом фактических обстоятельств административного дела (дела, вытекающего из публичных правоотношений).

По гражданским делам важной особенностью, проявившейся в данных экспериментах, является их однородность, основанная на применении одинаковых норм материального закона. В частности, по 27 позициям (включая приведенные синонимы) наиболее часто встречающихся обстоятельств (предикторов) в названной категории дел наблюдается полное совпадение результатов в данных по районным судам и по арбитражным судам, а на рассматриваемом массиве текстов (данных) судебных актов по гражданским делам аналитически не усматривается существенного влияния процессуальных различий судопроизводства по ГПК РФ или АПК РФ на логику решения важнейшего правоприменительно-го вопроса об удовлетворении (отказе в удовлетворении) иска.

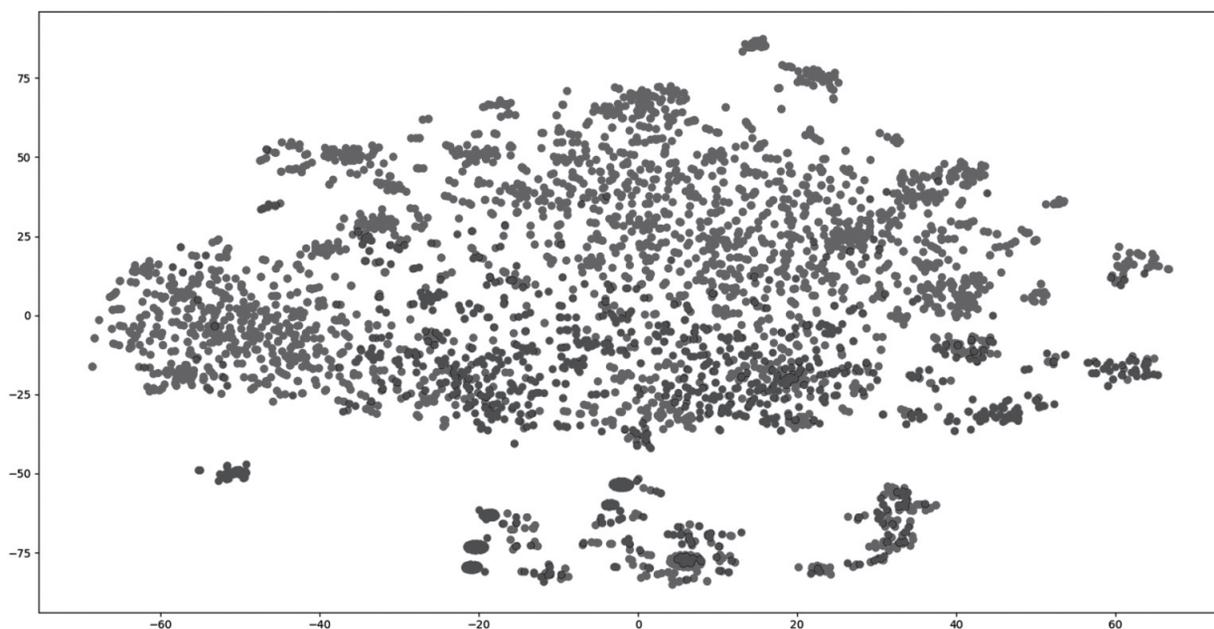

Рис. 1.

Кластеризация судебных актов по представленным в них обстоятельствам на массиве решений районных судов по делам, вытекающим из договора ОСАГО

Вместе с тем индикатор предметной однородности, идентифицированный путем кластерного анализа методами машинного обучения на 2000 токенов (результаты редуцированы в двухмерное пространство признаков), показал наличие более дифференциро-

ванной сложившейся практики по гражданским делам (рис. 1), чем по арбитражным делам данной категории (рис. 2), что видно по выделенным кластерам, концентрирующим судебные решения об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении иска.

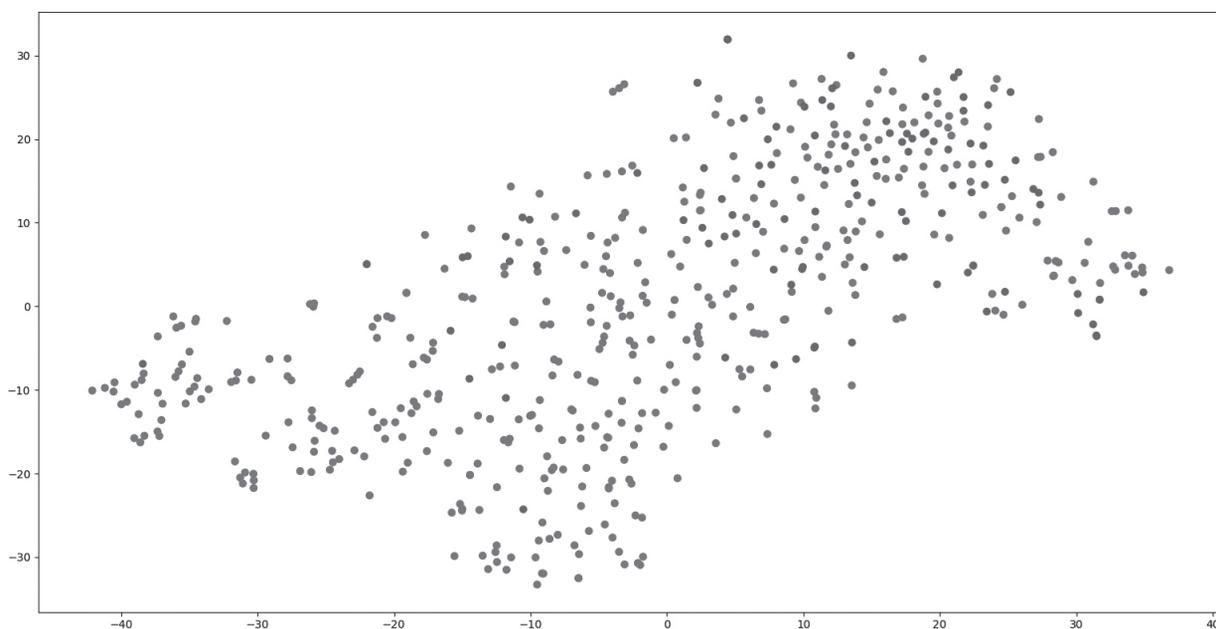

Рис. 2.

Кластеризация судебных актов по представленным в них обстоятельствам на массиве решений арбитражных судов по делам, вытекающим из договора ОСАГО

При этом в массивах решений судов общей юрисдикции (рис. 3) и арбитражных судов (рис. 4) по данной категории гражданских дел отмечен разный вклад различных индивидуализирующих обстоятельств в принятие решения по иску, что свидетельствует о различном значении этих обстоятельств в правоприменительных ситуациях, разрешаемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а именно в условиях спора страховых организаций с гражданами и с хозяйствующими субъектами соответственно. Так, техническая экспертиза имеет большее влияние на удовлетворение исков экономических субъектов и на отказ в исках гражданам. Выявление злоупотреблений застрахованных, участие полиции в фиксации страхового случая, а также претензии по замене узлов и агрегатов для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей являются факторами отказа в иске, а для граждан эти обстоятельства остаются двояко направленными.

При этом рациональное решение судов общей юрисдикции зависит главным образом от таких обстоятельств, как соблюдение добровольного порядка урегулирования, просрочка исполнения, уступка права требования, проведение экспертизы, участие финансового уполномоченного и размер изно-

са, а решение арбитражных судов – от чрезмерности требований, добровольного страхования, необходимости доплаты, замены узлов и агрегатов, а также все тех же просрочки исполнения и проведения экспертизы.

Продемонстрированные различия в судебном правоприменении по административным и гражданским делам в судах общей юрисдикции (по правилам КАС РФ и ГПК РФ) и арбитражных судах (по правилам АПК РФ) по сходным категориям дел показали наличие различий, которые можно выявить на основе анализа больших данных компьютерными методами, включая машинное обучение. Хотя очевидно, что ряд различий проистекает из особенностей применяемых судами законов, специфики субъектного состава правоотношений и вызванных этим особенностей правоприменительных ситуаций, причины таких различий, конечно, могут дополнительно изучаться. Однако в методологическом отношении значимым представляется подход к идентификации этих различий, аналитический и предиктивный потенциал индикаторов, основанных на междисциплинарных методах, из которых наиболее универсальный характер носят индикаторы предметной однородности, рациональности и индивидуализации.

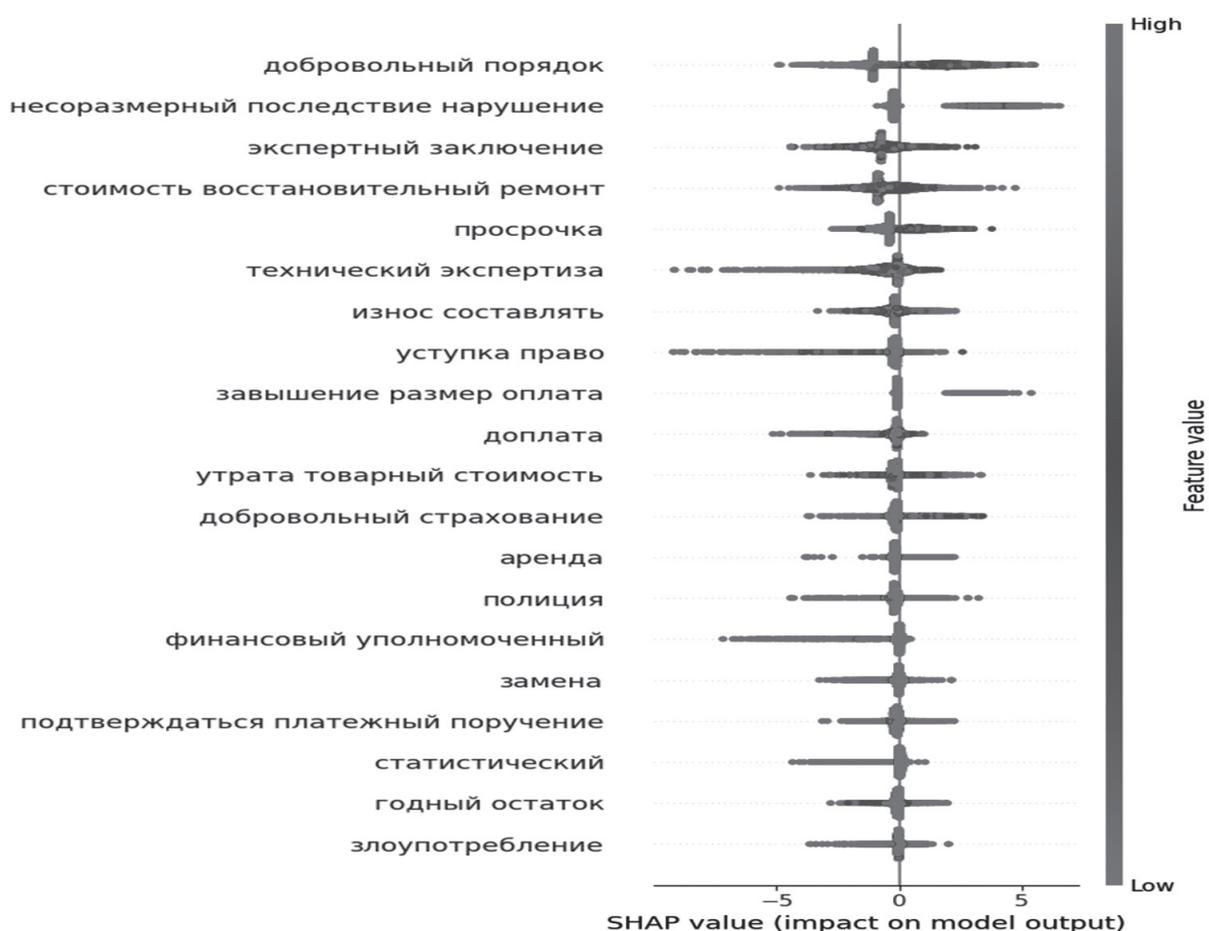

Рис. 3.
 Значимость предикторов (обстоятельств дела), определенная на основе SHAP value для массива решений районных судов по делам, вытекающим из договора ОСАГО

Индикатор рациональности коррелирует с правовой определенностью и опирается на принцип идентифицируемости модели, который обеспечивает в междисциплинарном отношении синтез свойства идентифицируемости кибернетического объекта [10; 11] и требование определенности правового регулирования [12, с. 68–80]. Право рассматривается как проявление разумного и рационального, как рациональный регулятор общественных отношений [13]. Требование определенности предъявляется как к праву в целом, так и к нормативно-правовому регулированию [14, с. 33–42] и судебной практике [15]. В этом смысле правовая определенность связывается с качеством права [16, с. 16–28], а единство судебной практики признается составляющей правовой определенности [17, с. 63–74]. Благодаря этому категории разумности и определенности можно ис-

пользовать как внешние, а не имплицитные праву ценности, обусловленные местом, временем и субъектным составом механизма правового регулирования [18, с. 42–51], и по этим внешним параметрам осуществлять качественную оценку правового регулирования, что в исследованиях авторов произведено посредством индикатора рациональности, выявляемого и используемого с помощью компьютерных моделей и методов.

Идентификация и использование индикатора рациональности наиболее просто достигается методами машинного обучения классификационным путем в виде построения регрессионного дерева решений, таргетированного на заданный правоприменительный вопрос. Индикатор рациональности коррелирует с интерпретируемостью и предсказуемостью правоприменительной практики, а единообразное

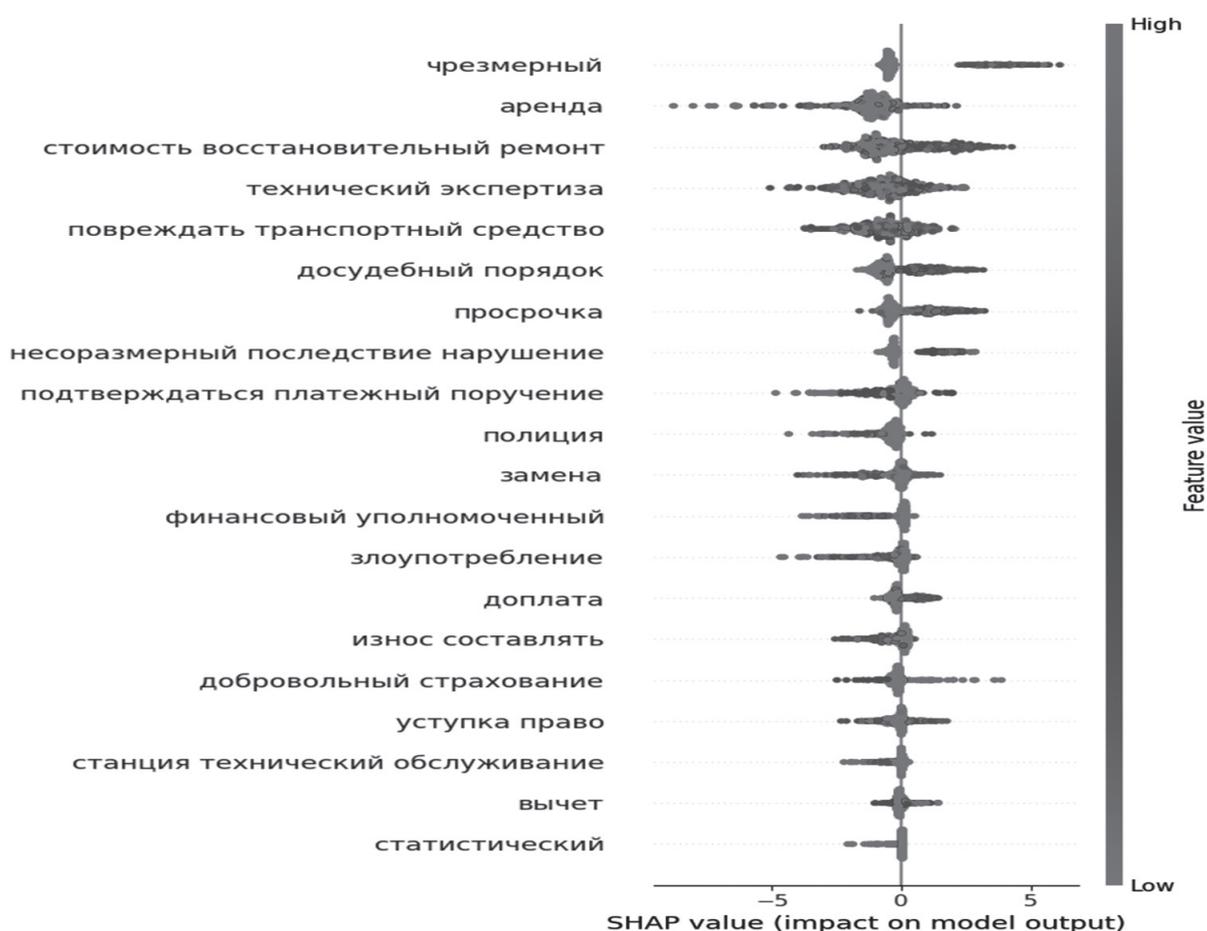

Рис. 4.
Значимость предикторов (обстоятельств дела), определенная на основе SHAP value для массива решений арбитражных судов по делам, вытекающим из договора ОСАГО

и предсказуемое состояние правового регулирования имеет принципиальное значение для верховенства закона, практической юриспруденции, выработки и реализации правовой политики, достижения прогнозных и аналитических исследовательских целей.

Индикатор индивидуализации правоприменения опирается на функцию индивидуального регулирования общественных отношений, которую выполняют судебные акты как акты правоприменения [19, с. 146–156]. Индивидуализация в правоприменительной деятельности осуществляется, в частности, на основе ситуационного правоприменительного усмотрения, когда законодатель предоставляет правоприменителю возможность действовать по усмотрению исходя из конкретных обстоятельств дела [20]. Эта идея и лежит в основе индикатора индивидуализации правоприменения, отражающего разнооб-

разие фактических обстоятельств дел, оказывающих влияние на разрешение судами правоприменительных вопросов. В частном случае индивидуализация проявляется как индивидуализация юридической ответственности [21; 22, с. 51–54] и индивидуализация наказания [23, с. 921–924; 24, с. 103–105; 25]. В этом отношении она рассматривается как требование интеллектуальной оценочной деятельности компетентных государственных органов и их должностных лиц по установлению и учету многочисленных связей и взаимозависимостей между юридически и социально значимыми факторами, отражающими особенности совершенного правонарушения и личности правонарушителя, обстоятельствами, выходящими за рамки формального состава противоправного деяния, с тем, чтобы мера и порядок реализации государственного порицания наиболее точно соответствовали всем

выявленным особенностям в целях достижения оптимальных результатов в деле исправления правонарушителя и предупреждения правонарушений [26].

Индикатор индивидуализации сопряжен с использованием корреляционного и кластерного анализа, классификации и регрессии. Индивидуализация – один из важнейших принципов привлечения к ответственности и принципов правовой политики, он обеспечивает дифференциацию видов и размеров наказания (мер ответственности) и других правоприменительных решений в зависимости от набора определенных позитивных или негативных фактов, благодаря чему интеллектуальный анализ на больших данных обеспечивает высокую достоверность и новизну исследовательских результатов. При увеличе-

нии пределов правоприменительного усмотрения в вопросе о выборе вида и размера наказания реализация принципа индивидуализации наказания выражается в учете большего количества фактических обстоятельств дела или наборов этих обстоятельств, что и показывает данный индикатор.

Таким образом, вычислительные эксперименты, проведенные на текстах (данных) судебных актов по административным и гражданским делам, рассмотренным судами общей юрисдикции и арбитражными судами по правилам КАС РФ, ГПК РФ и АПК РФ, показали применимость методологии качественной оценки правового регулирования, выработанной на материалах в административно-деликтной и уголовной сферах.

Пристатейный библиографический список

1. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.
2. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
3. Пешкова Т. В. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014.
4. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство : проблемы единства и дифференциации : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2012.
5. Талыкин Е. А. Система видов производств арбитражного процесса: современность и тенденции развития // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 14. № 2.
6. Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006.
7. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности : систематический обзор // Труды Института системного программирования РАН. 2020. Т. 32. Вып. 3.
8. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Методология качественной оценки оптимизации правового регулирования (интеллектуальный анализ и машинное обучение на больших данных судебных актов по делам об административных правонарушениях и уголовным делам) : монография. СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021.
9. Dung P. M. On the Acceptability of Arguments and its Fundamental Role in Nonmonotonic Reasoning, Logic Programming and *N*-Person Games // Artificial Intelligence. 1995. Vol. 77. No. 2.
10. Новиков Д. А. Кибернетика : Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. М. : ЛЕНАНД, 2016.
11. Saridis G. N. Self-Organizing Control of Stochastic Systems. New York : Marcel Dekker, 1977.
12. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2.
13. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. М. : Инфра-М ; ИЗиСП, 2014.
14. Пресняков М. В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5.
15. Сидоренко А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике : имплементация решений Европейского суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016.
16. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
17. Цувина Т. А. Единство судебной практики как элемент правовой определенности : подход Европейского суда по правам человека // Проблемы законности. 2019. № 146.

18. Лазарев В. В. Разумность и определенность в правовом регулировании с позиций интегративного восприятия права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–21 апреля 2017 г.) : в 3 ч. Ч. 1. М. : РГУП, 2018.
19. Тонков Е. Е., Коваленко В. И., Пожарова Л. А. Правоприменение как способ реализации юридических норм // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2012. № 2. Вып. 19.
20. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
21. Жданова А. Н. Индивидуализация административной ответственности граждан : монография. М. : РУСАЙНС, 2018.
22. Липинский Д. А. К вопросу о принципе индивидуализации юридической ответственности // Российская юстиция. 2015. № 9.
23. Архипов С. В. Индивидуализация административного наказания юридических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 9.
24. Долгополов К. А. Индивидуализация наказания как один из принципов уголовного права // Юридическая наука. 2013. № 3.
25. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
26. Иванов А. А. Принцип индивидуализации юридической ответственности в российском праве X–XX вв. : историко-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

References

1. Gromoshina N. A. Differentiation and Unification in Civil Proceedings: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2010.
2. Manova N. S. Theoretical Problems of Criminal Procedure Proceedings and Differentiation of Their Forms: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2005.
3. Peshkova T. V. Administrative Legal Proceedings in the Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Voronezh, 2014.
4. Slepchenko E. V. Civil Legal Proceedings: Problems of Unity and Differentiation: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2012.
5. Talykin E. A. The System of Types of Productions of the Arbitration Process: Modernity and Development Trends. *Legal Bulletin of the Dagestan State University*. 2015. Vol. 14. No. 2.
6. Rafikov R. R. Judicial Law Enforcement: Theoretical and Legal Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ufa, 2006.
7. Trofimov E. V., Metsker O. G. Application of Computer Techniques and Systems in the Study of Law, Intellectual Analysis and Modeling of Legal Activity: A Systematic Review. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*. 2020. Vol. 32. No. 3.
8. Trofimov E. V., Metsker O. G. Methodology for the Qualitative Assessment of the Legal Optimization (Data Mining and Machine Learning on Judgment Big Data in Cases of Administrative Offenses and Criminal Cases): Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice Publ., 2021.
9. Dung P. M. On the Acceptability of Arguments and its Fundamental Role in Nonmonotonic Reasoning, Logic Programming and *N*-Person Games. *Artificial Intelligence*. 1995. Vol. 77. No. 2.
10. Novikov D. A. Cybernetics: Navigator. History of Cybernetics, Current State, Development Prospects. Moscow: Lenand, 2016.
11. Saridis G. N. Self-Organizing Control of Stochastic Systems. New York: Marcel Dekker, 1977.
12. Derbysheva E. A. The Principle of Legal Certainty as a Requirement for the Certainty of Legal Norm. *Legal Research*. 2017. No. 2.
13. Vlasenko N. A. Reasonableness and Certainty in Legal Regulation: Monograph. Moscow: Infra-M; Institute of Legislation and Comparative Law, 2014.
14. Presniakov M. V. Legal Certainty as a Systematic Quality of Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. 2009. No. 5.
15. Sidorenko A. I. The Principle of Legal Certainty in Judicial Practice: The Implementation of Decisions of the European Court of Human Rights: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Perm, 2016.
16. Gadzhiev G. A. The Principle of Legal Certainty and the Role of the Courts in its Provision. The Quality of Laws from the Russian Point of View. *Comparative Constitutional Review*. 2012. No. 4.

17. *Tsvina T. A.* Unity of Judicial Practice as an Element of Legal Certainty: Approach of the European Court of Human Rights. *Problems of Legality*. 2019. No. 146.
18. *Lazarev V. V.* Reasonableness and Certainty in Legal Regulation from the Standpoint of Integrative Perception of Law. In *Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (Moscow, 17–21 April 2017)*. In 3 parts. Part 1. Moscow: Russian State University of Justice, 2018.
19. *Tonkov E. E., Kovalenko V. I., Pozharova L. A.* Law Enforcement as a Way to Implement Legal Norms. *Scientific Statements. Series "Philosophy. Sociology. Law"*. 2012. Vol. 2. No. 19.
20. *Minnikov I. A.* Individual Legal Regulation: A Theoretical and Legal Analysis: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Yekaterinburg, 2009.
21. *Zhdanova A. N.* Individualization of Administrative Responsibility of Citizens: Monograph. Moscow: Rusayns, 2018.
22. *Lipinskii D. A.* On the Principle of Individualization of Legal Responsibility. *Russian Justice*. 2015. No. 9.
23. *Arkhipov S. V.* Individualization of Administrative Punishment of Legal Entities. *Administrative and Municipal Law*. 2015. No. 9.
24. *Dolgoplov K. A.* Individualization of Punishment as One of the Principles of Criminal Law. *Legal Science*. 2013. No. 3.
25. *Melnikova Iu. B.* Differentiation of Responsibility and Individualization of Punishment. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1989.
26. *Ivanov A. A.* The Principle of Individualization of Legal Liability in Russian Law of the 10th–20th Centuries: A Historical and Legal Research: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2010.

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-21-26>

Актуальность работы предопределена необходимостью совершенствования правовой политики в области сокращения регулирующего воздействия государства на экономику и некоторые неэкономические виды социальной деятельности, опирающиеся на неформальные институты. Цель работы заключается в разработке критериев избыточного нормативного регулирования, использование которых позволит верно определить стратегические приоритеты государства, занятого дерегулированием. Основой методологии исследования выступает принцип коммуникативной рациональности, позволяющий считать доказанным наличие неформальных институтов там, где локальное сообщество или экономический субъект обнаружили собственную активность, участвуя в политической и, соответственно, правовой коммуникации. Основное содержание и главные выводы сводятся к тому, что комплексная стратегия публичной власти по снятию чрезмерной нормативной нагрузки может быть успешной лишь при условии предварительной диагностики социальной интеграции в тех или иных территориальных пределах или по функциональному, равно как и отраслевому, принципу. Ни одна задача либерализации правового порядка не решается в условиях дефицита коммуникативных возможностей внутри того или иного сообщества.

БЕЛЯЕВ

Максим Александрович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и социологии
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (г. Москва)

yurist84@inbox.ru

**Правопорядок;
правовая политика;
сверхрегулирование;
либерализация правового порядка;
регуляторная реформа;
правовая коммуникация**

Maxim A. BELYAEV

Candidate of Philosophic Sciences,
Associate Professor, Department
of Philosophy and Sociology,
Kutafin Moscow State Law University
(MSAL) (Moscow)
yurist84@inbox.ru

REGULATORY REDUNDANCY AS A POLICY PROBLEM

In this article highlighted the need to improve the legal policy in the field of reducing the regulatory impact of the state on the economy and some non-economic types of social activities based on informal institutions. The purpose of the work is to develop criteria for excessive regulatory regulation, the use of which will correctly determine the strategic priorities of the state engaged in de-regulation. The basis of the research methodology is the principle of communicative rationality, which makes it possible to consider the existence of informal institutions proven where a local community or an economic entity has found its own activity, participating in political and, accordingly, legal communication. The main content and main conclusions come down to the fact that a comprehensive strategy of public authorities to remove the excessive regulatory burden can be successful only if a preliminary diagnosis of social integration within certain territorial limits or according to functional, as well as sectoral principles. Not a single task of liberalizing the rule of law can be solved in the face of a lack of communication opportunities within a particular community.

**Legal order;
legal policy;
over-regulation;
liberalization of law;
regulatory reform;
legal communication**

В настоящей работе решаются три взаимосвязанные задачи: во-первых, определение понятия «нормативно-регулятивная избыточность»; во-вторых, уточнение критериев такой избыточности; в-третьих, выявление источника этих критериев с целью показать их практическую значимость для правовой политики вообще и отечественной в частности.

Актуальность темы избыточного присутствия государства (прежде всего законодателя) в обеспечении социального порядка связана с тем, что социально-экономическое развитие страны для своего ускорения требует активного участия негосударственных структур в решении общих дел. Сверхсложные задачи развития могут быть решены только путем декомпозиции, разделения на отдельные подзадачи и частичного делегирования функций управления некоммерческому сектору. Известно, что такого рода структуры, возникающие на основе взаимной заинтересованности людей в результатах их коллективной деятельности, как правило, довольствуются неформальными институтами, т.е. особым типом регулирования, который трудно определить эмпирически и еще труднее поставить под контроль [1, с. 11]. Мировой опыт показывает, что такой контроль в целом лишен пользы, поскольку представляет собой лишь ряд административных барьеров, осложняющих какие-либо шансы на самоорганизацию [2, с. 10–11]. Неформальному регулированию объективно необходимо пространство для укрепления, что в нынешних условиях можно обеспечить лишь путем дерегулирования, т.е. сокращения нормативной нагрузки на определенные подсистемы общества или отдельные виды социальных отношений.

Любая политика государства предполагает рациональные действия, ориентированные на достижение какой-либо цели. Если в ряду этих целей оказывается дерегулирование, необходимо определить те критерии, на основании которых оно будет осуществляться. Можно с уверенностью сказать, что точность и полнота данных критериев предопределяют саму стратегию государства по оптимизации нормативных правовых актов министерств и иных ведомств. Такая работа ведется в России уже не первый год, она обеспечена эмпирическими показателями, расчет которых носит экономико-статистический характер, но теоретических критериев пока не выработано или же научная общественность не имеет по данному поводу консенсуса.

Вместе с тем потребность в научном подходе к данной разновидности государственной политики достаточно очевидна. В отечественном дискурсе тема слишком значительного присутствия государства в экономике звучит уже давно, об этом говорилось еще в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 17 февраля 1998 г. Тогда Президент

заявил о перекосах в системе государственного регулирования и о том, что либерализация экономики предполагает устранение как неоправданно слабой роли государства в одних сферах, так и избыточной – в других [3]. Концептуализацией сказанного явился указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824, в котором первым приоритетным направлением административной реформы было определено ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования. Надо сказать, что с тех пор и по настоящее время общественности так и не было предъявлено единого плана или концепции, опираясь на которые можно было бы выяснить, по каким направлениям будет проведено дерегулирование и в какой степени нормативная нагрузка будет сокращена.

В документах стратегического планирования государство фиксирует на уровне принципов свое понимание административной реформы и ее важнейших задач. К примеру, разд. 2.1 Транспортной стратегии Российской Федерации до 2020 года, утв. приказом Минтранса России от 12 мая 2005 г. № 45, содержит три тезиса:

1) государственное регулирование транспортной деятельности, государственное финансирование отдельных элементов транспортной системы и видов транспортной деятельности в условиях рынка остаются объективной необходимостью, хотя государство исходит из необходимости сокращения своего участия в транспортной деятельности;

2) в основу транспортной политики государства положен принцип разделения государственных задач регулирования отрасли и выполнения хозяйственных функций. При этом государство, ограничивая свои функции как хозяйствующего субъекта, повышает эффективность государственного регулирования на транспорте, направляя его на повышение качества обслуживания;

3) при безусловных отраслевых и региональных различиях в транспортной системе на макроуровне государство рассматривает транспорт как единый объект управления. Согласованное развитие и организация взаимодействия различных видов транспорта делают транспорт единым комплексом, что обеспечивает дополнительный системный эффект.

Другими словами, присутствие государства, как следует из Стратегии, связывается исключительно с участием в предпринимательской деятельности, в то время как об ограничении собственно регулятивной функции речи не идет. Указанная двусмысленность отчасти была устранена распоряжением Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р, утвердившим Концепцию снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муни-

ципальных услуг на 2011–2013 годы и План мероприятий по реализации указанной Концепции. Здесь преобразующее воздействие на систему органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений впервые оказалось связанным с эмпирическими индикаторами, в частности индикатором *GRICS*, рассчитываемым Всемирным банком. Несмотря на то что интегральный показатель качества управления содержит в своем составе шесть самостоятельных показателей, было решено ориентироваться только на два: «Эффективность государственного управления» и «Качество государственного регулирования» (именно этот показатель отражает избыточное регулирование бизнеса, неадекватный контроль в сфере финансов). Методика определения данных критериев не раскрывается с приемлемой степенью подробности, так что исследователи не обладают сколько-нибудь информативными данными о ней, позволяющими в том числе подвергнуть ее критике. Показательно, что и последующие распоряжения Правительства РФ, принимающие во внимание данные индикаторы, не предлагают концептуально выверенного подхода к достижению заданных значений качества и эффективности (речь идет о распоряжениях Правительства РФ от 29 марта 2018 г. № 535-р, от 30 марта 2018 г. № 552-р и от 28 апреля 2018 г. № 830-р, утвердивших планы мероприятий («дорожные карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлениям «Автонет», «Нейронет» и «Энерджинет» соответственно).

Позволим себе предположить, что описанная ситуация со многими неизвестными, противоположная долгосрочному реформированию, все же является следствием не только слабой юридико-технической проработки соответствующих документов. Есть и более важные причины. По всей вероятности, не существует и не может существовать единственно правильного представления о том, в какой степени государство должно сохранять свое присутствие в той или иной области хозяйства. Более того, представляется, что решение этой проблемы наталкивается на информационную асимметрию, осложняющую возможность выработать адекватный вариант действий.

Речь идет о следующем: для бизнеса убедительной может быть только аргументация, привязанная к величине издержек, поскольку издержки определены эмпирически. Если соблюдение правительственных требований влечет увеличение расходов, такие требования могут быть отнесены к избыточным, но только при условии, если несоблюдение этих требований не снижает качество производимой продукции, работ или услуг. Поскольку расходы чаще всего де-фак-

то перекладываются на конечных потребителей, точка зрения населения может совпадать с убеждениями представителей торгового капитала (но не финансового). Что же касается органов исполнительной власти, то они как носители особого (публичного) интереса в силу этого всегда свободны от необходимости учитывать такой довод, как издержки, противопоставляя численным индикаторам трудно верифицируемый тезис о необходимости регулирующего воздействия со стороны государства. Говоря проще, любые попытки дерегуляции осложнены неустранимым неравенством: одна часть лиц, задействованных в реализации регуляторной политики, знает критерии, на которые стоит ориентироваться, и критерии эти всегда остаются хорошо определяемыми, другая часть лиц не имеет собственных критериев, может позволить себе не принимать доводы оппонента и игнорировать предлагаемые им критерии, а самое главное, может позволить себе действовать без опоры на какие-либо показатели вообще.

Наряду с асимметрией в ходе осмысления эмпирической основы политики дерегулирования обнаруживается и другое явление, которое можно назвать «эпистемическим провалом» (*epistemic gap*). Суть заключается в следующем: регулирование, применяемое публичной властью, выходит далеко за пределы экономики, следовательно, многие аспекты общественного бытия вообще не поддаются оценке с помощью общепринятых представлений об издержках и их минимизации. Существуют такие сферы жизнедеятельности (например, культура или национальная безопасность), оценка эффективности присутствия государства в которых не сопровождается внятной системой количественно рассчитываемых критериев, да и само понятие эффективности выглядит несколько сомнительно. Другими словами, мы здесь имеем дело не с неопределенностью значений, а с их непознаваемостью. Соответственно, логика либерализации работать не будет *a priori*: бизнес не имеет определенной позиции, а некоммерческий сектор не располагает надежными ориентирами для формирования собственной позиции, по крайней мере до тех пор, пока самостоятельность и самоуправление не развиты в достаточной мере. Но они и не могут быть развиты в этих условиях.

В итоге можно наблюдать следующее: есть сферы активности, в которых избыточное присутствие публичной власти может быть диагностировано и переведено в систему показателей, определяемых с помощью некоторой методики, а есть сферы, в которых расчет таких показателей недостижим по объективным причинам. Соответственно, ни либерализация, ни обратные процессы, активизируемые в той мере, в какой это сочтет необходимым власть, в таких сферах не обладают статусом актуальной необходимос-

ти. Иначе говоря, изменения здесь всегда произвольны, они могут не проводиться вообще, а могут возникать эпизодически и неожиданно завершаться. Все возможные реформы здесь получают свое оправдание *post factum*, и характер этого оправдания всегда остается сугубо идеологическим, т.е. ценностно нагруженным, причем происхождение данных ценностей зачастую оказывается неясным.

Но как бы ни действовала в этих неопределенных условиях публичная власть, противоположной стороне (населению) тоже нельзя отказать в приверженности ценностям. Другое дело, что последние выражены не столь акцентированно, поэтому в идеологическую форму облечены быть не могут. Стихийность общественного сознания предполагает, что граждане еще способны понимать свои текущие интересы и чувствовать их ущемление, к примеру, однако, с переносом мыслей и ожиданий в область будущего времени все намного сложнее, поэтому власть всегда занимается тем, что объясняет подвластным желательную картину будущего. Поскольку такое объяснение не может быть всецело рациональным, ведь оно адресуется к тому, чего нет, в его структуре огромную роль играют различные идеологемы, так или иначе пересекающиеся по содержанию с умонастроениями масс. В этом смысле любопытно обратить внимание на такую закономерность: любая идеологема может быть превращена в практический ориентир для той или иной реформы, равно как и наоборот: абсолютно лишённая «технологического» сопровождения задача из сферы политики легко переходит в сферу конструирования идеальных сущностей, переживание которых ценнее их реализации.

Однако интерес простых граждан к политическим процессам, растущая степень их самоорганизации и многие другие обстоятельства исключают управление, легитимированное только лишь идеологией. Если верно, что, как пишет А. В. Яновский, «современная практика публичного управления в развитых странах ориентируется на модель «нового публично-го управления», основными сущностными признаками которой являются: вовлеченность населения в управленческий процесс; преобладание прямых методов управления; транспарентность; развитая обратная связь» [4, с. 11], то воздействие должно со временем трансформироваться во взаимодействие, а идеалом правовой политики должно стать партнерство, поддержание полноценного диалога. И ясное представление о целях и задачах дерегуляции может быть получено только методами делиберативной демократии, т.е. посредством консультативных процедур, вовлекающих в обсуждение гражданское общество в лице его институтов. Как справедливо отмечает О. Б. Купцова, диалогичность взаимодействия предопределяет и эффективность регулирования [5,

с. 102–103]. Даже сами понятия, такие как «прозрачность управленческих практик», «обратная связь», «легитимность закона», обладают соотносительным характером, требующим целостной коммуникативной ситуации. Практика не бывает транспарентной сама по себе, но только лишь в связи с запросами и потребностями заинтересованных лиц, закон является формально легальным, но легитимность не обязательно формируется вместе с легальностью и т.д. Представляется, что где-то в этом ряду найдутся и два взаимосвязанных понятия: достаточности и избыточности нормативного регулирования.

С точки зрения известного социолога Г. Гарфинкеля, согласованные социальные действия не могут обойтись без так называемой воспринимаемой нормальности, под которой подразумевается совокупность черт или признаков, выступающих для субъекта знаком целого класса событий. Помимо привычности события (действия или реакции на него) в восприятии переживается также вероятность происхождения тех или иных следствий, сопоставимость с прошлыми и будущими событиями, их инструментальная эффективность и пр. Все это существует в силу естественной склонности акторов, т.е. лиц, вовлеченных в социально значимые действия, к типизации [6, с. 129]. Типичные способы действий со временем становятся настолько ожидаемыми, что приобретают некий момент обязательности, поэтому у участников коммуникации формируются именно нормативные ожидания, применимые вначале к своим партнерам, а потом и к самим себе.

Однако конкретные правила могут иметь своим источником не коммуникативное сообщество и его жизненный мир, а чью-либо другую волю (в связке с разумом, естественно, поскольку конструирование правила требует соблюдения правил второго порядка – логических, языковых, процедурных). В таком случае корректнее говорить о стандартизации действий: по форме это мало чем отличается от типизации, а по последствиям, особенно в случае отклонений, – достаточно сильно. В частности, нарушение типизированного правила с необходимостью подрывает коммуникацию вплоть до того момента, когда будет воссоздан прежний смысл действия или установлен новый, в то время как нарушение стандарта влечет за собой негативные последствия несмыслового типа (если речь идет о технических правилах, их несоблюдение вредит механизмам или сооружениям, а косвенно и людям, если о юридических – наступают последствия, предусмотренные санкциями соответствующих норм). Если же отклонения отсутствуют, соблюдение «собственных» и «чужих» правил по порядку (т.е. функционально) ничем не различается, однако может наличествовать различие по восприятию, ведь стандарты не относятся к области типического.

В таком случае общая логика разграничения приемлемого и избыточного уровня регуляции становится более ясной. Если перед нами некоторое коммуникативное сообщество, смыслы действий в котором достигли определенного уровня типизации, приносимые извне стандарты являются избыточными тогда, когда они рассчитаны на нормативные ожидания, уже выросшие в сообществе естественным путем. Достаточными являются те стандарты, которые хотя и не имеют прямой связи с результатами типизации повседневных действий, тем не менее не ведут в ходе своего применения к коммуникативным разрывам и потерям смысла. Другими словами, достаточность предполагает возможность «подтянуть» сообщество до определенной нормативной схемы, а избыточность означает требование вести себя таким образом, что эффективность социально значимых действий начинает снижаться.

Теперь о том, что все сказанное могло бы значить для права и правовых реформ. Конечно, невозможность найти за пределами производительного труда и обмена его продуктами некий эквивалент для доходов, расходов (в том числе издержек) существенно усложняет ситуацию, но не делает ее безнадежной. Пусть качество социальных связей не переводимо в численные показатели, есть еще соображения здравого смысла, и они порой могут прийти на помощь. Ясно, что там, где негосударственные институты структурированы и хорошо функционируют, снижение административной нагрузки почти всегда приносит некоторую пользу. Определение же того, насколько эффективен тот или иной институт, требует проведения глубоких эмпирических исследований, которые необходимо всякий раз конфигурировать особым образом, не стремясь заимствовать все подряд из опыта, накопленного за пределами страны. Стоит помнить о том, что вместе с институтом никогда не получается импортировать тот социокультурный контекст, в котором данный институт сложился, а без контекста, без смыслового наполнения, очевидно, ни одно, даже самое хорошее, решение не станет действующим.

Комплексная стратегия публичной власти по снижению избыточного правового регулирования могла бы быть такой: вначале необходимо определить рамки тех коммуникативных сообществ, которые уже сейчас способны к развитию на основе самоуправления. Если в искомой сфере таких сообществ нет, какие-либо реформы проводить еще рано, однако параллельно нужно стимулировать гражданскую активность, способствуя тому, чтобы население умело артикулировать свои интересы в публично приемлемых формах. Эти формы рано или поздно обязательно приведут к полезным коммуникативным привыч-

кам и нормативным ожиданиям. Если же последние уже сформированы, можно организовывать многостороннюю коммуникацию профессиональных участников рынка (или неправительственных некоммерческих организаций, если речь идет о нерыночном механизме распределения общественных благ), в ходе которой негосударственные правила поведения получают свою объективацию. Финальной стадией такого рода преобразований, как представляется, должна стать приватизация не только контрольной, но и прокураторской функции, когда сообщество и задает рамки дозволенного поведения, и применяет к нарушителям меры ответственности, сопоставимые по убедительности с государственными. Возможно, число норм в общей сумме социальных институтов возрастет, поскольку и контроль, и санкции в каждом сообществе будут складываться по-своему, но число юридических норм, конечно, снизится. Учитывая монополию суверена на право, можно предполагать, что все эти нормы будут сконцентрированы в кодексах профессиональной этики. Если последние будут по степени детализации вполне пригодны для повседневного употребления и снизят тем самым спрос на применение властью своих полномочий, это и будет означать, что очередная мера по дерегуляции завершилась успешно. Конечно, никакой успех не отменяет рисков злоупотребления властью и прочих ожидаемых последствий, но ведь и государственная система подвержена точно таким же вызовам и трудностям, так что это не может быть решающим доводом против самих реформ.

Подводя итог, хочется отметить следующее: критерии нормативно-регулятивной избыточности зависят главным образом от того, насколько самостоятельным субъектом считает себя то или иное сообщество. Если степень самостоятельности такова, что сообщество понимает, по каким правилам ему удобнее существовать, долю участия государства в нормировании стоит планомерно снижать, не забывая, конечно, о некотором наблюдении за порядком в интересующих нас сферах деятельности. Если же сообщество не оформило себя и не структурировало свои интересы, определить, какой уровень воздействия на него со стороны права является достаточным, практически невозможно, так что здесь ни одна «лучшая практика», внедряемая извне, не способна помочь. При этом принципиально важным – на уровне идейного обеспечения правовой политики – остается принцип, в силу которого лишь адресат нормативного регулирования способен оценивать его на предмет избыточности или умеренности. Все иные позиции должны иметь силу только после консультации с представителями сообществ.

Пристатейный библиографический список

1. *Немец А. В.* Оценка эффективности поддержки малого предпринимательства в системе государственного регулирующего воздействия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2009.
2. *Филимонов С. Н.* Административные барьеры : опыт преодоления субъектами Российской Федерации. М. : Ресурсный центр малого предпринимательства, 2001.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17 февраля 1998 г. «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 фев. № 36.
4. *Яновский А. В.* Влияние информационно-технологических факторов на совершенствование системы публичного управления в регионе : дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2017.
5. *Купцова О. Б.* Ценность права в аспекте коммуникативной рациональности // *Философия права в условиях глобальных трансформаций : сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права / под ред. Д. А. Пашенцева, А. А. Дорской.* Саратов : Саратовский источник, 2022.
6. *Гарфинкель Г.* Понятие «доверия» : доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение // *Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология.* 1999. № 4.

References

1. *Nemets A. V.* Evaluation of the Effectiveness of Small Business Support in the System of State Regulatory Impact: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Novosibirsk, 2009.
2. *Filimonov S. N.* Administrative Barriers: The Experience of Overcoming the Subjects of the Russian Federation. Moscow: Resource Center for Small Business, 2001.
3. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 17 February 1998 "Together Forces – To the Rise of Russia (on the Situation in the Country and the Main Directions of the Policy of the Russian Federation)". *Rossiiskaia Gazeta*. 24 February 1998. No. 36.
4. *Ianovskii A. V.* Influence of Information Technology Factors on the Improvement of the Public Administration System in the Region: Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Rostov-on-Don, 2017.
5. *Kuptsova O. B.* The Value of Law in the Aspect of Communicative Rationality. In *Pashentsev D. A., Dorskaia A. A. (eds.)*. Philosophy of Law in the Context of Global Transformations: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the Forum of Legal Historians. Saratov: Saratovskii istochnik, 2022.
6. *Garfinkel G.* The Concept of "Trust": Trust as a Condition for Stable Concerted Action and Its Experimental Study. *Social and Humanitarian Sciences. Series 11. Sociology.* 1999. No. 4.

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-27-35>

Актуальность настоящего исследования заключается в позиционировании сравнительно нового теоретического подхода к решению старых юридических проблем. Соотношение субъектов конституционного права является авторской разработкой, заключающейся в анализе связей между субъектами, наличие которых может быть даже вне правоотношений. Ее отдельные аспекты в той или иной мере изучались самыми разными учеными в различные промежутки времени. Ключевыми субъектами являются человек, общество и государство, взаимоотношения между которыми рассматривал, пожалуй, каждый ученый, который занимался общественными науками. Анализируя сущность субъектов конституционного права, следует заметить, что при стабильности ключевых участников год от года меняются формы, механизмы, способы осуществления данных отношений. Государство всегда стремится с учетом собственных интересов сделать жизнь для общества лучше, последнее в свою очередь создает институты гражданского общества, некоторые из которых нацелены на конструктивное взаимодействие с государством. Такие формирования часто занимают пограничное состояние между государством и обществом. Институты гражданского общества действительно многообразны, начиная от тех, кто прямо и открыто противостоит государству, констатируя его незаконное поведение, и тех, которые совершенно никак в своей деятельности не пересекаются с властью, заканчивая теми, которые формируют органы власти (например, политические партии). В настоящей статье будут рассмотрены правовое регулирование и практика реализации данных положений именно с позиции системности соотношений субъектов конституционного права. Предметом настоящего исследования являются связи между субъектами конституционного права вне зависимости от того, состоят они в правоотношениях или нет. Цель работы заключается в стремлении автора обосновать соотношение субъектов права в качестве основы построения взаимоотношений между ними, в том числе для последующего конструирования нормативного правового регулирования, которое будет эффективно работать. Настоящее исследование проведено на основе выработанной автором теории соотношения субъектов конституционного права, направленной на понимание сущности взаимного влияния акторов друг на друга в области публичного управления. Также рассмотрены отдельные позиции известных ученых для обоснования авторской позиции. Выводы сделаны с использованием общеправовых и частнонаучных методов познания. Частично использован исторический метод. Основное содержание и новизна работы заключаются в анализе нормативного правового регулирования соотношений субъектов конституционного права и практики его применения с позиции теории соотношения субъектов конституционного права. В результате проделанной работы сформулированы выводы относительно системности соотношений субъектов конституционного права, несмотря на широкое многообразие вариаций их реализации.

ВАСИЛЬЕВ

Станислав Александрович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

mnogoslov@mail.ru

**Теория соотношений;
субъекты конституционного
права;
правоотношения;
взаимодействие;
система соотношений;
конституционно-правовое
регулирование**

Stanislav A. VASILIEV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the
«Constitutional and Administrative
Law» Department, Sevastopol State
University (Sevastopol)
mnogoslov@mail.ru

**Relation theory;
subjects of constitutional law;
legal relations;
interaction;
ratio system;
constitutional and legal
regulation**

THE RATIO OF SUBJECTS OF CONSTITUTIONAL LAW AS THE BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF THEIR RIGHTS AND OBLIGATIONS

The relevance of this study lies in the positioning of a relatively new theoretical approach to solving old legal problems. The ratio of subjects of constitutional law is an author's development, which consists in the analysis of relationships between subjects, the presence of which may even be outside of legal relations. Its individual aspects have been studied to some extent by a variety of scientists at various intervals of time. The key subjects are a person, society and the state, the relationship between which was considered, perhaps, by every scientist who was engaged in social sciences. Analyzing the essence of the subjects of constitutional law, it should be noted that with the stability of key participants, the forms, mechanisms, and ways of implementing these relations change from year to year. The state always seeks, taking into account its own interests, to make life better for society, the latter, in turn, creates civil society institutions, some of which are aimed at constructive interaction with the state. Such formations often occupy a borderline state between the state and society. The institutions of civil society are indeed diverse, ranging from those who directly and openly oppose the state, stating its illegal behavior and those that do not interfere with the authorities at all in their activities, to those that form the authorities (for example, political parties). This article will consider the legal regulation and practice of implementing these provisions precisely from the standpoint of the systematic relationship of subjects of constitutional law. The subject of this study is the relationship between the subjects of constitutional law, regardless of whether they are in legal relations or not. The purpose of the work is the author's desire to justify the ratio of subjects of law as the basis for building relationships between them, including for the subsequent construction of legal regulation that will work effectively. This study was carried out on the basis of the theory of correlation of subjects of constitutional law developed by the author, aimed at understanding the essence of the mutual influence of actors on each other in the field of public administration. Separate positions of famous scientists are also considered to substantiate the author's position. Conclusions are made using general philosophical and particular scientific methods of cognition. Historical method was partially used. The main content and novelty of the work lies in the analysis of the normative legal regulation of the relationship between the subjects of constitutional law and the practice of its application from the standpoint of the theory of the relationship of designated actors. As a result of the work done, conclusions are formulated regarding the systemic nature of the relationships of subjects of constitutional law, despite the wide variety of variations in their implementation.

Теория соотношения субъектов конституционного права – это совокупность знаний о связях между указанными субъектами, как в рамках правоотношений, процессе их осуществления, так и обусловленных пассивным влиянием друг на друга в силу имеющихся прав, полномочий, обязанностей и иных, обусловленных конституционно-правовым регулированием возможностей. Описанные обстоятельства дают основания утверждать о наличии весьма сложно структурированной систематики указанных связей.

Переходя к рассмотрению системы конституционно-правовых отношений, необходимо заметить, что для ее описания следует использовать термины «связь», «целостность», «отношения», «элемент», «среда», «структура», «организация» и др. Ключевыми будут выступать связи и элементы, при этом в статичном положении как элементы потенциально способны влиять на связи, так и наоборот – связи на элементы [1, с. 6–7].

В. И. Сви́дерский определяет любую структуру как способ связи элементов, систему их отношений в рамках целого [2, с. 13–14].

По словам видного специалиста в рассматриваемой области Р. О. Халфиной, «элементами правоотношения являются его участники, их права и обязанности» [3, с. 202]. Упомянутыми же связями элементов правоотношения являются: «1) связь прав и обязанностей как той модели, которая должна определять реальное поведение; 2) реальная связь участников правоотношений, которая должна соответствовать модели; 3) связь реального поведения и модели, которая находит свое выражение в осуществлении прав и выполнении обязанностей» [3, с. 211].

Вследствие этого следует сформулировать понятие системы правоотношений, включая конституционные, как совокупности особым образом структурированных субъектов, обладающих определенными правами и обязанностями, связанными их правовым статусом с нормами действующего права и между собой, исходя из тех полномочий и обязательств, которые установило для них государство.

На основе своего исследования Р. О. Халфина определяет следующие элементы системы правоотношений:

- а) участники правоотношения;
- б) права и обязанности, их взаимосвязь;
- в) реальное поведение участников правоотношения в соотношении с правами и обязанностями [3, с. 211].

Преломляя данную теоретическую конструкцию на конституционно-правовые отношения, следует заметить, что особый интерес представляют взаимосвязанные права и обязанности субъектов, а также то, каким образом они себя ведут в реальности.

Права и обязанности субъектов конституционно-правовых отношений закреплены в различных нормативных правовых актах и определяют их поведение.

Для решения поставленной задачи рассмотрим нормативное регулирование прав, которые порождают у других субъектов обязанности, на примере самых общих субъектов конституционно-правовых отношений: публично-правовые образования; гражданин; международные формирования; государственные и муниципальные органы; государственно-общественные формирования; гражданское общество и субъекты, из которых оно состоит.

Государство, являясь публично-правовым образованием, обязано соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина согласно ст. 2 Конституции РФ. Это порождает право каждого требовать защиты своих прав и свобод именно у государства. Последнее в свою очередь на основании ч. 2 ст. 45 Конституции РФ предоставляет гражданину возможность любыми законными способами восстанавли-

вать нарушенные правомочия, используя в том числе различные государственные институты. Так, 1 декабря 2016 г. Самарским областным судом вынесено решение № 33-15738/2016, согласно которому была рассмотрена жалоба в отношении администрации муниципального образования на предмет признания права пользования жилым помещением по договору социального найма [4]. Таким образом, гражданин реализовал свое право на судебную защиту, а государство в свою очередь посредством специализированных органов рассмотрело такое обращение и приняло решение в рамках своей компетенции.

В то же время согласно ст. 58 Конституции РФ каждый обязан сохранять природную среду. В этом случае государство выступает защитником общественного интереса и имеет право привлекать к ответственности физическое лицо в случае, если оно нарушает указанную конституционную норму [5].

Например, 17 июня 2016 г. одному физическому лицу было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 5000 руб. за нарушение правил пожарной безопасности в лесах [6]. В данном случае государство воспользовалось своими полномочиями для привлечения к ответственности гражданина, не выполняющего свои конституционные обязанности.

Публично-правовые образования вступают в конституционно-правовые отношения с международными формированиями, в основном руководствуясь межгосударственными соглашениями. На основании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Программой развития Организации Объединенных Наций о создании Трастового фонда Российская Федерация – Программа развития Организации Объединенных Наций в целях развития от 11 июня 2015 г. Российское государство взяло на себя определенные обязательства по выплатам в пользу ООН, которая впоследствии будет перераспределять данные денежные средства между другими развивающимися странами. Согласно ч. 1 ст. 2 указанного акта Российская Федерация обязана до 30 июня 2019 г. заплатить Трастовому фонду 25 млн долл. США [7, с. 64–73]. Соответственно, названная организация имеет право требовать от исполнителя выплат по договору.

Примером фактических правоотношений с международными формированиями может служить бойкот российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы и фактический выход из ее состава [8], несмотря на то, что согласно международным договоренностям этого быть не должно [9], но политическая реакция имела место вопреки нормативным правовым требованиям.

В этой связи примечательно высказывание В. Д. Нечаева, согласно которому политика в самом общем виде

развивается в правовых рамках, но при этом существенным образом влияет на право [10]. Равно как, по замечанию В. И. Лафитского, экономика влияет на право, а последнее влияет на экономику, пожалуй, в большей степени [11, с. 15]. В приведенном примере Россия могла существенным образом воздействовать на правотворчество международного уровня, но политические процессы помешали это сделать. Поэтому право Совета Европы в определенный промежуток времени формировалось без учета полноценной отечественной позиции.

Публично-правовые образования, как и другие группы субъектов конституционно-правовых отношений, также могут вступать в правоотношения между собой. Например, на основании ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» федеральные органы государственной власти имеют право определять общие принципы организации местного самоуправления [12], чем оказывают воздействие в отношении муниципальных образований, возлагая на последние соответствующие обязанности.

Публично-правовые образования находятся в постоянных конституционно-правовых отношениях с органами, которые осуществляют от их имени юридически значимые действия. Это показательное иллюстрируют уже приведенные выше примеры. Само государство или муниципальное образование не может собственными силами совершить активное действие в виду своей специфики, поэтому для решения поставленных задач оно использует различные органы. Нормативную основу для Российской Федерации в данном случае обеспечивает п. «г» ст. 71 Конституции РФ, согласно которому данное публично-правовое образование устанавливает систему федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Публично-правовые образования соотносятся с государственно-общественными формированиями в рамках реализации конституционно-правовых отношений. Принимая те или иные нормативные правовые акты, государство или муниципалитет предоставляет возможности иметь права в отношении других субъектов, которые обуславливают наличие у них соответствующих обязанностей. Так, п. 3 ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» данное формирование наделено правом проводить экспертизу проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов. Хотелось отдельно отметить, что из перечня, установленного этой нормой, исключены акты Президента РФ [14], которые фактически не могут быть подвергнуты официальному общественному контролю на федеральном уровне.

Общественная палата РФ, являясь государственно-общественным формированием [15, с. 153–163], в свою очередь оказала деятельное воздействие в рамках своих полномочий на государство, добившись пересмотра дела в судебных инстанциях рядового российского гражданина [16].

О взаимодействии государства и гражданского общества уже немало было сказано в различных источниках [17, с. 213–220; 18, с. 38–42; 19, с. 49–59], поэтому остановимся только на отдельных конкретных примерах. Так, Общественная организация «Комитет солдатских матерей России» отправила обращение главному военному прокурору о чрезвычайном происшествии, происшедшем в Шелухе [20], чем оказала воздействие в отношении государства и таким образом начала процесс дальнейшего развития правоотношений с компетентными органами государства.

Отдельно взятый гражданин может вступить в правоотношения с международными организациями, например, с целью защиты своих прав и свобод на основании ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. Это при соблюдении нормативных требований вызывает у последних обязанность как минимум рассмотреть соответствующее обращение. Так, 19 апреля 2016 г. Европейский суд по правам человека признал правомерность рассмотрения данным международным органом жалобы Тимура Ивановича Кашлан [21, с. 112–115].

Гражданин активно участвует в конституционно-правовых отношениях, где другой стороной является государственно-общественное формирование. Как правило, последние и создаются в основном для того, чтобы привлекать к активной публичной деятельности простых людей, не занимающих властные посты. Например, ч. 2 ст. 4 Закона г. Москвы от 4 июля 2012 г. № 34 «Об Общественной палате города Москвы» формулирует задачу привлечения граждан к открытому и гласному обсуждению вопросов развития данного субъекта РФ [22].

Примером такой деятельности может служить приглашение для обсуждения вопросов, связанных с семейными вопросами, отдельных граждан – специалистов в указанном узкопрофильном вопросе. Например, в Общественной палате Москвы в процессе обсуждения проекта Регламента изъятия детей из семей при непосредственной угрозе жизни ребенка или в случае жестокого обращения с ними приняли участие доктор психологических наук Галина Семья, юрист Антон Жаров, руководитель Общественного совета при Департаменте труда и социальной защиты населения Москвы Ирина Полежаева и др. [23].

Современные институты гражданского общества позиционируют свою деятельность с точки зрения помощи социально-правового характера именно

в отношении простых людей. Таким образом, человек часто соотносится с данными субъектами конституционно-правовых отношений в процессе своей жизнедеятельности.

Например, Союз благотворительных организаций России организует сбор денежных средств на лечение тяжело больных детей, чем реализует положения своего устава [24] и оказывает деятельное влияние на улучшение жизни тех, кто в этом нуждается. Для лечения левостороннего грудного сколиоза III степени, плоскостопия деформации стоп Марине Гуляевой 2008 года рождения, проживающей в г. Тамбове, необходимо почти 400 тыс. руб., на момент подготовки данного материала более 100 тыс. руб. уже было собрано [25]. В данном случае гражданин не обладает полной правоспособностью, однако принимает участие в конституционно-правовых отношениях, фактически оказывая фактом своего несчастья влияние на других людей, побуждающее их сделать доброе дело. При этом без участия данной некоммерческой организации не удалось бы достичь положительного результата. На основании вышеизложенного можно констатировать, что преодолеть болезнь ребенка пытаются большое число субъектов. И в этом общем длительном процессе принимает участие значительное число различных лиц и органов. Поэтому и существует многообразие правоотношений, одно из которых – соотношение указанного ребенка и описанного института гражданского общества.

Государственные органы тесным образом соотносятся с различными международными организациями в рамках осуществления своих собственных полномочий. Так, Д. К. Нечевин и М. М. Поляков, рассматривая участие отечественной прокуратуры в отношениях с международными субъектами, выделяют ряд направлений, в рамках которых осуществляется такое взаимодействие:

- решение вопросов нормативного правового регулирования;
- совместная реализация международных программ;
- обмен опытом с зарубежными коллегами в рамках международной деятельности;
- создание новых международных субъектов, а также поддержка существующих;
- информационное сопровождение международной деятельности на территории своего государства и т.д. [26].

Вступают в конституционно-правовые отношения и международные организации с государственно-общественными формированиями. Например, 2–3 марта 2017 г. делегация Общественной палаты РФ посетила Великое Герцогство Люксембург для участия в заседании Президиума Международной ассоциации экономических и социальных советов и схо-

жих институтов (МАЭСССИ) [27]. В рамках данного мероприятия был осуществлен обмен опытом между ключевым государственно-общественным формированием России и зарубежными организациями, выполняющими похожие функции.

Подобное соотношение происходит между различными институтами гражданского общества и международными организациями. Так, 6 марта 2017 г. на площадке московского центра «Гуманитарий» состоялся круглый стол, в котором приняли участие представители региональных делегаций Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Российской Федерации, Беларуси и Молдове, известные ученые-теоретики и практики – представители различных российских организаций и др. [28].

Взаимоотношения между государственными и муниципальными органами с государственно-общественными формированиями можно охарактеризовать как соотношение, так как данные субъекты так или иначе соотносятся между собой в рамках нормативного правового регулирования в связи со своим функциональным предназначением и целями осуществления деятельности [29, с. 8–11]. Взаимодействие предполагает совместную деятельность субъектов. В случае же, например, с осуществлением контрольных полномочий один субъект осуществляет активные действия, другой же бездействует. Хотя отдельные ученые выделяют координацию и субординацию в качестве взаимодействия между органами государственной власти РФ и ее субъектами [30], с чем согласиться в полном объеме не представляется возможным. Взаимодействие предполагает взаимное действие участвующих в этом субъектов, которые стремятся к одной цели. Управление одним субъектом при помощи другого предполагает наличие цели только у координирующего, у подчиненного же цель выражается в реализации поставленной задачи, исполнении своего обязательства. Полученный в итоге эффект далеко не всегда полезен или представляет иной интерес для исполнителя. Например, государственный служащий в процессе приема гражданина имеет цель исполнить политику государства, оформленную в правовые акты. В случае нарушения он понесет ответственность перед представителем нанимателя, а не перед обратившимся лицом. Равно как и последний может апеллировать именно к органу государственной власти, а не к конкретным физическим лицам, какие бы должности они ни занимали.

Вместе с тем публично-правовые образования и государственно-общественные формирования взаимодействуют между собой, проводя совместные мероприятия, поэтому их взаимоотношения нельзя сводить только лишь к контрольным функциям. Еще одним фактором является влияние государственно-общественных формирований на повседневную де-

тельность сотрудников государственных и муниципальных органов, так как последние, зная о том, что их негативные действия могут быть преданы общественной огласке, ведут себя правомерно. И такую ситуацию вовсе нельзя назвать даже взаимоотношением [31, с. 75–80].

Например, 30 декабря 2016 г. Общественная наблюдательная комиссия Тульской области совместно с помощником прокурора г. Ефремова, а также в присутствии начальника ИВС МОМВД России «Ефремовский» проверили изолятор временного содержания МОМВД России «Ефремовский» [32].

Подводя итог исследованию, проведенному в рамках данной работы, необходимо подчеркнуть, что основу правоотношений составляют соотношения субъектов. Это было обстоятельно показано на примере конституционно-правовых отношений. Какую бы общественно-значимую деятельность мы ни брали в расчет, в любом случае можно констатировать соотношение как активных, так и пассивных субъектов, что определяет содержание правоотношений. При этом взаимное влияние на основании теории соотношения субъектов конституционного права может осуществляться путем простого наличия прав, обязанностей, полномочий и других юридических возможностей оказывать влияние на других.

Соотношения субъектов конституционного права в своей сущности являлись и являются предме-

том доктринальных исследований как в мировой научной литературе, так и в современных российских исследованиях. В этой связи следует констатировать многообразие точек зрения относительно того, какие субъекты, с кем соотносятся, в каких находятся состояниях, чем обуславливается поведение каждого из них, а также какой именно субъект определяет основы политической деятельности в стране, фактически формирующей конституционное право. Соотношения рассматриваемых субъектов сложно структурированы, но тем не менее объединяются в относительно органично функционирующую систему, наполненную самыми разнообразными элементами и связями между ними. Такими элементами системы в основном выступают субъекты конституционно-правовых отношений, которые по своему характеру, форме, возможностям, правам и обязанностям, способам воздействия на правоотношения являются очень разными, однако это не мешает всем субъектам конституционного права соотноситься практически с каждым другим, как минимум находясь в тех или иных правовых состояниях. Связи между элементами системы – это те самые соотношения, которые заключаются в активном или пассивном воздействии одного субъекта на другой. В понимании и трансляции на практику данных положений и должно выражаться применение теории соотношения субъектов конституционного права.

Пристатейный библиографический список

1. *Ключников С. А.* Анализ содержания понятий системного подхода при рассмотрении изучаемого объекта в статике, динамике и развитии // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 7.
2. *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры. М. : Соцэкгиз, 1962.
3. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974.
4. Апелляционное определение Самарского областного суда от 1 декабря 2016 г. № 33-15738/2016 (документ официально опубликован не был).
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Решение Свердловского областного суда от 30 ноября 2016 г. по делу № 72-1676/2016 (документ официально опубликован не был).
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Программой развития Организации Объединенных Наций о создании Трастового фонда Российская Федерация – Программа развития Организации Объединенных Наций в целях развития от 11 июня 2015 г. // Бюллетень международных договоров. 2015. № 11.
8. Россия в Совете Европы // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/spravka/20160228/1380962220.html> (дата обращения: 17.03.2022).
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 8 января. № 2. Ст. 163.
10. *Нечаев В. Д.* Выступление в рамках Научно-практической конференции «Проблемы правотворчества и правоприменения в условиях интеграции новых субъектов РФ (Республика Крым и город федерального значения Севастополь) в правовое и экономическое пространство Российской Федерации», проходившей в Законодательном собрании г. Севастополя 27 октября 2017 г.
11. *Лафитский В. И.* Правовые традиции как фактор экономического развития в историческом и сравнительно-правовом исследовании // Право и экономика : междисциплинарные подходы в науке и обра-

- зовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. Ч. 1. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 15.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
 13. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
 14. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
 15. Васильев С. А. Государственно-общественные формирования как субъекты конституционно-правовых отношений // Lex Russica. 2017. № 1 (122).
 16. Верховный суд обязал пересмотреть дело Евгении Чудновец // Общественная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.oprf.ru/984/newsitem/38986> (дата обращения: 17.03.2022).
 17. Зелинский Я. От государства гражданского общества к государству контролируемого общества : право и политическая среда // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 1. С. 213-220.
 18. Таболин В. В. Современные проблемы народного представительства // Теория народного представительства : научное наследие профессора В. С. Основина и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сер. «Юбилей, конференции, форумы» / под ред. Т. М. Бялкиной. Воронеж : ВГУ, 2018.
 19. Зенин С. С. Отдельные особенности правового регулирования казачества в субъектах Российской Федерации // Lex Russica. 2019. № 5 (150).
 20. Комитет солдатских матерей России отправил обращение главному военному прокурору о ЧП в Шевелюхе // Комитет солдатских матерей России : сайт. URL: <http://ksmrus.ru/text/komitet-soldatskih-materej-rossii-otpravil-obrashenie-glavnomu-voennomu-prokuroru-o-chnp-v-shevelyuhe/> (дата обращения: 17.03.2022).
 21. О приемлемости жалобы № 60189/15 по делу «Тимур Иванович Кашлан (Timur Ivanovich Kashlan) против Российской Федерации» : Решение Европейского суда по правам человека от 19 апреля 2016 года // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 6.
 22. Закон г. Москвы от 4 июля 2012 г. № 34 «Об Общественной палате города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. 19 июля. № 39.
 23. Интересы ребенка должны быть превыше всего // Общественная палата города Москвы : сайт. URL: http://www.opmoscow.ru/press_center/news/3241/ (дата обращения: 17.03.2022).
 24. Устав Некоммерческого партнерства «Союз благотворительных организаций России» // Союз благотворительных организаций России : сайт. URL: http://www.sbornet.ru/sbor/uchreditelnye_dokumenty/ustav (дата обращения: 17.03.2022).
 25. Помочь ребенку : Марина Гуляева из г. Тамбов // Союз благотворительных организаций России : сайт. URL: http://www.sbornet.ru/okazat_blagotvoritelnuju_pomoshh_rebenku/marina_guljaeva (дата обращения: 17.03.2022).
 26. Нечевин Д. К., Поляков М. М. Исторические и международные аспекты борьбы с коррупцией органами прокуратуры в области государственного управления : монография. Тула: ТулГУ, 2014.
 27. Сергей Орджоникидзе выступил на заседании Президиума МАЭСССИ // Общественная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.oprf.ru/1449/2133/1977/1984/newsitem/39106> (дата обращения: 17.03.2022).
 28. Москва : круглый стол о влиянии технологий на гуманитарную деятельность и соблюдение МГП // Международный Комитет Красного Креста : сайт. URL: <https://www.icrc.org/ru/event/moskva-kruglyy-stol-o-vliyaniy-tehnologiy-na-gumanitarnuyu-deyatelnost-i-soblyudenie-mgp> (дата обращения: 17.03.2022).
 29. Васильев С. А. Вопросы соотношения отдельных институтов гражданского общества с иными субъектами конституционно-правовых отношений на муниципальном уровне // Муниципальное имущество : экономика, право, управление. 2017. № 2.
 30. Чепрасов К. В. Конституционализация взаимодействия органов исполнительной власти в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
 31. Васильев С. А. Учреждения уголовно-исполнительной системы и государственно-общественные формирования : взаимодействие или соотношение субъектов правоотношений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества : историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2016. № 7.
 32. Проверка Ефремовского ИВС // Общественная наблюдательная комиссия Тульской области : сайт. URL: <https://onk-tula.jimdo.com/новости/архив-новостей/> (дата обращения: 17.03.2022).

References

1. *Kliuchnikov S. A.* Analysis of the Content of the Concepts of the System Approach When Considering the Studied Object in Statics, Dynamics and Development. *Bulletin of Samara State University*. 2008. No. 7.
2. *Sviderskii V. I.* On the Dialectic of Elements and Structure. Moscow: Sotsekgie, 1962.
3. *Khalfina R. O.* The General Doctrine of Legal Relations. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1974.
4. Appeal Ruling of the Samara Regional Court of 1 December 2016 No. 33-15738/2016 (the document has not been officially published).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30 December 2001 No. 195-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
6. Decision of the Sverdlovsk Regional Court of 30 November 2016 in case No. 72-1676/2016 (the document has not been officially published).
7. Agreement between the Government of the Russian Federation and the United Nations Development Program on the Establishment of the Trust Fund of the Russian Federation – the United Nations Development Program for Development of 11 June 2015. *Bulletin of International Treaties*. 2015. No. 11.
8. Russia in the Council of Europe. URL: <https://ria.ru/spravka/20160228/1380962220.html> (date of the application: 17.03.2022).
9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 2. Art. 163.
10. *Nechaev V. D.* Speech at the Scientific and Practical Conference “Problems of Law-Making and Law Enforcement in the Conditions of Integration of New Subjects of the Russian Federation (the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol) into the Legal and Economic Space of the Russian Federation”, held in the Legislative Assembly of the City of Sevastopol on 27 October 2017.
11. *Lafitskii V. I.* Legal Traditions as a Factor of Economic Development in Historical and Comparative Legal Research. In *Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education. IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings): Conference Materials*. In 4 parts. Part 1. Moscow: RG-Press, 2017.
12. Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 40. Art. 3822.
13. Federal Law of 24 November 1995 No. 181-FZ “On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 48. Art. 4563.
14. Federal Law of 4 April 2005 No. 32-FZ “On the Public Chamber of the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 15. Art. 1277.
15. *Vasiliev S. A.* State-Public Formations as Subjects of Constitutional and Legal Relations. *Lex Russica*. 2017. No. 1 (122).
16. The Supreme Court ordered to review the case of Evgenia Chudnovets. URL: <https://www.oprf.ru/984/newsitem/38986> (date of the application: 17.03.2022).
17. *Zelinskii Ia.* From the State of Civil Society to the State of Controlled Society: Law and the Political Environment. *Siberian Anthropological Journal*. 2022. Vol. 6. No. 1.
18. *Tabolin V. V.* Modern Problems of People’s Representation. In *Bialkina T.M. (ed.)*. The Theory of Popular Representation: The Scientific Heritage of Professor V. S. Osnovin and Modernity: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Series “Anniversaries, Conferences, Forums”. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2018.
19. *Zenin S. S.* Some Features of the Legal Regulation of the Cossacks in the Subjects of the Russian Federation. *Lex Russica*. 2019. No. 5 (150).
20. The Committee of Soldiers’ Mothers of Russia sent an appeal to the chief military prosecutor about the emergency in Sheveliukha. URL: <http://ksmrus.ru/text/komitet-soldatskih-materej-rossii-otpravil-obrashenie-glavnomu-voennomu-prokuroru-o-chp-v-shevelyuhe/> (date of the application: 17.03.2022).
21. On the Admissibility of Application No. 60189/15 in Case “Timur Ivanovich Kashlan v. The Russian Federation”: Decision of the European Court of Human Rights of 19 April 2016. *Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian Edition*. 2016. No. 6.
22. Law of Moscow of 4 July 2012 No. 34 “On the Public Chamber of the City of Moscow”. *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*. 19 July 2012. No. 39.
23. The interests of the child should be above all. URL: http://www.opmoscow.ru/press_center/news/3241/ (date of the application: 17.03.2022).

24. Charter of the Non-Profit Partnership "Union of Charitable Organizations of Russia". URL: http://www.sbornet.ru/sbor/uchreditelnye_dokumenty/ustav (date of the application: 17.03.2022).
25. Help the child: Marina Guljaeva from Tambov. URL: http://www.sbornet.ru/okazat_blagotvoritelnuju_pomoshh_rebenku/marina_guljaeva (date of the application: 17.03.2022).
26. *Nechevin D. K., Poliakov M. M.* Historical and International Aspects of the Fight Against Corruption by the Prosecutor's Office in the Field of Public Administration: Monograph. Tula: Tula State University Publ., 2014.
27. Sergey Ordzhonikidze made a speech at the meeting of the Presidium of the MAESSSI. URL: <https://www.oprf.ru/1449/2133/1977/1984/newsitem/39106> (date of the application: 17.03.2022).
28. Moscow: round table on the impact of technology on humanitarian activities and compliance with IHL. URL: <https://www.icrc.org/ru/event/moskva-kruglyy-stol-o-vliyanii-tehnologiy-na-gumanitarnuyu-deyatelnost-i-soblyudenie-mgp> (date of the application: 17.03.2022).
29. *Vasiliev S. A.* Issues of Correlation of Individual Institutions of Civil Society with Other Subjects of Constitutional and Legal Relations at the Municipal Level. *Municipal Property: Economics, Law, Management*. 2017. No. 2.
30. *Cheprasov K. V.* Constitutionalization of Interaction of Executive Authorities in the Russian Federation (Constitutional and Legal Research): Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2016.
31. *Vasiliev S. A.* Institutions of the Penal Enforcement System and State-Public Formations: Interaction or Correlation of Subjects of Legal Relations. *Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the Penal Enforcement System with Civil Society Institutions: Historical, Legal and Theoretical and Methodological Aspects"*. 2016. No. 7.
32. Verification of the Efremovskii IVS. URL: <https://onk-tula.jimdo.com/новости/архив-новостей/> (date of the application: 17.03.2022).

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-36-39>

Основная реформа нотариата состоялась в 1993 г., когда в России с принятием Основ законодательства РФ о нотариате (далее – Основы о нотариате) наряду с государственными нотариусами появились частнопрактикующие. Основная цель исследования – изучить направления реформы нотариата. В работе использовались общенаучные методы исследования: диалектический, аналитический и дедуктивный. Новизной работы является предложение усилить роль государства в развитии нотариата и передать управление единой информационной системой (ЕИС) в ведение Минюста России.

ГУРЕЕВ

Владимир Александрович

доктор юридических наук,
профессор, проректор по
научной работе Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

vladimirgureev@mail.ru

**Реформа нотариата;
роль Минюста России;
публичный институт;
частный нотариат;
цифровизация**

Vladimir A. GUREEV

Doctor of Legal Sciences,
Professor, Vice-Rector for Research,
All-Russian State University
of Justice (Moscow)

vladimirgureev@mail.ru

**Notary reform;
role of the Ministry of Justice
of Russia;
public institution;
private notaries;
digitalization**

THE ROLE OF THE STATE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF NOTARIES

The main reform of the notaries took place in 1993, when in Russia, with the adoption of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries, along with state notaries, private practitioners appeared. The main purpose of the study is to study the directions of the reform of the notaries. The work used general scientific research methods: dialectical, analytical and deductive. The novelty of the work is the proposal to strengthen the role of the state in the development of notaries and to transfer the management of the Unified Information System (UIS) to the jurisdiction of the Ministry of Justice of Russia.

На сегодняшний день отсутствует единая концепция развития нотариата, лишь вносятся изменения в действующие Основы о нотариате, что, безусловно, пагубно влияет на совершенствование и развитие нотариата.

Как верно заметил В. И. Еремизин, «дискуссии и варианты прогнозов относительно дальнейшего пути развития нотариата в России до сих пор не теряют своей актуальности» [1, с. 100–102].

К сожалению, Основы о нотариате не корректировались последовательно и концептуально, что привело к значительному отрыву нормативно-правового акта от реалий современной правовой действительности. Первая попытка по изменению Основ о нотариате была предпринята в апреле 1996 г. [2]. Однако после девятилетнего «рассмотрения» в 2005 г. выдвинутый законопроект был снят. По мнению О. В. Мананникова, «несмотря на сколь продолжительную,

столь и неудачную попытку изменить действующий закон, следует признать аксиому о необходимости его совершенствования» [3, с. 47–50].

При пристальном рассмотрении предлагаемых изменений определенный интерес вызывает призыв к формированию системы нотариата [4; 5]. Однако авторы Концепции основанием такого призыва указывают «полную меру соответствия» системы интересам и потребностям общества. Согласитесь, это благая, но явно недостижимая цель, поскольку невозможно создать идеально подходящий обществу публично-правовой институт.

Провозглашенная еще в 2009 г. Минюстом России и Федеральной нотариальной палатой кардинальная реформа нотариата до сих пор остается лишь на бумаге, а внесенный в 2013 г. в Государственную Думу ФС РФ законопроект № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» [6]

до настоящего времени принят только в первом чтении, работа над ним продолжается [1, с. 100–102].

Между тем анализ предложенных Минюстом России и Федеральной нотариальной палатой вариантов реформирования нотариата оставляет для профессионального сообщества и исследователей больше вопросов, чем ответов [1, с. 100–102]. Реформы не предполагают коренных изменений структуры или какой-либо сферы, а, по замечанию А. В. Бочковенко, «коренная реформа нотариата состоялась еще в 1993 году, когда были приняты Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и на смену нотариату государственному пришел небюджетный нотариат с присущими ему признаками самоуправления и самофинансирования» [7, с. 9].

По сути, оба законопроекта, как отмечает В. И. Еремизин, предусматривают создание вертикально ориентированной административной модели управления и контроля во главе с Минюстом России [1, с. 100–102].

Как подчеркивает И. Г. Медведев, исторически уже более двух столетий идет борьба между двумя парадигмами участия государства в гражданском обороте: 1) «больше государства» (государственники) и 2) «меньше государства» (либералы), от преобладания представителей которой в конкретный момент времени и зависит решение вопроса об организации нотариата и его компетенции [8, с. 35].

По мнению Г. Г. Черемных, предлагаемые реформы означают лишь одно: ликвидацию в стране нотариата латинского типа. Согласно его позиции, по существу, предлагается восстановление государственного нотариата, но без бюджетного финансирования, т.е. финансовое обеспечение его деятельности будет не со стороны государства, а ляжет на самих нотариусов и граждан [9, с. 7–14].

Один из непримиримых критиков и противников воплощения в жизнь предложенных вариантов законопроектов, Н. Ф. Шарафетдинов, высказывает точку зрения, согласно которой «центральной темой дискуссии о будущем нотариата является вопрос о разумной мере, формах и методах контроля нотариуса и защиты нотариуса от любого произвола, при этом правильность решения этой проблемы зависит от эффективности диалога как внутри нотариального сообщества, так и между органами юстиции и нотариальными палатами» [10, с. 17].

О. В. Романовская отмечает, что модель латинского нотариата подразумевает нотариат как особый вид юридического лица, сочетающий в себе частноправовые и публично-правовые начала. По ее мнению, «именно такой подход, когда негосударственная организация выполняет государственные функции, позволяет подчеркнуть статус нотариальной палаты, выделить принципы ее создания, функционирования и взаимодействия с органами государственной юстиции» [11, с. 43].

Таким образом, получается, что основной вопрос, связанный с развитием нотариата, состоит в том, насколько сильна роль государства в становлении института. В нашей стране нотариат представляет собой латинскую модель с национальным колоритом.

Необходим системный подход в законодательном регулировании нотариата, основной составляющей которого будет единая концепция развития нотариата с учетом меняющихся социально-экономических, политических и правовых условий. При выработке единой концепции следует учитывать мнение профессионального сообщества в первую очередь. Нельзя заикливаться на существующих проблемах, нужно пытаться сформировать основу – прочный фундамент для развития нотариата, отвечающего современным вызовам. Ведущая роль в становлении и развитии института нотариата должна принадлежать государству в лице Министерства юстиции РФ.

В соответствии с указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» Министерство юстиции РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере нотариата, а также правоприменительные функции и функции по контролю в сфере нотариата. Данным Указом регулируются основные полномочия Министерства в сфере нотариата.

Приоритетами государственной политики в сфере юстиции в РФ являются соблюдение прав и основных свобод человека, повышение уровня защиты прав и законных интересов граждан и организаций, улучшение качества исполнения судебных решений, актов иных органов и приговоров судов. Указанные приоритеты совпадают с целями и конечными результатами реализации государственной программы Российской Федерации «Юстиция» [12] (далее – Программа «Юстиция»).

Целями Программы «Юстиция» на период до 2026 г. являются развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма и поддержание устойчивого уважения к закону.

Для достижения этих целей в Программе «Юстиция» предусматривается решение таких задач, как повышение уровня защиты публичных интересов, реализация прав граждан и организаций. Указанные задачи планируется осуществить в том числе путем развития рынка профессиональных юридических услуг, включая нотариат.

Программа «Юстиция» не рассматривает нотариат как институт, подлежащий преобразованию. Тем не менее в качестве основных направлений деятельности по реформированию организации нотариата обозначены: повышение доступности нотариальных услуг и качества нотариальных действий, совершен-

ных нотариусами и должностными лицами органов местного самоуправления; повышение качества взаимодействия государства и общества путем расширения возможностей получения гражданами информации о нотариусах.

Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [13] утверждены национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г. Одной из основных национальных целей развития определена цифровая трансформация.

Указанные задачи Программы «Юстиция» корреспондируют с основными задачами и приоритетами политики Правительства РФ, обозначенными в Основных направлениях [12].

Несмотря на то что нотариат не является государственным органом, выполняя публичные функции, осуществляет действия от имени государства. Указанные задачи Программы «Юстиция» могут быть скоррелированы нотариатом в полной мере. Цифровая трансформация нотариата предполагает наличие новых принципов организации, отвечающих современным направлениям развития института.

Еще в диссертационном исследовании П. А. Щекочихин утверждал, что с развитием нотариата все больше ощутима потребность в принятии специального нормативного правового акта, который позволит привести систему нотариата в соответствие с современными потребностями как общества, так и государства и гармонизацией действующего законодательства РФ о нотариате; установить системное регулирование конституционно-правовых основ нотариата; повысить эффективность механизма правового регулирования нотариата [14]. Впоследствии данную позицию поддержал З. У. Гасанов [15, с. 7–10].

Как мы видим, основным направлением развития нотариата сегодня законодатель выбрал цифровую трансформацию, которая не предполагает концептуального изменения организации нотариата, а выступает лишь инструментом, который позволит сделать нотариат более доступным и понятным для общества.

Безусловно, в современных условиях недопустимо как безоговорочное предпочтение саморегуляции нотариата, так и безосновательное вмешательство государства в его деятельность, в том числе путем создания излишних административных барьеров и ограничения их саморегуляции. Эффективная модель законодательного регулирования требует баланса между публичным, корпоративным и частным интересами [1, с. 100–102]. Для достижения баланса предлагается усилить роль государства.

Согласно приказу Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 225 утвержден порядок ведения реестров единой информационной системы нотариата. Единая информационная система нотариата принадлежит на праве собственности Федеральной нотариальной палате. Оператором единой информационной системы является Федеральная нотариальная палата.

Предлагаем усилить роль государства в лице Министерства юстиции РФ в становлении и развитии института нотариата путем передачи управления единой информационной системой в ведение Министерства, поскольку основные контрольно-надзорные функции в области свободного частного нотариата должны остаться за государством. Данный аспект усилит надежность и обеспечит беспристрастность ведения реестров единой информационной системы нотариата.

В заключение можно сделать вывод, что государство выступает регулятором, определяющим направление развития института нотариата. Сегодня вектор развития направлен на цифровизацию нотариата. Нотариат по своей природе сочетает элементы как публичного, так и частного начала, что не мешает ему оставаться нотариатом латинского типа. Государство лишь опосредованно выражает свою волю через нотариат. Важные концептуальные изменения произошли в 1993 г. С переходом к частному нотариату роль государства в лице Министерства юстиции в сфере нотариата значительно ослабла. Предлагаем усилить роль государства в регулировании нотариата и передать полномочия Федеральной нотариальной палаты по контролю и надзору в сфере нотариата полностью Министерству юстиции РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Еремизин В. И. Направление развития нотариата в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9.
2. Паспорт проекта федерального закона № 96700078-2 «Об изменении Основ законодательства Российской Федерации о нотариате».
3. Мананников О. В. О концепции развития нотариата в России // Российская юстиция. 2008. № 11.
4. Выступление вице-президента ФНП Н. И. Кашурина на III конгрессе нотариусов России «Мы – сторонники прямого и открытого диалога с обществом» // Федеральная нотариальная палата России : сайт. URL: http://notariat.ru/bulletinarhiv/press_2814_23.aspx (дата обращения: 19.08.2022); Нотариальный вестник. 2008. № 8.

5. Доклад вице-президента ФНП Н. И. Кашурина о работе Правления Федеральной нотариальной палаты в 2005–2007 годах // Федеральная нотариальная палата России : сайт. URL: http://notariat.ru/bulletinarhiv/press_2718_23.aspx (дата обращения: 19.08.2022); Нотариальный вестник. 2008. № 6.
6. О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации [проект федерального закона № 398234-6 (редакция, внесенная в ГД РФ)] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Бочковенко В. А. Почему не принят новый закон о нотариате и нужен ли он? // Нотариус. 2015. № 2.
8. Медведев И. Г. Некоторые тенденции эволюции нотариата и нотариальной формы в мире // Нотариальный вестник. 2014. № 5.
9. Черемных Г. Г. У Федеральной нотариальной палаты нет и не может быть контрольных функций в сфере нотариата // Нотариус. 2014. № 2.
10. Шарифетдинов Н. Ф. У бюрократической модели нотариата нет будущего! // Нотариус. 2012. № 6.
11. Романовская О. В. К дискуссии о будущем нотариата // Нотариус. 2013. № 5.
12. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Российская газета. 2020. 22 июля.
14. Щечкочихин П. А. Нотариат Российской Федерации : конституционно-правовые основы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
15. Гасанов З. У. Основные особенности нотариата в Российской Федерации // Нотариус. 2019. № 2.

References

1. Eremizin V. I. The Direction of the Development of the Notary in Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2017. No. 9.
2. Passport of the Draft Federal Law No. 96700078-2 “On Changing the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries”.
3. Manannikov O. V. On the Concept of Notary Development in Russia. *Russian Justice*. 2008. No. 11.
4. Speech of the Vice-President of the FNP N. I. Kashurin at the III Congress of Notaries of Russia “We Are Supporters of a Direct and Open Dialogue with Society”. URL: http://notariat.ru/bulletinarhiv/press_2814_23.aspx (date of the application: 19.08.2022); *Notary Bulletin*. 2008. No. 8.
5. Report of the Vice-President of the FNP N. I. Kashurin on the work of the Board of the Federal Notary Chamber in 2005–2007. URL: http://notariat.ru/bulletinarhiv/press_2718_23.aspx (date of the application: 19.08.2022); *Notary Bulletin*. 2008. No. 6.
6. On Notaries and Notarial Activity in the Russian Federation [Draft Federal Law No. 398234-6 (as amended by the State Duma of the Russian Federation)] (SPS “ConsultantPlus”).
7. Bochkovenko V. A. Why Hasn’t a New Law on Notaries Been Adopted and Is It Needed? *Notary*. 2015. No. 2.
8. Medvedev I. G. Some Trends in the Evolution of the Notary and Notarial Form in the World. *Notary Bulletin*. 2014. No. 5.
9. Cheremnykh G. G. The Federal Notary Chamber Does Not and Cannot Have Control Functions in the Field of the Notary. *Notary*. 2014. No. 2.
10. Sharafetdinov N. F. The Bureaucratic Model of the Notary Has No Future! *Notary*. 2012. No. 6.
11. Romanovskaia O. V. To the Discussion on the Future of the Notary. *Notary*. 2013. No. 5.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15 April 2014 No. 312 “On approval of the state program of the Russian Federation ‘Justice’” (SPS “ConsultantPlus”).
13. *Rossiiskaia Gazeta*. 22 July 2020.
14. Shchekochikhin P. A. Notary of the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.
15. Gasanov Z. U. The Main Features of the Notary in the Russian Federation. *Notary*. 2019. No. 2.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЛОКЧЕЙНА В НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-40-44>

Технология блокчейн взорвала рынок услуг. Сфера применения инновации достаточно широка. Первоначально инструмент применялся в криптовалюте; сегодня он используется и в банковской сфере, и в государственном секторе, и в других отраслях. Цель статьи состоит в раскрытии особенностей использования блокчейна в нотариальной практике. В работе использовались общенаучные методы исследования: диалектический, аналитический и дедуктивный. Новизна работы заключается в недостаточной проработке возможностей использования технологии блокчейн, особенно в сфере нотариальных услуг. В статье автор попытался рассмотреть некоторые особенности использования распределенного реестра в нотариальной практике. В заключение сделан вывод о том, что, несмотря на риски применения данной технологии, все же блокчейн является своевременным и необходимым инструментом в цифровизации нотариата.

**КИРСАНОВА
Екатерина Васильевна**

старший научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Москва)

caple@mail.ru

**Распределенный реестр;
блокчейн;
цифровизация нотариата;
реестр нотариальных действий;
принципы организации
нотариата**

Ekaterina V. KIRSANOVA

Senior Research Fellow, Center for
Scientific Research, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

caple@mail.ru

**Distributed registry;
blockchain;
digitalization of the notary;
registry of notarial actions;
principles of organization
of the notary**

PECULIARITIES OF USING BLOCKCHAIN IN NOTARY ACTIVITIES

Blockchain technology has exploded the service market. The scope of innovation is quite wide. Initially, the tool was used in cryptocurrency, today it is used in the banking sector, the public sector, and other industries. The purpose of the article is to reveal the features of the use of blockchain in notarial practice. The work used general scientific research methods: dialectical, analytical and deductive. The novelty of the study lies in the insufficient study of the possibilities of using blockchain technology, especially in the field of notary services. In the article, the author tried to consider some features of the use of a distributed ledger in notarial practice. In conclusion, it was concluded that, despite the risks of using this technology, blockchain is still a timely and necessary tool in the digitalization of notaries.

В настоящее время бурно развиваются цифровые технологии. Цифровизация экономики представляет собой основу стабильного, надежного, отвечающего современным вызовам времени государства. Цифровизация проникла почти во все важные сферы жизнедеятельности общества. Но что понимается под цифровизацией? В переводе с английского «цифровизация» (*digitalisation, digitisation*) означает преобразование информации в цифровую форму. Более технологическое определение: цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы [1].

Довольно глубокое исследование терминов «цифровая экономика», «цифровизация» и «цифровая

трансформация» провели исследователи из Финансового университета У. Ю. Блинова, Н. К. Рожкова, Д. Ю. Рожкова [2, с. 82–88]. Авторы указывают, что цифровизация выступает показателем внедрения цифровых технологий в цифровую экономику. С данной позицией сложно не согласиться.

Цифровизация нотариата – это прежде всего цифровизация формы. Солидарны с С. Г. Долговым, что на данный момент нотариат является электронным, но не цифровым [3, с. 42–45]. Нотариусы, вступив в цифровую эпоху, прежде всего осуществляют электронный документооборот.

Электронная форма документа – это такой вид документа, который является пригодным для вос-

приятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-коммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4, с. 254]. Особенностью электронных документов является наличие в них дополнительной информации в виде метаданных: о дате, о месте, о лице, об отправителе, о получателе информации, а также о факте внесения изменений.

Нотариат имеет в своем арсенале единую информационную систему. Единая информационная система нотариата России (ЕИС) запущена в эксплуатацию в 2006 г., сегодня в ней активно работают нотариусы из всех субъектов РФ. По своей структуре ЕИС представляет собой распределенную информационную систему – распределенный реестр. Система объединяет всех пользователей посредством сети Интернет. В базе данных сервера ЕИС, размещенного в Федеральной нотариальной палате, содержится большая часть всей информации, которая размещена в системе. Данный сервер ЕИС взаимодействует с пользователями системы посредством одного из двух интерфейсов: веб-интерфейс и программный интерфейс. Веб-интерфейс сервера ЕИС необходим для просмотра баз данных информационных блоков и работы с подсистемами ЕИС с помощью обычного браузера. Для организации взаимодействия со специальным приложением ЕИС «eNot» предназначен программный интерфейс сервера ЕИС. Приложение ЕИС «eNot» реализует прикладные функции системы на рабочем месте пользователя ЕИС. Каждый пользователь ЕИС имеет свою собственную локальную базу данных, содержащую частичную репликацию содержимого базы данных сервера ЕИС, а также свою собственную информацию, частично реплицируемую в базу данных сервера ЕИС. Обмен информацией между пользователями системы и сервером ЕИС выполняется с помощью приложения «eNot». При построении ЕИС используются следующие платформы и технологии: операционные системы *FreeBSD*, *CentOS*, *Microsoft Windows Server*; серверы баз данных *MySQL*, *Oracle*; платформа виртуализации *VMware*.

Что же из себя представляет распределенный реестр и блокчейн? Понятие «распределенный реестр» обозначает систему распределенных баз данных, ряд технологий, функционирующих посредством использования цепочки блоков транзакций (так называемый блокчейн) между базами данных [5, с. 98]. По мнению А. Савельева, блокчейн является одним из вариантов реализации сети распределенных реестров, в котором данные о совершенных операциях структурируются в виде последовательной цепочки связанных блоков транзакций. Верификация записей в реестрах совершается автоматически с применением специальных алгоритмов [6]. Таким образом, блокчейн – вид распределенных реестров.

Технология распределенных реестров блокчейн является прорывной технологией, которая оказывает в настоящее время значительное влияние на развитие как нотариата, так и общества в целом. Став частью правовой среды, блокчейн нуждается в правовом регулировании [7, р. 16]. Причем стоит упомянуть, что не блокчейн является предметом правового регулирования, а те операции, которые совершаются на его основе и с его помощью [8, с. 94]. В литературе также высказывается позиция, что и блокчейн, и смарт-контракты не совсем подходят для современной правовой среды и даже могут представлять умеренную опасность [4, с. 54]. Вынуждены не согласиться с данной позицией. Безусловно, цифровые технологии упрощают и облегчают работу нотариусам, но вместе с тем возникает необходимость обратить особо пристальное внимание на защиту законных прав и интересов лиц, обращающихся за совершением нотариальных действий. Внедрение технологии распределенных реестров в систему шифрования электронной переписки придает введенным метаданным свойства неопровержимой идентификации. Такие данные наделяются особой доказательной силой в процессуальном законодательстве. Важно надлежащим образом осуществлять обработку, использование и охрану персональных данных. Единая информационная система нотариата вполне отвечает необходимым запросам. Для обеспечения защиты информации при ее передаче по открытым каналам связи применяется шифрование, а взаимная аутентификация пользователей и сервера ЕИС производится по сертификатам ключей проверки подписи (алгоритмы ГОСТ 28147-89 и ГОСТ Р 34.10-2001).

Сложно не согласиться с С. Г. Долговым и некоторыми другими авторами, которые убеждены, что системы распределенных реестров, включающие блокчейн-системы, следует отнести к цифровым технологиям [3, с. 42–45; 9, с. 11–16; 10, с. 12–17].

Господствующий в доктрине гражданского процесса подход, согласно которому цифровые технологии выступают лишь как инструменты [11, с. 61], вполне может быть применим к нотариальному праву. На современном этапе нотариат и гражданский процесс связаны не только функционально, но и технологически благодаря цифровым технологиям [11, с. 70].

С 1 января 2018 г. произведен окончательный переход на электронный документооборот нотариата в России, и сегодня в реестрах единой информационной системы регистрируется в электронном виде 100% всех нотариальных действий [12]. Появился новый институт, такой как хранение электронных документов. Электронный документооборот в современных реалиях выступает не правом, а обязанностью нотариуса. Соответствующие предписания закреплены прежде всего в Основах законодательства РФ о нотариате.

Д. Видра, Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна отмечают следующие существенные технические характеристики блокчейна: 1) децентрализация управления; 2) прозрачность и отслеживаемость транзакций; 3) неизменность хранящихся в блокчейне данных; 4) устранение посредников [13, с. 19]. К. Л. Брановицкий и В. В. Ярков предлагают несколько иные названия характеристик, но содержание их в целом совпадает. Так, ученые указывают следующие характеристики: 1) неизменность; 2) децентрализованный характер; 3) повышенная безопасность; 4) консенсуальная основа (отсутствие доверенной третьей стороны) [14, с. 235–236].

Децентрализованная (одноранговая) характеристика блокчейна, или, как ее еще называют, распределенная и надежная среда [15, с. 18]. Данная характеристика означает следующее: компьютеры в одноранговой сети называются «нодами» (*nodes*), или «узлами». Узлы в одноранговой сети равноправны, нет центрального сервера. Причем каждый узел хранит полную обновленную версию цепочки блокчейна. При добавлении нового узла цепочка блокчейна также обновляется. Это гарантирует безопасность и формирует доверие к системе.

Прозрачность и отслеживаемость транзакций означает, что блокчейн хранит в себе информацию обо всех транзакциях и участники могут с ними ознакомиться.

Неизменность: информация, которая записана и подтверждена цепочкой блоков, не может быть изменена или удалена из сети без изменения самих блоков. Неизменность также означает, что нельзя добавлять информацию произвольно.

Консенсуальный механизм представляет собой протокол, позволяющий узлам работать вместе в одноранговой сети. Консенсуальным протоколом устанавливаются следующие правила: порядок добавления в цепочку блокчейна, действительность блоков, разрешение конфликтов. Существуют различные протоколы консенсуса, используемые в технологии блокчейн [16]. В каждом конкретном случае выбирается наиболее подходящий протокол консенсуса к данной конкретной системе.

Я. А. Мова в своем исследовании ограничивается следующими характеристиками блокчейна: децентрализованная характеристика и консенсуальный механизм – и предлагает такое определение: блокчейн – это система, которая записывает проведение транзакции в определенном хронологическом порядке со всеми сетевыми узлами. Действительность транзакций признается на основании выбранной консенсуальной модели. Результатом являются децентрализованно согласуемые со всеми участниками сети транзакции, которые не подлежат отмене [18, с. 26–31].

По своей сути технические характеристики блокчейна представляют собой основные принципы организации распределенного реестра, его функциональные особенности. Если мы утверждаем о том, что ЕИС представляет собой распределенный реестр, следовательно, технические характеристики блокчейна должны соответствовать принципам организации нотариата.

Тем не менее имеются определенные риски и ограничения в применении технологии блокчейн в нотариате. К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, Ал. В. Незнамов, Ан. В. Незнамов, В. В. Ярков предлагают обратить внимание на пять объективных ограничений в применении данной технологии в области нотариата [11, с. 72–76]. Сложно не согласиться с данными авторами.

Так, если размышлять о возможных перспективах использования блокчейна в нотариальной деятельности, то предпочтительнее применять гибридные системы распределенных реестров. Гибридные системы объединяют в консорциум различные группы заранее идентифицированных участников, которые взаимодействуют по заранее определенным и обязательным правилам.

Следующее ограничение применения технологии блокчейн в нотариальной деятельности касается модели управления блокчейном. Единый регулятор необходим, когда требуется защита бесспорных процедур и их результатов. Данный регулятор представляет собой единые правила в интересах поддержания доверия к блокам транзакций в цепочке и выработывается совместно с участниками системы.

Признание транзакций на основе блокчейна должно быть совместимо с существующими нормативными стандартами в области информационной безопасности. В частности, требуется соблюдение конфиденциальности при использовании электронной подписи. Авторы опасаются «размывания нотариальной тайны: как обеспечить ее в системе, где все данные воспроизводятся у всех ее участников?» [11, с. 74].

Далее авторы высказывают опасения касательно доказательств существования транзакции и сохранности документов. Безопасность реестра с доказательствами транзакции основана на связях, которые объединяют подтвержденные блоки в неразрывную и многократно воспроизводимую цепь. Всякому элементу при регистрации присваивается временная метка. Речь идет о регистрации блока в цепочке, а не о дате совершения конкретной транзакции. Действительная запись в цепочке происходит после завершения криптографических вычислений участниками (майнерами), что ставит вопрос о достоверной дате самой транзакции. Согласны, что обычный или электронный нотариальный акт несравнимо более надежен в отношении фиксации достоверной даты совер-

шения транзакции: время удостоверения полностью совпадает с датой совершения операции [11, с. 75]. Что касается сохранения документов в блокчейне, то сложностей не возникает в отношении нотариальных актов, полноценные оригиналы большинства из которых хранятся бессрочно независимо от их бумажной или электронной формы.

Вопрос о юридической действительности транзакций, совершаемых на основе данной технологии, по мнению К. Л. Брановицкого, И. Г. Ренца, Ал. В. Незнамова, Ан. В. Незнамова, В. В. Яркова, фундаментален [11, с. 75]. Действительность транзакций с использованием технологии блокчейн производна от согласованной воли сторон. Операции, совершаемые в рамках открытых блокчейн-систем, имеют ограниченную юридическую силу только в отношении сторон и не имеют юридического действия на третьих лиц. Напротив, транзакции в закрытой блокчейн-системе действуют в отношении всех ее участников, которые при получении доступа к распределенному реестру принимают внутренние правила его функционирования. Блокчейн в нотариате представляет собой гибридную систему.

Следовательно, юридическая действительность транзакций, совершаемых на основе блокчейна, в нотариальной деятельности имеет неограниченную юридическую силу, в том числе и в отношении третьих лиц, не имеющих доступа к распределенному реестру.

Далее нужно учитывать два важных аспекта. Во-первых, двойственность технологии: либо носит правоподтверждающий эффект, когда отражаются внешние цепочки транзакций, совершаемых помимо блоков, но имеющих отпечаток в распределенном реестре, либо правопорождающий – когда применение технологии ведет к возникновению субъективных прав и обязанностей. Во-вторых, при выходе транзакций за пределы национальной системы госу-

дарствам нужно вовремя, чтобы установить правила поведения, прийти к консенсусу, установить тем самым протокол, выраженный в международном договоре.

К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, Ал. В. Незнамов, Ан. В. Незнамов, В. В. Ярков не учитывают энергозатраты, которые необходимы для использования технологии блокчейн. Кроме того, само содержание системы является дорогостоящим. И что самое главное, при нотариальном удостоверении нотариус с помощью блокчейна сможет проверить и личность, и ее дееспособность, но не ее истинное желание совершить действие. Таким образом, блокчейн не может существовать без «живого нотариуса».

Сегодня все чаще говорят о том, что именно нотариус может выступить доверенной стороной в системе блокчейна при заключении смарт-контрактов [18, с. 97]. Нотариус, выступая арбитром, может гарантировать законность сделки.

Следует отметить, что использование технологий распределенных реестров данных в нотариальной практике может быть значительно шире и не ограничиваться только ЕИС. Так, могут быть разработаны сервисы, мобильные приложения, которые позволят произвести идентификацию, аутентификацию, автоматизацию видеопроцедуры (сервис *Interview*) и др.

В заключение можно сказать, что, несмотря на все риски, применение блокчейна в нотариальной практике является важным перспективным направлением развития института нотариата. Нотариус выступает гарантом защиты прав и основных свобод граждан и юридических лиц, тем самым обеспечивая стабильность гражданского оборота. Использование передовых инноваций значительно повысит эффективность и доступность нотариальных услуг. Имеющийся ИТ-потенциал нашей страны создает прочный фундамент для внедрения новейших распределительных систем в области нотариата.

Пристатейный библиографический список

1. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике // Academic.ru : сайт. URL: http://information_society.academic.ru (дата обращения: 27.11.2022).
2. Блинова У. Ю., Рожкова Н. К., Рожкова Д. Ю. Цифровая экономика : терминологический дискурс // Вестник университета. 2022. № 1.
3. Долгов С. Г. Нотариат сегодня, цифровой или электронный? // Нотариус. 2021. № 2.
4. Цифровизация судопроизводства : научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2020.
5. Кадовбенко В. Д. Гражданско-правовое регулирование отношений по наследованию авторских и смежных прав в России и странах Европы : монография. Воронеж : ВГПУ, 2022.
6. Савельев А. Юридическая дефиниция блокчейна. Ч. 2 // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_2_yuridicheskaya_definiciya_blokchejna_a_tochnee_-_raspredelennogo_reestra_dannyh (дата обращения: 27.11.2022).

7. *Loriaux F.* L'utilisation de la blockchain en propriété intellectuelle est-elle une évolution souhaitable ? Université catholique de Louvain, 2019.
8. Чуб Д. В. Вещные обеспечительные сделки с применением технологии Blockchain // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8.
9. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1.
10. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1.
11. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В., Ярков В. В. Цифровые технологии в цивилистическом процессе : некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.
12. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии : сайт. URL: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2022).
13. Видра Д., Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Социализация права и технология распределенного реестра : трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4.
14. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность : образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М. : Статут, 2022.
15. Криштаносов В. Б. Блокчейн : технологический и экономический аспекты // Труды БГТУ. Серия 5. 2020. № 2.
16. Proof of Stake versus Proof of Work // Bitfury : сайт. URL: <https://bitfury.com/content/downloads/pos-vs-pow-1.0.2.pdf> (дата обращения: 27.11.2022).
17. Мова Я. А. Технологии распределенного реестра в цифровой экономике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-2.
18. Корсик К. А., Парфенчикова А. А. Трансформация российского нотариата в новых экономических условиях // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 1: Нормы и правила.

References

1. Explanatory Dictionary on the Information Society and the New Economy. URL: http://information_society.academic.ru (date of the application: 27.11.2022).
2. *Blinova U. Iu., Rozhkova N. K., Rozhkova D. Iu.* Digital Economy: Terminological Discourse. *Bulletin of the University*. 2022. No. 1.
3. *Dolgov S. G.* Notary Today, Digital or Electronic? *Notary*. 2021. No. 2.
4. *Zuev S. V. (ed.)*. Digitalization of Legal Proceedings: Scientific and Practical (Article-by-Article) Commentary of Legal Acts. Moscow: Iurlitinform, 2020.
5. *Kadovbenko V. D.* Civil Law Regulation of Relations on Inheritance of Copyright and Related Rights in Russia and European Countries: Monograph. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ., 2022.
6. *Saveliev A.* The Legal Definition of Blockchain. Part 2. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_2_yuridicheskaya_definiciya_blokchejna_a_tochnee_-_raspredelennogo_reestra_dannyh (date of the application: 27.11.2022).
7. *Loriaux F.* L'utilisation de la blockchain en propriété intellectuelle est-elle une évolution souhaitable ? Université catholique de Louvain, 2019.
8. *Chub D. V.* Real Security Transactions with the Use of Blockchain Technology. *Kutafin Law Review*. 2020. No. 8.
9. *Nesterov A. V.* On Digital Rights and Objects of Digital Rights. *Law and Digital Economy*. 2020. No. 1.
10. *Vaipan V. A.* Legal Regulation of the Digital Economy. *Entrepreneurial Law. Application "Law and Business"*. 2018. No. 1.
11. *Branovitskii K. L., Rents I. G., Neznamov Al. V., Neznamov An. V., Iarkov V. V.* Digital Technology and Civil Procedure: Some Problems and Prospects. *Herald of Civil Procedure*. 2019. No. 4.
12. URL: <https://rosreestr.gov.ru> (date of the application: 27.11.2022).
13. *Vidra D., Sannikova L. V., Kharitonova Iu. S.* Socialization of Law and Distributed Registry Technology: Transformation of Regulatory Impact. *Civil Law*. 2020. No. 4.
14. *Branovitskii K. L., Iarkov V. V. (ed.)*. Digital Technologies and Jurisdictional Activity: The Image of the Future of Justice in Civil Cases. Moscow: Statut, 2022.
15. *Krishtanosov V. B.* Blockchain: Technological and Economic Aspects. *Proceedings of Belarusian State Technological University. Series 5*. 2020. No. 2.
16. Proof of Stake versus Proof of Work. URL: <https://bitfury.com/content/downloads/pos-vs-pow-1.0.2.pdf> (date of the application: 27.11.2022).
17. *Mova Ia. A.* Distributed Registry Technologies in the Digital Economy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. No. 5-2.
18. *Korsik K. A., Parfenchikova A. A.* Transformation of the Russian Notary in New Economic Conditions. *State Service*. 2020. Vol. 22. No. 1: Norms and Rules.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ СПОСОБОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-45-49>

В статье рассматривается система способов определения поставщика, используемая при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд, в частности проведен анализ изменений, касающихся перехода практически всех способов определения поставщика к электронной форме, а также упрощения системы способов определения поставщика путем исключения некоторых способов, дана оценка целесообразности исключения отдельных способов определения поставщика. Автор приходит к выводу, что в целом реформу следует оценить положительно, переход к электронной форме обусловлен повсеместным развитием интернет-технологий, в то же время в результате исключения отдельных способов заказчик был лишен определенных инструментов, что может негативно сказаться на эффективности закупок в будущем.

ГУРЬЕВА
Софья Рафиковна

младший научный сотрудник
Центра научных исследований
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Москва)

**Государственные закупки;
государственный контракт;
способ определения
поставщика;
аукцион;
конкурс;
запрос котировок;
запрос предложений;
закупка у единственного
поставщика**

Sofia R. GURIEVA

Junior Researcher, Center
for Scientific Research,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF METHODS OF DETERMINING THE SUPPLIER IN THE IMPLEMENTATION OF STATE AND MUNICIPAL PURCHASES

**Public procurement;
public contract;
method of determining
a supplier;
auction;
tender;
request for quotations;
request for proposals;
purchase from a single supplier**

The article discusses the system of methods for determining the supplier used in procurement for state and municipal needs, in particular, an analysis of the changes regarding the transition of almost all methods of determining the supplier to electronic form, as well as simplifying the system of methods for determining the supplier by eliminating some methods, an assessment is given expediency of excluding certain methods of determining the supplier. The author comes to the conclusion that, in general, the reform should be assessed positively, the transition to electronic form is due to the widespread development of Internet technologies, at the same time, as a result of the exclusion of certain methods, the customer was deprived of certain tools, which may adversely affect the efficiency of procurement in the future.

Система государственных и муниципальных закупок имеет существенное значение для экономики страны. Как пишет Л. В. Андреева, «через систему государственных закупок перераспределяется основная масса бюджетных средств, направляемых на военные, технологические, экономические и социальные нужды» [1, с. 9]. Е. А. Цатурян также подчеркивает, что «в условиях рыночных отношений мощным рычагом влияния государства на экономику страны и основанием для заключения государственных контрактов является система государственных закупок»

[2, с. 5]. Важность и значимость сферы закупок для государственных и муниципальных нужд обуславливает и их специальное регулирование, которое существенно сложнее и детальнее регулирования отношений по поставке товаров, выполнению работ и оказанию услуг между частными субъектами.

Система закупок представляет собой сложный процесс, включающий ряд последовательных этапов, и одним из ключевых в этом списке является заключение государственного контракта. В. А. Кондратьев подчеркивает, что именно государственный контракт

является основным средством обеспечения публичных нужд [3, с. 5]. Действительно, государственный контракт представляет собой тот юридический факт, порождающий правоотношение, в силу которого государственный заказчик вправе требовать исполнения контракта, а исполнитель – его оплаты.

В ст. 3 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) государственный контракт определяется как гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта РФ (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд.

А. Е. Кирпичев, комментируя приведенную легальную дефиницию, отмечает, что «указание на гражданско-правовую природу контракта согласуется с итогами дискуссии в российской правовой науке. Хотя высказывался ряд предположений о том, что контракты имеют административно-правовую природу, законодатель однозначно определяет их как гражданско-правовой договор, что соответствует позиции большинства исследователей данных отношений» [4]. Несмотря на то что государственный контракт является гражданско-правовым договором, что подтверждается и указанием закона, и сложившимся доктринальным подходом, он имеет ряд отличительных особенностей. Одним из специфических признаков государственного контракта можно назвать особый порядок его заключения, который предполагает сложную процедуру, включающую использование конкурентных процедур. Причины, по которым закон предусматривает значительно более сложный порядок заключения государственного контракта по сравнению с обычным гражданским договором, как представляется, состоят в том, что закупки финансируются за счет бюджетных средств, а также затрагиваются публичные интересы, что требует более тщательного отбора контрагентов на основе конкуренции между ними. Конкуренция при осуществлении закупок находится в прямой причинной связи и с эффективностью закупок, и с рациональным использованием бюджетных средств.

Система способов определения поставщика на протяжении всей современной российской истории существования института государственных и муниципальных закупок подвергалась реформированию. Если говорить о действующем Законе о конт-

рактной системе, то даже с момента его вступления в силу 1 января 2014 г. способы определения поставщика периодически подвергались существенно-му реформированию.

Так, одним из наиболее значимых этапов был переход полностью к электронным формам определения поставщика, который был осуществлен Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ. При этом до внесения указанных изменений в электронной форме проводился только аукцион. Такой шаг можно оценить исключительно положительно, он обусловлен развитием современных интернет-технологий, которые делают нецелесообразным проведение очных процедур. Кроме того, для участников доступ к участию в публичных закупках стал еще более свободным, а процесс – более прозрачным.

Но на переводе способов определения поставщика в электронную форму законодатель не остановился, и их реформирование продолжилось, но уже в направлении упрощения системы и ее унификации. Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ была существенно упрощена система способов определения поставщиков путем исключения части из них. Так, из текста закона были исключены такие процедуры, как двухэтапный конкурс, конкурс с ограниченным участием и запрос предложений в электронной форме.

В первоначальной редакции Закон о контрактной системе предусматривал четыре вида конкурса: открытый конкурс, двухэтапный конкурс, конкурс с ограниченным участием, которые также могли проводиться в открытой и закрытой формах; также существовал аукцион в открытой и закрытой формах, запрос котировок и запрос предложений в открытой и закрытой формах и неконкурентный способ – закупка у единственного поставщика.

Такая сложная система, с одной стороны, давала широкий выбор возможностей для выбора наиболее оптимального способа определения поставщика и, следовательно, более эффективного осуществления закупки, но, с другой стороны, создавала путаницу при выборе способов определения поставщика, ошибки в их выборе. А учитывая, что заказчик обладает весьма ограниченной свободой в выборе того или иного способа определения поставщика, а также наличие состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях за неправильный выбор способа определения поставщика, должностные лица заказчика были скованы в возможности использовать весь арсенал способов определения поставщика.

На данный момент система способов определения поставщика, как уже было отмечено, значительно упростилась, в арсенале заказчика остались конкурс в электронной форме (открытый и закрытый), аукци-

он в электронной форме (открытый и закрытый), запрос котировок в электронной форме (открытый и закрытый) и закупка у единственного поставщика.

Говоря о целесообразности отказа от обозначенных выше способов определения поставщика (двухэтапный конкурс, конкурс с ограниченным участием, запрос предложений), следует учитывать статистические данные [5], а именно то, что исключенные способы использовались достаточно редко и в общей совокупности занимали не более 1%. Такая ситуация обусловлена, во-первых, ограничением для заказчика возможности их использования, во-вторых, сложностью данных процедур.

Например, двухэтапный конкурс имел достаточно узкую сферу применения и мог быть использован при заключении контракта на проведение научных исследований, создание произведения науки, литературы, искусства и т.д. Его отличительной особенностью является то, что на первом этапе проводилось обсуждение предмета закупки с участниками, подавшими первоначальные заявки, и только на втором этапе определялся победитель.

Конкурс с ограниченным участием предусматривал возможность со стороны заказчика предъявлять дополнительные требования к участникам закупки, но при этом использовался несколько чаще, хотя также возможность его использования была значительно ограничена для заказчика.

Запрос предложений также имел достаточно узкую сферу применения, которая была обозначена ограниченным перечнем случаев, а его отличительной особенностью являлось то, что определение победителя осуществлялось по нескольким критериям.

Как представляется, конкурс с ограниченным участием и запрос предложений не обладали какими-либо уникальными свойствами, которые невозможно было бы компенсировать иными способами, предусмотренными законодательством о контрактной системе. Так, например, дополнительные требования к участникам закупок могут устанавливаться на основании постановления Правительства РФ, а в тех закупках, где требуется оценка участников по нескольким критериям, возможно использовать конкурс. Двухэтапный конкурс, который предполагал в целом не свойственную сфере публичных закупок обсуждение между заказчиком и участниками на этапе заключения контракта, заменить иными инструментами сложнее. Однако, учитывая то, что его использование было минимальным, менее 100 раз в течение года, можно предположить, что его исключение не должно существенно сказаться на системе закупок.

Помимо исключения ряда способов определения поставщика необходимо отметить закрепление в ст. 93 Закона о контрактной системе положений о закупке у единственного поставщика на электронной

площадке. Данный способ закупки предполагает следующий порядок: потенциальные участники закупок размещают на электронной площадке свои предложения о готовности осуществить поставку того или иного товара (выполнить работу или оказать услугу), заказчик в свою очередь размещает извещение с описанием необходимых ему товаров (работ, услуг), а оператор электронной площадки производит отбор пяти наиболее выгодных предложений и контракт заключается с участником, предложение которого наилучшее по цене. Относительно данного способа заключения контракта вызывает вопросы его расположение в статье, регулирующей закупку у единственного поставщика (неконкурентный способ определения поставщика), поскольку он предполагает отбор контрагента по критерию цены, т.е. конкурентный отбор, что характерно для конкурентных способов определения поставщика. По сути закупка у единственного поставщика через электронную площадку является упрощенной формой аукциона или запроса котировок. Тем самым более логичным было бы поместить данные положения в раздел закона, посвященный регулированию конкурентных закупок.

Если говорить об оставшихся после реформы способах определения поставщика, то в целом система является сбалансированной, так как используются два классических способа определения поставщика (две формы торгов): конкурс и аукцион, каждый из которых имеет свои цели. Основным отличием конкурса от аукциона является количество критериев определения победителя: если при аукционе победителем признается лицо, предложившее лучшую цену, то победителем конкурса признается лицо, предложившее наилучшие условия. Указанные признаки обуславливают и случаи, в которых их целесообразно использовать. В литературе отмечается, что конкурс следует проводить исключительно в тех случаях, когда имеет место множественность целей организатора торгов в обязательном отношении, потребность в реализации каждой из которых не фиксирована, а проведение конкурса направлено на достижение объективного и обоснованного результата [6, с. 8].

Вместе с тем конкурс используется значительно реже, нежели аукцион, что видно из статистических отчетов. О. А. Беляева отмечает, что «нужно избегать голого ценового аукциона, на котором играет роль только ценовое предложение, с большим количеством участников; у компании с разумной ценовой политикой мало шансов выиграть на таком аукционе. Поэтому оголтелый переход к аукционам везде и всюду под маркой антикоррупционных процедур заведомо является ошибочным, нерациональность использования такой игры уже давно доказана математиками» [7]. Такая позиция отчасти заслуживает поддержки, поскольку отбор по единственному

критерию не позволяет оценить другие параметры исполнения, что несет риск неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта. Безусловно, нельзя не отметить определенные шаги законодателя, которые направлены на нивелирование данного недостатка, в частности ч. 2.1 ст. 31 Закона о контрактной системе предусматривает обязанность заказчика устанавливать дополнительные требования о наличии у участника опыта, если начальная максимальная цена контракта превышает 20 млн руб. Как видится, цель данного положения в том, чтобы ограничить доступ к участию в закупках недобросовестных контрагентов и тем самым компенсировать обозначенный недостаток аукциона, который налагает на заказчика обязанность заключить контракт с лицом, предложившим лучшую цену, даже если эта цена нерациональна.

Возвращаясь к вопросу о соотношении аукциона и конкурса, представляется, что аукцион наиболее эффективен при поставке товаров, где фигура исполнителя не имеет столь важного значения, тогда как при выполнении работ, оказании услуг значение личности исполнителя существенно возрастает, что требует ее оценки по различным параметрам.

Что касается запроса котировок, то его реформа также затронула: был расширен перечень случаев,

в которых проводится запрос котировок, – на данный момент запрос котировок проводится в тех случаях, когда ранее проводился запрос предложений. В литературе отмечается, что запрос котировок является наиболее простым с организационной и содержательной точки зрения конкурентным способом определения поставщика. Действительно, запрос котировок является удобным способом для небольших закупок, что обуславливает целесообразность его сохранения.

Таким образом, система способов определения поставщика при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд находится в постоянном развитии, что, с одной стороны, способствует совершенствованию системы закупок, но, с другой стороны, создает дополнительные трудности для правоприменителя ввиду частых изменений законодательства.

Положительно следует оценить перевод всех способов определения поставщика в электронную форму, что упрощает процедуру закупок и делает ее более прозрачной.

Отказ от отдельных способов определения поставщика в целом не несет за собой существенных последствий, однако заказчики лишились дополнительных инструментов при осуществлении закупок, что может иметь некоторые негативные последствия для эффективности закупок.

Пристатейный библиографический список

1. *Андреева Л. В.* Государственные закупки в России : правовое регулирование и меры по его совершенствованию. М. : Проспект, 2019.
2. *Цатурян Е. А.* Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики : монография. М. : Статут, 2020.
3. *Кондратьев В. А.* Требования к участникам публичных закупок // Закон. 2021. № 8.
4. *Кирпичев А. Е.* Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики : монография. М. : РГУП, 2017.
5. Аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам III квартала 2020 года // Министерство финансов Российской Федерации : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/10/main/Itog_44-FZ.pdf (дата обращения: 19.09.2022).
6. *Кондратьев В. А.* Конкурс как форма торгов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
7. *Беляева О. А.* Торги : теоретические основы и проблемы правового регулирования. М. : Инфра-М, 2018.

References

1. *Andreeva L. V.* Public Procurement in Russia: Legal Regulation and Measures to Improve It. Moscow: Prospekt, 2019.
2. *Tsaturian E. A.* State Contract in the Civil Law of Russia: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Statut, 2020.
3. *Kondratiev V. A.* Requirements for Participants in Public Procurement. *Law*. 2021. No. 8.

4. *Kirpichev A. E.* Entrepreneurial Obligations in the Public Sector of the Economy: Monograph. Moscow: Russian State University of Justice Publ., 2017.
5. Analytical Report on the Results of Monitoring the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs in Accordance with Federal Law of 5 April 2003 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" Based on the Results of the III Quarter of 2020. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/10/main/ltog_44-FZ.pdf (date of the application: 19.09.2022).
6. *Kondratiev V. A.* Competition as a Form of Bidding: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2017.
7. *Beliaeva O. A.* Bidding: Theoretical Foundations and Problems of Legal Regulation. Moscow: Infra-M, 2018.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СДЕЛКИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-50-53>

В статье анализируется феномен незавершенных сделок, в частности незаключенных договоров. Цель работы – выявление соотношения недействительной, действительной и незавершенной сделки. Основными методами исследования выступили формально-юридический и системный. Актуальность работы состоит в том, что в настоящее время незавершенность сделки на практике приобретает значение юридического факта, тогда как логичнее вести речь об отсутствии такового. Новизна исследования заключается в попытке авторов вместо поиска критериев разграничения недействительных и незавершенных сделок найти их общие черты. Авторы рассматривают незавершенные сделки с точки зрения современной правовой культуры и приходят к выводу о том, что они представляют собой избыточный институт гражданского права, искусственно введенный законодателем и поддержанный практикой, не учитывающей, что для совершения одной сделки может быть необходимо совершение ряда других.

ПРОНИНА

Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой
гражданского права и процесса
Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Саратов)
proninae2014@yandex.ru

КАЗАКОВА

Светлана Петровна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
c005er@mail.ru

**Правовая культура;
недействительность сделок;
незавершенные сделки;
незаключенные договоры**

Elena N. PRONINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head
of the Department of Civil Law
and Procedure, Volga Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (Saratov)
proninae2014@yandex.ru

Svetlana P. KAZAKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy (Saratov)
c005er@mail.ru

**Legal culture;
invalidity of transactions;
unfinished transactions;
unfinished contracts**

UNFINISHED TRANSACTIONS AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

The article analyzes the phenomenon of unfinished transactions, in particular, unfinished contracts. The purpose of the work is to identify the ratio of invalid, valid and incomplete transactions. The main research methods are formal-legal and systematic. The relevance lies in the fact that at present the incompleteness of the transaction in practice acquires the significance of a legal fact, whereas it is more logical to talk about the absence of such. The novelty of the study lies in the authors' attempt to find their common features instead of searching for criteria for distinguishing invalid and incomplete transactions. The authors consider unfinished transactions from the point of view of modern legal culture and come to the conclusion that they represent an excessive institution of civil law artificially introduced by the legislator and supported by practice that does not take into account that a number of others may be necessary to complete one transaction.

Выбор способов защиты гражданских прав, разнообразных в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования, оставляется за соответствующим субъектом. Однако, безусловно, применение последствий недействительности сделок (особенно договоров, в заключении которых участвует несколько лиц) не должно быть правилом гражданского оборота. «Недействительность действий» – оксюморон, и когда он касается установления, изменения или прекращения гражданских обязанностей, то может нивелировать ценность гражданского права и обуславливать неправовое разрешение споров, что недопустимо в правовом государстве.

Поскольку нормой гражданско-правовых отношений и одной из целей их развития является совершение сделок, непреходящий интерес представляют определение места недействительных сделок в гражданско-правовой жизни, их отграничение от сделок действительных и незаключенных, анализ оснований недействительности сделок и установление последствий их совершения.

К понятиям недействительных и действительных сделок законодатель обращается как непосредственно в тексте Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), так и в иных, принятых в соответствии с ним законах [1].

О несовершенных сделках речь ведется лишь применительно к их разновидности – незаключенным договорам, хотя само по себе понятие «совершение сделки» используется в гражданском законодательстве достаточно широко.

Таким образом, любая действительная сделка вполне может быть квалифицирована как сделка совершенная; ее антиподом соответственно должна считаться несовершенная сделка, однако в целях научной точности, чтобы избежать смешения понятий совершенности и совершенства, недостижимого в рамках научной теории, более уместным представляется использование термина «незавершенная сделка», тем более что в этом случае окажется подчеркнутой необходимость выражения воли в установленной законом форме и ее согласование с волеизъявлением других лиц (в случае, если речь идет о договоре).

Практическая необходимость в определении понятия незавершенной односторонней сделки не столь велика. Однако это не значит, что данное понятие не имеет права на существование. Необходимость развития частноправовой культуры в России требует единого подхода к любым незавершенным сделкам.

Например, с учетом введения в ГК РФ норм, регламентирующих дачу согласия на совершение сделки (ст. 157.1), законодателю необходимо определиться с последствиями неполучения согласия на совершение сделки – как предварительного, так и последующего, – причем именно на базовом уровне сделки,

а не только в отношении двусторонних и многосторонних сделок – договоров. Это более чем оправданно в случае, если понимать оферту и акцепт не как автономные гражданско-правовые явления, а как сделки, к чему есть все основания, поскольку и оферта, и акцепт порождают права и обязанности, образующие содержание гражданских правоотношений, возникших в связи с предложением заключить договор и согласием на это предложение [2].

В то же время заключение договора регламентировано законодателем достаточно детально. Изучение указанного субинститута гражданского права позволяет сформулировать и общий подход к изучению феномена незавершенных сделок.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение в соответствующей форме по всем существенным условиям договора: о предмете договора, а также об условиях, названных в правовых актах в качестве существенных или определенных сторонами в качестве таковых [3].

Экстраполируя данную норму на односторонние сделки, можно прийти к выводу о том, что такие сделки считаются совершенными, когда волеизъявление, направленное на установление, прекращение или изменение гражданских прав и обязанностей, фиксируется определенным образом, в том числе доводится до сведения лиц, которые могут получить по данной сделке гражданские права, быть освобожденными от обязанностей или изменить объем прав и обязанностей. В правоотношениях, в том числе абсолютных, всегда несколько сторон, в связи с чем изложенное распространяется и на случаи, когда лицо, совершающее сделку, и лицо, до которого доводится волеизъявление, совпадают (например, когда составляется завещание).

Что касается действительных сделок, то данное понятие в законе не определено. Говоря о действительных сделках, законодатель, как правило, противопоставляет их сделкам недействительным.

Так, например, предусматривая ничтожность сделки в качестве последствия несоблюдения ее нотариальной формы в случаях, установленных п. 2 ст. 163 ГК РФ, законодатель тем не менее допускает возможность признания ее действительной по решению суда, если одна из сторон полностью или частично исполнила такую сделку, а другая сторона уклоняется от удостоверения сделки (п. 1 ст. 165 ГК РФ) [1].

В другом случае, предусмотренном ст. 170 ГК РФ, устанавливая ничтожность притворной сделки, закон обуславливает применение к сделке, которую стороны действительно имели в виду, относящихся к ней правил.

Действительной считается сделка, совершенная несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет,

в случае ее последующего письменного одобрения его родителями, усыновителями или попечителем (абз. 2 п. 1 ст. 26 ГК РФ). Аналогичные положения установлены в отношении сделок ограниченно дееспособных граждан (ст. 30 ГК РФ). Допускается также признание действительными по решению суда сделок, совершенных недееспособными и малолетними гражданами (п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 172 ГК РФ).

С учетом изложенного, представляется достаточно очевидным, что в основе концепции разграничения действительных и недействительных сделок лежит формальный критерий – признает ли законодатель данную сделку ничтожной, допускает ли ее споримость и в каких случаях допускает исключения из соответствующих правил.

Действительная сделка, таким образом, отличается от недействительной тем, что ее правовые последствия соответствуют волеизъявлению совершившего ее лица (лиц); недействительная же сделка порождает последствия, предусмотренные не этими лицами, а законодателем.

Отграничение незавершенных сделок от сделок, указанных выше, в том числе незаключенных договоров, не столь определено.

Отметим, что согласно п. 2 ст. 307 ГК РФ обязательства возникают в том числе из договоров и других сделок. По смыслу закона, речь идет как о действительных, так и о недействительных сделках. Применение правил формальной логики приводит к выводу о том, что, если обязательства не возникают, значит, заключенного договора или совершенной сделки нет. Но означает ли это, что отсутствие заключенного договора или иной совершенной сделки не влечет возникновение обязательств?

К сожалению, закон не дает на этот вопрос категоричного ответа.

Например, согласно п. 7 ст. 449.1 ГК РФ в случае неплаты победителем торгов покупной цены в установленный срок договор с ним считается незаключенным, а торги признаются несостоявшимися. Между тем очевидно, что обязательство по уплате покупной цены возникло у победителя торгов не иначе как на основании договора – соглашения между ним, предложившим наибольшую цену в качестве оферента, и организатором торгов, признавшим его победителем как акцептантом. Связывая незаключенность договора с исполнением возникшего на основании него обязательства, законодатель, как представляется, действует нелогично. Менее всего стабильности гражданского оборота способствовала бы установленная законом возможность признавать неисполненное обязательство несуществующим; весьма странно выглядит возложение на победителя торгов обязанности возместить убытки в связи с неисполнением обязанностей по незаключенному договору. Представляется, что законо-

дательное регулирование в данной сфере отношений должно было пойти по другому пути, предоставив организатору торгов право отказаться от договора в одностороннем порядке [4].

На наш взгляд, положения о незаключенности договора как частном случае несовершенности сделки должны быть однозначными: в этом случае не должно допускаться применение никаких положений закона, регламентирующих совершение соответствующих сделок, однако могут применяться нормы гражданского законодательства, регламентирующие вопросы неосновательного обогащения, возмещения убытков и т.д. Иначе говоря, взгляд правоприменителя должен быть обращен не на сделку (которая не совершена), а на последствия действий каждой из сторон для другой.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 555 ГК РФ при отсутствии в договоре согласованного сторонами в письменной форме условия о цене недвижимости договор о ее продаже считается незаключенным. Таким образом, получение одной из сторон несостоявшегося договора какого-либо имущества, например, в счет предоплаты, должно признаваться безосновательным, а завладение недвижимостью – незаконным (хотя и совершенным не помимо воли собственника).

Точно так же, поскольку согласно п. 1 ст. 654 ГК РФ при отсутствии согласованного сторонами в письменной форме условия о размере арендной платы договор аренды здания или сооружения считается незаключенным, юридические последствия совершения сделки собственником здания (сооружения) и лицом, владеющим или пользующимся этим зданием, должны рассматриваться как носящие внедоговорной характер – соответственно как лица, пользующегося чужими денежными средствами, и лица, осуществившего самовольный захват здания (помещения).

Незаключенность договора – это, безусловно, избыточная юридическая конструкция, против введения которой намного больше аргументов, чем за. Обращаясь к установленным законом основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей, заметим, что законодатель не указывает на обстоятельства, которые не могут обусловить возникновение таких прав и обязанностей, потому что в этом, с учетом закона исключенного третьего, нет никакого смысла. Соответственно, не существует и правового института, регламентирующего незавершенные сделки, незаключенные договоры.

Указание законодателя в ст. 555 и 654 ГК РФ на недопустимость применения правил п. 3 ст. 424 ГК носит характер трюизма, поскольку указанная норма содержится в гл. 27 ГК «Понятие и условия договора», т.е. договора заключенного [2].

Вопрос, который вполне естественно возникает в данном случае, – об определении размера неосно-

вательного обогащения – законодатель предпочитает обойти, указав в п. 3 ст. 432 ГК РФ, что сторона, подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания его незаключенным, если заявление такого требования, с учетом конкретных обстоятельств, будет противоречить принципу добросовестности.

Учитывая, что к подтверждению действия договора (который не заключен) закон относит и принятие от другой стороны полного или частичного исполнения по нему, можно утверждать, что действующее гражданское законодательство позволяет рассматривать и незаключенность договора как обстоятельство, имеющее лишь условное значение. Вполне понятно, что если какая-то из сторон (sic!) договора, который в силу закона не может считаться заключенным, не может требовать признания этого договора заключенным, то он считается заключенным. Таким образом, установление ГК РФ требований к заключению договора, согласно которым договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1

ст. 432 Кодекса), означает лишь то, что отступление от указанных правил не расценивается как совершение сделки (т.е. действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей) вопреки требованиям закона, последствия которой предусмотрены ст. 168 ГК. Оно влечет последствия, отличные от общих последствий недействительной сделки; однако и эти последствия установлены законом [5].

Таким образом, следует констатировать, что незаключенные сделки представляют собой особый вид недействительных сделок, а именно сделок, не соответствующих закону по определенным законодателем критериям (поскольку под сделкой понимаются лишь действия, совершенные в соответствии с законом). Учитывая, что недействительные сделки влекут иные последствия, нежели те, на которые было нацелено совершение соответствующих действий, незаключенный договор как юридическое явление не существует; действия каждого из вовлеченных лиц должны рассматриваться изолированно, как совершенные безотносительно к действиям других.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
2. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) // СПС «Гарант».
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Демин А. А., Зуева М. В., Останина Е. А. Комментарий к главе 9.1 «Решения собраний» Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «Гарант».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «Гарант».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2015. No. 8.
2. Grishaev S. P., Bogacheva T. V., Svit Iu. P. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One (Article-by-Article) (SPS "Garant").
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
4. Demin A. A., Zueva M. V., Ostanina E. A. Commentary on the Chapter 9.1 "Decisions of Assemblies" of the Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ (SPS "Garant").
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25 December 2018 No. 49 "On Some Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of the Contract" (SPS "Garant").

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ФОРМЫ ВЕДЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-54-60>

Актуальность статьи обусловлена необходимостью исследования организационно-правовой формы хозяйственного партнерства и изучения проблем их деятельности. С переходом в XXI век, в эпоху постиндустриального общества, когда во главу угла ставятся научно-технический прогресс, новые технологии, возникла необходимость в новых формах организации бизнеса. Классические организационно-правовые формы (ООО и АО) уже не удовлетворяют требованиям инновационного, в том числе венчурного, предпринимательства, которое содержит в себе элементы инвестиций и риска. Предметом настоящей работы являются нормы действующего российского законодательства, регулирующие различные формы коммерческих корпораций. Цель исследования заключается в выявлении особенностей хозяйственных партнерств в сравнении с обществами с ограниченной ответственностью и акционерными обществами. Сделан вывод о том, что хозяйственное партнерство является уникальной формой ведения инновационной предпринимательской деятельности, однако нуждается в большей степени регламентации, в частности за счет введения в закон диспозитивных норм об органах управления, которые устанавливают систему органов, их полномочия и порядок формирования (как минимум нормы о высшем органе управления).

БАНДУРИНА

Наталья Владимировна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

nbandurina@yandex.ru

ПРОЦИКОВ

Леонид Дмитриевич

студент 4-го курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

leonid2e@mail.ru

**Предпринимательство;
юридическое лицо;
хозяйственное партнерство;
коммерческая корпорация;
органы управления;
складочный капитал;
соглашение об управлении**

Natalia V. BANDURINA

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

nbandurina@yandex.ru

Leonid D. PROTSIKOV

Fourth-Year Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)

leonid2e@mail.ru

**Business;
legal entity;
business partnership;
commercial corporation;
management bodies;
equity;
management agreement**

LEGAL CHARACTERISTICS OF ECONOMIC PARTNERSHIP AS A FORM OF INNOVATIVE ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The relevance of the article is due to the need to study the organizational and legal form of economic partnership and study the problems of their activities. With the transition to the 21st century, in the era of post-industrial society, when scientific and technological progress and new technologies are at the forefront, there was a need for new forms of business organization. Classic organizational and legal forms (LLC and JSC) no longer meet the requirements of innovative, including venture, entrepreneurship, which contains elements of investment and risk. The subject of this work is the norms of the current Russian legislation regulating various forms of commercial corporations. The purpose of the study is to identify the features of business partnerships in comparison with limited liability companies and joint-stock companies. It was concluded that economic partnership is a unique form of innovative entrepreneurial activity, but needs a greater degree of regulation, in particular, due to the introduction of dispositive rules on governing bodies into the law, which establish the system of bodies, their powers and the procedure for formation (at least the rules on the highest governing body).

До 2011 г. российское законодательство содержало семь организационно-правовых форм юридических лиц, которые могли быть использованы для ведения предпринимательской деятельности, наряду с институтом индивидуального предпринимателя (общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО), акционерное общество (далее – АО), в том числе публичное, хозяйственное товарищество, включая полное товарищество и товарищество на вере, крестьянское (фермерское) хозяйство, производственный кооператив).

В 2011 г. этот список был расширен за счет принятия Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (далее – Закон, Закон о партнерствах) и введения данной конструкции юридического лица в п. 2 ст. 50 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Главной целью введения в гражданское законодательство хозяйственных партнерств можно назвать развитие инновационного предпринимательства, основанного на инвестировании в венчурные проектные компании.

В заключении Комитета по собственности от 16 июня 2011 г. № 3.9-104/1 «По проекту федерального закона № 557159-5 «О хозяйственных партнерствах»» прямо указывалось, что Закон в целом согласуется с позицией Президента РФ о необходимости совершенствования организационно-правовых форм, востребованных при осуществлении инновационных проектов в целях реализации гибкого графика финансирования в ходе осуществления инновационного проекта, заключения соглашений участников, в том числе в части мотивации участников [1].

Совет Федерации указывал, что данная организационно-правовая форма юридического лица будет удовлетворять тем требованиям, которые предъявляют к юридическим лицам, используемым в качестве проектной компании участниками инновационной (в том числе венчурной) предпринимательской деятельности [1].

Основной причиной создания хозяйственных партнерств является несоответствие имеющихся форм организации бизнеса требованиям экономики.

По мнению законодателя, в ООО и АО на данном этапе имеется немалое количество злоупотреблений. ООО и АО как наиболее распространенные формы организации предпринимательской деятельности содержат в себе ряд неустраняемых недостатков [1, Стенограммы обсуждений], кроме того, внесение даже малых изменений в уже существующие формы скажется на деятельности нынешних организаций и может войти в противоречие с существом данных организационно-правовых форм.

Во-первых, ООО и АО не содержат подходящих правовых механизмов для внешнего финанси-

рования, не позволяют реализовать возможность постепенного формирования уставного капитала.

Во-вторых, закон содержит большое количество ограничений, запретов и иных императивных норм в отношении ООО и АО (в частности, в отношении органов управления и участия в них, в отношении уставного капитала, в отношении экстраординарных сделок) [1, Стенограммы обсуждений].

Хозяйственное партнерство (далее также – партнерство) представляет собой коммерческую корпорацию, т.е. юридическое лицо, основной целью деятельности которого является извлечение прибыли, участники которого получают право членства и формируют высший орган управления [2, с. 26].

С точки зрения правоспособности хозяйственное партнерство обладает специальной правоспособностью, поскольку деятельность партнерства не должна противоречить предмету и целям деятельности [3, ч. 3 ст. 2], в уставе нужно указывать предмет и цели деятельности партнерства [3, п. 2 ч. 2 ст. 9].

По внешним признакам хозяйственное партнерство тождественно хозяйственному обществу (партнерство действует на основании устава, участники и партнерство не отвечают по обязательствам друг друга, участники несут риск убытков, связанных с деятельностью партнерства, в пределах сумм внесенных ими вкладов).

К особенностям правового статуса хозяйственного партнерства следует отнести следующие:

- 1) партнерство не вправе осуществлять эмиссию ценных бумаг [3, ч. 4 ст. 2];
- 2) партнерство не вправе размещать рекламу своей деятельности [3, ч. 5 ст. 2];
- 3) партнерство не может быть учредителем (участником) других юридических лиц, за исключением союзов и ассоциаций [3, ч. 7 ст. 2];
- 4) в партнерстве не может быть только один участник [3, ч. 2 ст. 4];
- 5) в партнерстве возможен внесудебный порядок исключения участника [3, ч. 2 ст. 7] и др.

Некоторые авторы также выделяют такие особенности хозяйственного партнерства, как:

- фирменное наименование партнерства должно содержать его наименование и слова «хозяйственное партнерство»;
- договоры партнерства с кредиторами – субъектами предпринимательской деятельности могут содержать условия о полном или частичном прекращении обязательств партнерства перед такими кредиторами при наступлении условий, указанных в договоре, из которого возникли соответствующие обязательства. Такая возможность отсутствует в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью;
- ответственность партнерства, как и всех хозяйственных обществ, по своим обязательствам обеспе-

чивается всем принадлежащим ему имуществом. Следует отметить особенности правового регулирования ответственности хозяйственного партнерства в отличие от ответственности, например, общества с ограниченной ответственностью [4, с. 53].

Несмотря на то что в соответствии с Законом о партнерствах единственным учредительным документом является устав, ключевые аспекты деятельности партнерства определяются *соглашением об управлении партнерством* (далее – соглашение).

Природа данного соглашения является договорной, что следует из буквального толкования наименования документа, а также из содержания соглашения (создает права и обязанности для сторон соглашения и не создает прав и обязанностей для третьих лиц; это подтверждается тем, что стороны не вправе ссылаться на соглашение в отношениях с третьими лицами, а сама информация, указанная в соглашении, является конфиденциальной).

Данные отличия являются принципиальными, если противопоставлять соглашение уставу как документу, обладающему свойством публичности (сведения из устава представляются заинтересованным лицам, не являются конфиденциальными; устав может быть опубликован в открытом доступе; сведения, содержащиеся в уставе, подлежат государственной регистрации). Однако как устав, так и соглашение являются обязательными для всех участников и самого юридического лица, принимаются путем принятия решения и голосования.

Идея договорной формы объединения лиц для совместной предпринимательской деятельности не является новой в гражданском праве РФ. В рамках данного вопроса следует вспомнить учредительный договор хозяйственного товарищества (ст. 83 ГК РФ), договор простого товарищества (гл. 55 ГК РФ). Первый является единственным учредительным документом товарищества, который содержит положения об управлении товариществом, о складочном капитале и о внесении вкладов. Второй является обычным договором наравне с другими договорами части второй ГК РФ, которым не создается юридическое лицо. Договор простого товарищества фиксирует намерения лиц осуществлять совместную деятельность, цели деятельности, организационные и управленческие аспекты, а также вопросы формирования имущества и распределения прибыли.

Соглашением также можно урегулировать вопросы управления партнерством, закрепить дополнительные права и обязанности участников, состав, порядок создания и полномочия органов управления, размер и порядок формирования складочного капитала [3, ст. 6].

Соглашение может содержать любые не противоречащие закону положения: перечень, указанный

в ст. 6 Закона о партнерствах, не является исчерпывающим. В то же время ст. 9 Закона о партнерствах не содержит указания на то, что устав также может содержать иные не предусмотренные Законом о партнерствах положения, как, например, это указано в ст. 12 Закона об ООО [5], ст. 14 Закона об АО [6].

Здесь же нужно отметить, что Закон о партнерствах не содержит императивного указания о необходимости заключить соглашение, что подтверждается положениями его п. 6 ч. 2 ст. 9 («Устав партнерства должен содержать... сведения о наличии или об отсутствии в партнерстве соглашения об управлении партнерством»), однако, учитывая вышеуказанное, можно говорить о прямо не предусмотренной необходимости заключать соглашение.

По своей правовой природе соглашение также сходно с корпоративным договором, который вправе заключить участники хозяйственных обществ (ст. 672 ГК РФ). Как соглашение, так и корпоративный договор заключаются с целью урегулировать вопросы управления, реализации прав и обязанностей участников корпорации, однако данные документы имеют ряд существенных отличий:

1) предмет регулирования. Соглашением, в отличие от корпоративного договора, можно создать новые права и обязанности для участников данного соглашения, утвердить положения о складочном капитале, об органах управления, положения, связанные с участием в партнерстве, и другие положения, касающиеся как участников, так и самого партнерства. Корпоративный договор направлен на регламентирование порядка реализации уже имеющихся у участников прав (право голосования на общем собрании, право на отчуждение долей (акций)), он не создает новых прав и обязанностей. Гражданский кодекс РФ императивно установил запрет на создание корпоративным договором органов управления и определение их компетенции [7, п. 2 ст. 67.2], что подтверждает указанные выше положения;

2) форма сделки. Корпоративный договор должен быть составлен в так называемой квалифицированной письменной форме (в виде единого документа, подписанного всеми сторонами договора [7, п. 3 ст. 672]), к соглашению аналогичного требования не предъявлено, однако соглашение должно быть заключено в нотариально удостоверенной форме [3, ч. 2 ст. 6];

3) стороны. Сторонами корпоративного договора могут быть только участники (все или их часть) хозяйственного общества; договор, заключенный между участниками и кредиторами или иными третьими лицами, исходя из буквального толкования п. 9 ст. 672 ГК РФ, представляет собой иной вид соглашения, к которому применяются нормы о корпоративном договоре. Стороной корпоративного договора

не может быть само хозяйственной общество. Сторонами соглашения об управлении партнерством должны быть все участники, может быть само партнерство, если это предусмотрено уставом, а также могут быть и третьи лица;

4) время заключения. Корпоративный договор может быть заключен после создания корпорации в любой момент, соглашение, исходя из буквально-го толкования ч. 1 ст. 6 Закона о партнерствах, может быть заключено только при учреждении партнерства («регулируются соглашением об управлении партнерством, которое заключается при учреждении партнерства»);

5) конфиденциальность и государственная регистрация. Корпоративный договор и соглашение не подлежат государственной регистрации, сведения, содержащиеся в них, не вносятся в ЕГРЮЛ; ГК РФ и Закон о партнерствах говорят о конфиденциальности, которую следует понимать по-разному. Конфиденциальность корпоративного договора заключается в том, что стороны данного договора не обязаны раскрывать его содержание (за исключением случаев, установленных Законом об АО для публичных акционерных обществ) [7, п. 4 ст. 67.2]. Конфиденциальность соглашения представляет собой обязанность сторон не раскрывать содержащуюся в нем информацию [3, п. 4 ч. 6 ст. 6] и невозможность ссылаться на соглашение в отношениях с третьими лицами [3, ч. 4 ст. 6].

Соглашение можно рассматривать как внутренний документ организации [7, абз. 1 п. 5 ст. 52], поскольку оно (1) не является учредительным документом, (2) принимается участниками (а также иными лицами) и (3) регулирует корпоративные отношения.

Таким образом, соглашение об управлении хозяйственным партнерством представляет собой уникальный институт договорного типа, который позволяет урегулировать корпоративные отношения внутри организации. Соглашение по своей правовой природе можно отнести к внутренним документам организации, оно имеет множество сходств с договорными формами ведения предпринимательской деятельности, а также с корпоративным договором.

В партнерстве, в отличие от ООО и АО, наподобие хозяйственного товарищества, создается *складочный капитал*. Закон не дает четких критериев отличий складочного капитала, разделенного на вклады, от аналогичных капиталов, фондов, разделенных на доли (акции, паи).

Складочный капитал партнерства имеет ряд специфических особенностей:

во-первых, складочный капитал партнерства можно вносить постепенно [3, ч. 2 ст. 10];

во-вторых, Закон о партнерстве позволяет соглашением предусмотреть вопросы ответственности за

нарушение обязанности внести вклад в складочный капитал [там же];

в-третьих, отсутствует норма о минимальном размере складочного капитала, а также нормы об увеличении/уменьшении размера уставного капитала (что, скорее всего, связано с тем, что такие изменения вносятся путем внесения изменений в соглашение).

Функции складочного капитала в партнерстве и уставного капитала в ООО и АО также различны. В ООО и АО уставный капитал выполняет две основные функции:

1) управленческую (доли (акции) отражают возможности участия в управлении организацией, количество голосов в высшем органе управления);

2) гарантийную ((а) уставный капитал представляет собой минимальное количество имущества, имеющегося у компании, из которого возможно получить удовлетворение своих требований, и (б) размер уставного капитала (в частности, если размер уставного капитала много больше минимального) может в совокупности с другими факторами свидетельствовать о реальном функционировании организации, что дает возможность говорить об инвестиционной привлекательности корпорации).

С учетом того, что соглашением возможно предусмотреть непропорциональное долям в складочном капитале участие в управлении, в том числе не участниками, складочный капитал партнерства утрачивает свойственную уставному капиталу ООО и АО управленческую функцию.

Можно говорить о том, что складочный капитал партнерства также свидетельствует о минимальном имуществе партнерства, которое есть у партнерства, соответственно, складочный капитал партнерства больше выполняет гарантийную функцию.

В отличие от остальных коммерческих корпораций к уставу партнерства Закон не предъявляет требования об обязательном закреплении положений о *составе и компетенции органов управления*. В соответствии с ч. 1 ст. 18 Закона о партнерствах структура и полномочия органов управления партнерства, порядок осуществления ими деятельности и прекращения деятельности определяются соглашением с учетом положений данного Закона.

1. *Высший орган управления*. В коммерческой корпорации высший орган управления формируют участники организации [7, абз. 1 п. 1 ст. 65.3].

В Законе о партнерствах отсутствует указание на наличие в партнерстве как такового высшего органа управления, не упоминается общее собрание участников (вкладчиков) как орган управления. Однако, поскольку юридическое лицо существует посредством формирования его участниками (в случае партнерства – также иными лицами) волеобразующих органов, через которые юридическое лицо существует,

в юридическом лице должен быть орган, который состоит из участников и иных лиц, которые вправе принимать решения по ключевым вопросам функционирования партнерства.

Данное положение можно вывести из нескольких статей Закона о партнерствах:

во-первых, указание на то, что участники участвуют в управлении партнерством (здесь нужно упомянуть, что иные лица участвуют в управлении партнерством в пределах и в порядке, установленных соглашением [3, ч. 1 ст. 2]);

во-вторых, указание на принятие основных решений участниками партнерства, причем единогласно, например, о внесении изменений в устав [3, ч. 4 ст. 9], о приеме в партнерство новых участников [3, ч. 1 ст. 11];

в-третьих, наличие в партнерстве обязательных органов управления [3, п. 10 ч. 7 ст. 6], хотя сам Закон о партнерствах к обязательным органам напрямую относит только единоличный исполнительный орган.

Закон о партнерствах не регулирует, соответственно, вопросы порядка созыва и проведения собрания участников, принятия решений, а также другие моменты, которые урегулированы в других коммерческих организациях, например в ООО [5, ст. 32–39] и АО [6, гл. VII]. В партнерстве, по задумке законодателя, данные вопросы должны быть урегулированы соглашением.

2. *Коллегиальные органы.* Закон о партнерствах не обязывает создавать в партнерстве коллегиальные органы управления, как это, например, предусмотрено для публичного акционерного общества (далее – ПАО) [7, п. 3 ст. 97]. Партнерство может иметь коллегиальные органы, аналогичные тем, что есть в ООО и АО (совет директоров, наблюдательный совет), порядок формирования и компетенция которых определяются соглашением. Партнерство также может иметь коллегиальные исполнительные органы управления (президиум, правление, комитет) [3, п. 10 ч. 7 ст. 6]. По смыслу ст. 6 и 18 Закона о партнерствах вправе создавать прямо не поименованные органы.

3. *Единоличный исполнительный орган* (далее – ЕИО) является обязательным органом в структуре управления партнерства, что обусловлено природой юридического лица: ранее упоминалось, что юридическое лицо воплощает свою волю вовне через свои органы, соответственно, юридическому лицу необходим орган, который будет действовать от его имени.

ЕИО партнерства обладает компетенцией, сходной с компетенцией ЕИО ООО и АО (заключает от имени корпорации сделки, выдает доверенности, издает приказы). В отличие от ООО [5, подп. 4 п. 3 ст. 40] и АО [6, абз. 1 п. 1, абз. 1 п. 2 ст. 69], в которых

ЕИО уполномочен совершать действия, не отнесенные законом и уставом к компетенции других органов, перечень полномочий ЕИО партнерства, если толковать данную норму буквально, является закрытым [3, ч. 1 ст. 19], кроме того, в статье не указано, что ЕИО партнерства осуществляет руководство текущей деятельностью организации.

Нормами Закона о партнерствах урегулирован важный аспект избрания и функционирования ЕИО: во-первых, функционирование партнерства без избрания ЕИО не допускается, что обязывает участников, иных лиц и другие органы управления партнерства избирать ЕИО (на практике с данной проблемой – когда в организации отсутствует ЕИО – часто сталкиваются ООО и АО); во-вторых, только ЕИО вправе действовать от имени партнерства; в-третьих, если при избрании ЕИО не был утвержден срок пребывания лица на данной должности, то считается, что лицо является ЕИО бессрочно [3, абз. 1 ч. 3 ст. 18]. В отличие от ООО и АО в партнерстве функции ЕИО может осуществлять только участник – физическое лицо [3, ч. 3 ст. 18].

4. Соглашением может быть предусмотрено создание и *иных органов*, которые напрямую не упомянуты в Законе о партнерствах и которые могут быть не предусмотрены в других коммерческих корпорациях.

Одним из важных вопросов, которые возникают при анализе деятельности хозяйственного партнерства, является вопрос об обязательности привлечения аудитора для проведения аудита партнерства. С одной стороны, при учреждении партнерства учредители партнерства утверждают аудитора [3, ч. 3 ст. 8], для проведения аудита и для проверки состояния его текущих дел партнерство в соответствии с законом и в порядке, установленном решением об учреждении партнерства или соглашением, привлекает аудитора, с другой стороны, проведение аудита партнерства обязательно в случаях, предусмотренных законом [3, ч. 2 ст. 20].

По нашему мнению, по смыслу Закона о партнерствах проведение аудита в партнерстве не является обязательным, например, в отличие от АО (а с 1 января 2023 г. – ПАО) [7, п. 5 ст. 67.1].

Сравнивая партнерства с другими организационно-правовыми формами коммерческих корпораций, в целом можно отметить, что *партнерства обладают рядом преимуществ*: партнерства можно назвать гибкой формой ведения предпринимательской деятельности.

Как указывает Н. В. Грицаева, преимуществом хозяйственного партнерства является его уникальный характер. До появления такой организационно-правовой формы среди коммерческих предприятий не было похожих объединений [8, с. 9].

Следует отметить, что главным достоинством партнерства является в подавляющем большинстве случаев абсолютно диспозитивный характер правового регулирования (в Законе о партнерствах практически все нормы содержат формулировку «если соглашением не предусмотрено иное»). Это позволяет участникам партнерства, как уже отмечалось, самостоятельно урегулировать практически все существенные аспекты функционирования корпорации (формирование имущества, распределение прибыли, управление, вопросы реорганизации и ликвидации).

В отличие от законов об ООО и АО Закон о партнерствах содержит наименьшее количество императивных норм (в Законе о партнерствах, в отличие от правовых норм об ООО и АО, отсутствуют нормы о необходимости соблюдения законодательства о ценных бумагах (АО), о необходимости удостоверения лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров (в АО) или нотариусом (в ООО) решений органов управления [7, п. 3 ст. 67.1], о необходимости раскрывать информацию, содержащуюся в уставе, а для ПАО – иную информацию, предусмотренную законодательством о ценных бумагах (например, об аффилированных лицах)).

Недостатки партнерства как организационно-правовой формы можно выделить прежде всего со стороны государства: ввиду отсутствия императивных норм о составе органов управления и их компетенции, возможности третьих лиц участвовать в управлении, возможности установить непропорциональное голосование, отсутствия необходимости раскрывать информацию соглашения есть риск злоупотребления правом, которое будет заключаться, во-первых, в создании организаций для незаконной предпринимательской деятельности, вывода активов или отмывания (легализации) доходов, полученных незаконным путем, и, во-вторых, в создании организаций, занимающихся мошенничеством, в том числе создании финансовых пирамид. Об этом также гово-

рили депутаты Государственной Думы [1, Стенограммы обсуждений].

В настоящее время на сайте ФНС была найдена информация о 67 партнерствах, некоторых из них были ликвидированы и прекратили свою деятельность к 2022 г. [9]. Информация о зарегистрированных партнерствах в сведениях статистики на сайте ФНС отсутствует. Есть раздел «прочие коммерческие организации» (6709) из всех коммерческих юридических лиц в РФ (2 670 751). Даже если предположить, что среди этих 6709 юридических лиц есть партнерства, то их количество составляет менее 1% от всех коммерческих юридических лиц [10].

К причинам нераспространенности данной организационно-правовой формы можно отнести следующие:

1) предприниматели не рискуют диспозитивно регулировать вопросы функционирования корпорации и управления ей, так как велик риск признания положений недействительными как противоречащих нормам ГК РФ и Закона;

2) многим предпринимателям намного проще и практичнее действовать на основании типовых уставов и регламентированных норм, будучи уверенными в защищенности со стороны закона, поскольку существуют множественное регулирование и судебная практика. Кроме того, создание партнерства требует элемента творчества, так как лица сами создают условия управления, на что способен не каждый предприниматель.

По нашему мнению, партнерство является достойной заменой классическим формам ведения предпринимательской деятельности через юридическое лицо (ООО и АО), однако оно само в себе содержит признаки непопулярности. Данный институт является новым и нуждается в большей степени регламентации, в частности введении в закон диспозитивных норм об органах управления, которые устанавливают систему органов, их полномочия и порядок формирования (как минимум норм о высшем органе управления).

Пристатейный библиографический список

1. Паспорт проекта федерального закона № 557159-5 «О хозяйственных партнерствах» // Государственная Дума : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/557159-5?ysclid=1832whvszv991966716> (дата обращения: 11.08.2022).
2. Цибенко А. Ю. Хозяйственное партнерство как вид корпоративной организационной деятельности // Право и экономика. 2015. № 11.
3. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Российская газета. 2001. 9 дек. № 278.
4. Мухамедшин И. С., Ермаков А. В., Смолик В. Ю. Хозяйственные партнерства – ожидания законодателя и текущая рыночная ситуация // Юрист. 2021. № 3.
5. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. 17 фев. № 30.

6. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. 29 дек. № 248.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238–239.
8. *Грицаева Н. Б.* Хозяйственное партнерство : перспективная форма развития бизнеса в России // Безопасность бизнеса. 2022. № 3.
9. Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП в электронном виде // Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП : сайт. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 11.08.2022).
10. Статистика по государственной регистрации // Федеральная налоговая служба : сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 11.08.2022).

References

1. Passport of the Draft Federal Law No. 557159-5 “On Economic Partnerships”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/557159-5?ysclid=l832whvszv991966716> (date of the application: 11.08.2022).
2. *Tsibenko A. Iu.* Economic Partnership as a Type of Corporate Organizational Activity. *Law and Economics*. 2015. No. 11.
3. Federal Law of 3 December 2011 No. 380-FZ “On Economic Partnerships”. *Rossiiskaia Gazeta*. 9 December 2011. No. 278.
4. *Mukhamedshin I. S., Ermakov A. V., Smolik V. Iu.* Economic Partnerships – The Expectations of the Legislator and the Current Market Situation. *Lawyer*. 2021. No. 3.
5. Federal Law of 8 February 1998 No. 14-FZ “On Limited Liability Companies”. *Rossiiskaia Gazeta*. 17 February 1998. No. 30.
6. Federal Law of 26 December 1995 No. 208-FZ “On Joint Stock Companies”. *Rossiiskaia Gazeta*. 29 December 1995. No. 248.
7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*. 8 December 1994. Nos. 238–239.
8. *Gritsaeva N. B.* Economic Partnership: A Promising Form of Business Development in Russia. *Business Security*. 2022. No. 3.
9. Providing data from the Unified State Register of Legal Entities/Unified State Register of Individual Entrepreneurs in electronic form. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (date of the application: 11.08.2022).
10. Statistics on state registration. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (date of the application: 11.08.2022).

ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-61-68>

После становления Российской Федерации как самостоятельного государства законодательство, регулировавшее правовой статус иностранных граждан, носило фрагментарный характер. В сфере трудового права отсутствие целостного правового регулирования усугублялось тем, что до февраля 2002 г. действовал КЗоТ РСФСР, в котором не были закреплены нормы о его действии по кругу лиц и распространении на иностранных граждан. Итогом законодательных пробелов стала дискуссия между представителями трудово-правовой науки и цивилистами о том, к сфере действия какой отрасли права следует относить регулирование труда иностранных граждан – трудового или гражданско-правового. Указанная дискуссия не окончена и по сей день. При этом подмена трудовых договоров гражданско-правовыми, заключаемыми с иностранными гражданами, влечет нарушение принципов обеспечения достойных условий труда и приоритетного трудоустройства граждан РФ. Таким образом, актуальность настоящей работы заключается в комплексном теоретическом обосновании отнесения труда иностранных граждан к сфере действия трудового права и формулировании предложений по совершенствованию законодательства. Предметом работы выступают нормы законодательства, регулирующие общественные отношения по привлечению иностранных граждан к труду. Цель данной работы заключается в обосновании отнесения трудовой деятельности с участием иностранных граждан к трудовому, а не к международному частному праву, выявлении возможных пробелов в законодательстве и внесении предложений по его совершенствованию. Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа и синтеза, структурно-функционального анализа, формально-юридического анализа, а также общенаучных методов познания. Научная новизна выражается в том, что в результате изучения позиций ученых, являющихся представителями цивилистической и трудово-правовой науки, установлено, что первые относят нормы регулирования труда с участием иностранных граждан к международному частному праву, а вторые – к трудовому праву. Противоположность взглядов приводит к размыванию предмета отрасли трудового права и в конечном счете к подмене трудовых договоров гражданско-правовыми. Также в работе выделены критерии, позволяющие отнести трудовую деятельность к предмету отрасли трудового права. Сделан вывод о необходимости усиления ответственности за заключение с иностранными гражданами гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, поскольку сейчас соответствующий квалифицирующий признак в законодательстве отсутствует. В связи с изложенным в завершение работы предлагается дополнить ст. 5.27 КоАП РФ ч. 5.1, в которой предусмотреть ответственность за подмену трудовых договоров, заключаемых с иностранными гражданами, гражданско-правовыми в том же размере, как и за незаконное использование труда иностранных граждан (ст. 18.15 КоАП). Материалы настоящей статьи могут быть использованы для дальнейших научных исследований и совершенствования законодательства в указанной сфере.

**ЛЮТАРЕВИЧ-ГЕФТЕР
Юлия Александровна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

geftr.84@list.ru

**Иностранный гражданин;
принцип права;
трудовой договор;
гражданско-правовой договор;
отрасль права**

Yulia A. LYUTAREVICH-GEFTER

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil Procedure, Public Law
Activities and Organization of the
Bailliff Service, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

gefte.84@list.ru

**Foreign citizen;
principle of law;
labor contract;
civil law contract;
branch of law**

PROBLEMS OF BRANCH AFFILIATION OF NORMS REGULATING THE LABOR OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

After the formation of the Russian Federation as an independent state, the legislation regulating the legal status of foreign citizens was fragmentary. In the field of labor law, the lack of a coherent legal regulation was aggravated by the fact that until February 2002 the Labor Code of the RSFSR was in force, which did not fix the rules on its effect on a circle of persons and its extension to foreign citizens. The result of legislative gaps was a discussion between representatives of labor law science and civil lawyers about the scope of which branch of law should include the regulation of the labor of foreign citizens: labor or civil. This discussion has not ended to this day. At the same time, the replacement of labor contracts with civil law contracts concluded with foreign citizens entails a violation of the principles of ensuring decent working conditions and priority employment for citizens of the Russian Federation. Thus, the relevance of this work lies in a comprehensive theoretical justification for attributing the labor of foreign citizens to the scope of labor law and formulating proposals for improving legislation. The subject of the work is the norms of legislation regulating social relations to attract foreign citizens to work. The purpose of this work is to substantiate the attribution of labor activity with the participation of foreign citizens to labor, and not to private international law, to identify possible gaps in the legislation and to make proposals for its improvement. The study was conducted on the basis of methods of comparative analysis and synthesis, structural and functional analysis, formal legal analysis, as well as general scientific methods of cognition. Scientific novelty is expressed in the fact that as a result of studying the positions of scientists who are representatives of civil science and representatives of labor law science, it has been established that the former refer labor regulation with the participation of foreign citizens to private international law, and the latter to labor law. The opposite of views leads to the blurring of the subject of the branch of labor law, and ultimately to the replacement of labor contracts with civil law ones. The paper also highlights the criteria that allow attributing labor activity to the subject of the branch of labor law. It is concluded that it is necessary to strengthen the responsibility for concluding civil law contracts with foreign citizens that actually regulate labor relations, since now there is no corresponding qualifying sign in the legislation. In connection with the above, at the end of the work it is proposed to supplement Article 5.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with part 5.1, which provides for liability for the substitution of labor contracts concluded with foreign citizens with civil law contracts in the same amount as for the illegal use of the labor of foreign citizens (Article 18.15 of the Code of Administrative Offenses). The materials of this article can be used for further scientific research and improvement of legislation in this area.

В СССР специальный законодательный акт, регулировавший правовое положение иностранных граждан, появился только в 1981 г. (Закон СССР от 24 июня 1981 г. № 5152-Х (далее – Закон № 5152-Х)). В ст. 7 Закона № 5152-Х впервые за всю историю существования СССР было закреплено положение о том, что иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности в трудовых отношениях

наравне с гражданами СССР. При этом иностранные граждане, постоянно проживавшие в СССР, могли работать на основаниях и в порядке, установленных для граждан СССР. А временно пребывавшие в СССР иностранные граждане могли заниматься трудовой деятельностью, если это было совместимо с целями их пребывания. Кроме того, иностранные граждане не могли быть назначены на отдельные должности,

если их замещение было связано с наличием советского гражданства.

После становления Российской Федерации как самостоятельного государства Закон № 5152-Х действовал еще почти 11 лет, а законодательство, регламентировавшее правовой статус иностранных граждан, носило фрагментарный характер.

Ситуация с законодательным закреплением прав и обязанностей иностранных граждан в сфере труда осложнялась тем, что вплоть до февраля 2002 г. действовал КЗоТ РСФСР, принятый еще в 1971 г. В нем отсутствовали упоминания о его действии по кругу лиц и распространении на иностранных граждан, хотя в ст. 1 данного документа и содержалось общее упоминание о том, что он регулирует трудовые отношения всех работников. Итогом законодательных пробелов стала дискуссия между представителями трудового права и цивилистами о том, к сфере действия какой отрасли права следует относить регулирование труда иностранных граждан – трудового или гражданского.

Исследование указанного вопроса не только не утратило своей актуальности, но и, напротив, стало еще более значимым как с научной, так и с практической точки зрения. Актуальность изучения данной проблемы связана с тем, что компании нередко незаконно заключают с иностранными гражданами гражданско-правовые договоры, фактически регулирующие трудовые отношения. Такая ситуация, во-первых, ущемляет права самих иностранных граждан, а во-вторых, снижает уровень правовой защищенности граждан РФ, лишая их возможности трудоустроиться и получать достойную заработную плату, поскольку на их месте уже работают по гражданско-правовому договору иностранные граждане.

В то же время видный отечественный ученый Е. Е. Мачульская справедливо отмечает, что трудовым отношениям присущ принцип обеспечения достойных условий труда, который включает, но не ограничивается правом работника на защиту от чрезмерно низкой заработной платы [1, с. 4]. Таким образом, труд иностранных граждан по гражданско-правовым договорам фактически является нарушением принципа обеспечения достойных условий труда.

Необходимо также отметить, что согласно ст. 17 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» привлечение иностранной рабочей силы является приоритетным правом РФ. В силу ч. 3 ст. 3 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) не является дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, если они направлены на содействие в приоритетном порядке трудоустройству граждан РФ. Толкование данных законодательных норм в их совокупности позволяет сделать

вывод о том, что перед нашей страной стоит задача первоочередного трудоустройства граждан РФ, в связи с чем к порядку трудоустройства иностранных граждан предъявляются специальные требования и устанавливаются специальные ограничения. Следовательно, возможность подмены трудовых договоров гражданско-правовыми в ситуации с иностранными гражданами нарушает не только принцип обеспечения достойных условий труда, но и принцип приоритетного трудоустройства граждан РФ.

В связи с изложенным появляется необходимость в осмыслении причин отнесения трудовой деятельности иностранных граждан к сфере действия той или иной отрасли права. Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном теоретическом обосновании отнесения труда иностранных граждан к сфере действия трудового права и формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Еще в 90-е гг. XX в. представители цивилистической науки пришли к выводу, что трудовые отношения, осложненные «иностраным элементом», относятся к сфере действия международного частного права. Следовательно, трудовые отношения с участием иностранных граждан в РФ должны регулироваться нормами международного частного права, а не нормами трудового права. Так, в учебниках под редакцией и авторством М. М. Богуславского указывается, что международное частное право регулирует трудовые отношения с иностранным элементом, а трудовое право регулирует трудовые отношения рабочих и служащих, а также ряд непосредственно связанных с трудовыми отношений [2, с. 125–127; 3, с. 466–479].

К. А. Корсик указывает, что предметом международного частного права являются гражданские правоотношения, осложненные «иностраным элементом», а предмет трудового права составляют индивидуальные и коллективные общественные отношения, возникающие по поводу участия рабочих и служащих в общественном труде [4, с. 110]. Однако при таком разделении правоотношений на входящие в предмет международного частного права и входящие в предмет трудового права остается неясным, к предмету какой отрасли следует относить трудовые правоотношения, осложненные «иностраным элементом».

В 2001 г. был принят ТК РФ, в котором было прямо закреплено, что его действие распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, а также иностранных юридических лиц, если иное не установлено федеральным законом или международным договором (ч. 5 ст. 11). Однако ряд ученых по-прежнему выдвигают идеи об исключении трудовых отношений с участием иностранных граждан в РФ из

сферы действия трудового права и о включении таких отношений в международное частное право или же формировании отрасли международного частного трудового права.

Так, М. А. Андрианова указывает, что «регулирование трудовых отношений с участием иностранцев относится к сфере действия МЧП России... Следует включить раздел «Международное частное трудовое право» в текст Трудового кодекса по аналогии с формированием текстов Семейного, Гражданского кодексов» [5, с. 12]. Относить регулирование труда иностранных граждан к особой отрасли права – международному частному праву, по мнению М. А. Андриановой, возможно в связи с тем, что «при всей специфике трудовой договор с точки зрения его содержания, формальных характеристик, с точки зрения теории права многих зарубежных стран – это разновидность гражданско-правового договора найма услуг, договор частного права, что предопределяет возможность распространения на него общих принципов и конструкций гражданского обязательственного и договорного права» [там же, с. 22].

В кандидатской диссертации 2007 г. Л. В. Карасева делает вывод о необходимости закрепить в трудовом законодательстве нормы о том, что трудовые отношения, осложненные иностранным элементом, регулируются международным частным правом, поскольку «не все институты международного частного права могут быть отражены в трудовом законодательстве. Указанные пробелы должны быть восполнены за счет аналогии права и аналогии закона» [6, с. 13].

Таким образом, несмотря на наличие прямого законодательного регулирования, указывающего, что трудовые отношения с участием иностранных граждан, регулируются ТК РФ, представители гражданско-правовой науки предлагают регулировать соответствующие отношения нормами международного частного права. Вместе с тем очевидно, что трудовой договор не может рассматриваться как разновидность гражданско-правового договора найма услуг, иное означало бы конец существования самой отрасли трудового права, поскольку у нее не осталось бы самостоятельного предмета регулирования.

Как отмечают Ю. П. Орловский и А. Ф. Нуртдинова, «предмет отрасли права является ее важнейшим системообразующим признаком и представляет собой совокупность взаимосвязанных общественных отношений, регулируемых нормами данной отрасли права» [7, с. 13].

По мнению О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой и ряда других авторов, трудовое право «регулирует общественные отношения, которые складываются в процессе функционирования рынка труда, организации и применения наемного труда. В своей совокупности эти отношения и составляют основ-

ные элементы (ядро) предмета трудового права России» [8, с. 7].

А. М. Куренной указывает, что предмет трудового права составляют «те общественно-трудовые отношения, которые возникают в связи непосредственной деятельностью людей в процессе труда, выполнением работы. Они связаны с использованием наемного труда, возникают между наемными работниками и работодателями» [9, с. 22].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ядром предмета отрасли трудового права являются отношения, связанные с использованием несамостоятельного наемного труда. При этом не имеет значения, выполняется ли этот труд гражданами РФ или иностранными гражданами, находящимися на территории РФ.

И. О. Снигирева справедливо отмечает, что четкое разграничение трудового договора и гражданско-правового договора имеет принципиальное значение с социальной точки зрения, поскольку лица, состоящие в трудовых отношениях, имеют более широкие права и более высокий уровень гарантий их реализации [10, с. 13–19]. В связи с изложенным важно выделить особенности, характеризующие трудовое правоотношение и трудовой договор как его формальное выражение.

Еще в начале XX в. Л. С. Таль отмечал, что «эти формы [формы договора личного найма. – Прим. авт.] могут быть сведены к двум основным типам, весьма различным по характеру и укладу устанавливаемых им отношений: к договорам о служебном труде или трудовому договору в техническом смысле и договорам о самостоятельном (предпринимательском) труде» [11, с. 70].

Таким образом, уже в начале прошлого столетия проводилось четкое разделение самостоятельного (предпринимательского) и несамостоятельного (наемного) труда.

При несамостоятельном (наемном) труде работник обязан подчиняться хозяйской воле работодателя и соблюдать правила внутреннего трудового распорядка. Понятие хозяйской власти работодателя впервые в российской правовой науке было сформулировано Л. С. Талем, который указывал, что «власть хозяина может проявляться в трех различных направлениях. Он дает занятым в предприятии лицам указания и поручения, конкретизирующие их договорные обязательства (право дирекции). Он принимает принудительные или карательные меры для поддержания «должного порядка». Он, наконец, единолично или путем соглашения устанавливает порядок предприятия» [11, с. 22–23]. Таким образом, подчинение хозяйской власти работодателя и выступает содержанием несамостоятельности труда, регулируемого трудовым правом.

Помимо этого в трудовом праве предметом договора является сам процесс работы, т.е. приложение рабочей силы. При этом, как отметил Л. С. Таль, рабочая сила неотделима от личности работника [12, с. 22–23]. В гражданском же праве предметом договора является какой-либо конечный результат.

Кроме того, пределы материальной ответственности работника, за некоторыми исключениями, ограничиваются его средним месячным заработком. Все эти и ряд других характеристик трудового правоотношения коренным образом отличают его от правоотношений по выполнению работ или оказанию услуг, регулируемых нормами гражданского права.

Необходимо отметить, что критерии отграничения трудового договора от гражданско-правового, сформулированные более 100 лет назад, остались практически неизменными.

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ в целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и заключения гражданско-правовых договоров вопреки намерению работника заключить трудовой договор законодатель предусмотрел возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства [13].

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 [14] весьма удачно выделены признаки, отличающие трудовое правоотношение от гражданско-правового. Данные признаки сформулированы современным языком, но по сути не отличаются от тех, которые были определены еще в начале XX в. Суды руководствуются п. 17 указанного Постановления, разрешая споры об установлении факта наличия трудовых отношений и о признании гражданско-правового договора трудовым со всеми категориями работодателей.

Кроме того, в п. 18 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора [15], Верховный Суд РФ разъяснил, что от договора возмездного оказания услуг трудовой договор отличается предметом договора, в соответствии с которым исполнителем (работником) выполняется не какая-то конкретная разовая работа, а определенные трудовые функции, при этом важен сам процесс исполнения им этой трудовой функции, а не оказанная услуга. Также по договору возмездного оказания услуг исполнитель сохраняет положение самостоятельного хозяйствующего субъекта, в то время как по трудовому договору работник включается в состав персонала работодателя, подчиняется установленному режиму труда и работает под контролем и руководством работодателя. Исполнитель

по договору возмездного оказания услуг работает на свой риск, а лицо, работающее по трудовому договору, не несет риска, связанного с осуществлением своего труда.

Таким образом, характер труда, регулируемого нормами гражданского и трудового права, принципиально различается. А значит, конструкции гражданского договорного права не могут быть распространены на трудовые правоотношения, пусть даже с участием иностранных граждан.

Следует отметить, что иногда один и тот же ученый рассматривает схожие проблемы в рамках парадигмы и гражданского права, и трудового. Так, И. В. Шестерякова успешно защитила кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.03 на тему «Коллизионные вопросы труда по международному частному праву» [16]. Таким образом, международно-правовое регулирование труда и международные трудовые стандарты исследовались автором в рамках парадигмы гражданского права. А вот исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук было выполнено И. В. Шестеряковой по специальности 12.00.05 на тему «Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии» [17]. В докторской диссертации автор фактически исследует международные трудовые нормы в рамках науки трудового права, а не международного частного права. Указанная трансформация свидетельствует о сложности концептуального определения отраслевой принадлежности международных норм, регулирующих трудовую деятельность.

В докторской диссертации на тему «Эффективность норм международного трудового права» Н. Л. Лютов сформулировал концептуальный подход к понятию и отраслевой принадлежности международного трудового права, которое предлагается понимать как систему правового регулирования в сфере труда, выходящую за рамки одного государства [18, с. 9]. Таким образом, представители науки трудового права исходят из того, что международные правовые акты в сфере труда относятся к сфере действия международного трудового права, а не международного частного права. Следовательно, международные нормы, регулирующие труд иностранных граждан, также следует относить к международному трудовому праву.

Мнение о том, что трудовые отношения с участием иностранных граждан должны относиться к сфере действия трудового права, разделяет и А. И. Коптякова, которая указывает, что «трудовые отношения работников – мигрантов должны регулироваться трудовым правом» [19, с. 92].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что представители гражданско-правовой науки относят международные акты в сфере труда

к международному частному праву, а представители науки трудового права – к международному трудовому праву. Вместе с тем установление отраслевой принадлежности норм, регулирующих труд иностранных граждан, имеет принципиальное значение не только для определения статуса иностранных работников в настоящем, но и для формирования парадигмы развития законодательства в данной сфере.

Представляется, что поскольку трудовые отношения, пусть даже осложненные «иностранном элементом», не могут иметь гражданско-правовую природу, значит, они должны регулироваться нормами национального трудового права и международного трудового права. Отнесение трудовых отношений с участием иностранных граждан к международному частному праву недопустимо, поскольку ведет к размыванию предмета отрасли трудового права и в конечном счете к элиминации самой отрасли.

Противодействию попыткам включить труд с иностранным участием в сферу действия международного частного права способствует и гл. 50.1 ТК РФ, посвященная особенностям регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства. В частности, в указанной главе установлены особенности:

- заключения трудового договора;
- временного перевода на другую работу;
- отстранения от работы;
- прекращения трудового договора и выплаты выходного пособия.

Таким образом, на иностранных граждан распространяются общие положения трудового законодательства, если иное специально не определено в гл. 50.1 ТК РФ. Следовательно, в силу ч. 2 ст. 15 ТК РФ заключать с иностранным гражданином гражданско-правовой договор, фактически регулирующий трудовые отношения, нельзя. Статья 19.1 ТК РФ предусматривает два способа признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми. Во-первых, осуществить такое признание может сам заказчик работ по письменному заявлению иностранного гражданина или необжалованному предписанию Государственного инспектора труда. Во-вторых, признание гражданско-правовых отношений трудовыми может осуществляться в судебном порядке.

Вместе с тем очевидно, что иностранные граждане, находясь в еще более уязвимом положении, чем граждане РФ, вряд ли станут жаловаться в надзорные органы или подавать иски о признании гражданско-правовых отношений трудовыми. Проведенный автором анализ материалов судебной практики, разме-

щенной в открытых базах данных, позволил прийти к выводу, что соответствующая категория трудовых споров с участием иностранных граждан практически отсутствует.

При этом ответственность за заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения, установлена ч. 4 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Согласно указанной норме штраф за данное правонарушение составляет для должностных лиц 10–20 тыс. руб., для индивидуальных предпринимателей 5–10 тыс. руб., для юридических лиц 50–100 тыс. руб. Как видим, суммы штрафов небольшие и вряд ли удержат работодателей от совершения правонарушений.

Вместе с тем согласно ст. 18.15 КоАП РФ за незаконное привлечение иностранного гражданина к трудовой деятельности юридическому лицу грозит штраф 250–800 тыс. руб., а в некоторых субъектах РФ – от 400 тыс. до 1 млн руб. Также деятельность компании могут приостановить. Однако под незаконным привлечением к трудовой деятельности понимают допуск в какой-либо форме к выполнению работ или оказанию услуг либо иное использование труда иностранного гражданина в отсутствие необходимых разрешительных документов либо с нарушением порядка уведомления компетентных органов. Значит, для целей ст. 18.15 КоАП РФ не имеет правового значения, законно ли заключен с иностранным гражданином гражданско-правовой договор или же он подменяет трудовые отношения, – важно лишь наличие разрешительных документов и соблюдение формальных процедур.

Представляется, что такая ситуация нарушает принцип приоритетного трудоустройства граждан РФ, а ответственность работодателей должна быть повышена. В связи с изложенным предлагается дополнить ст. 5.27 КоАП РФ ч. 5.1, в которой предусмотреть, что «заключение с иностранным гражданином гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток». Установление санкции в указанных размерах представляется обоснованным, поскольку именно такое наказание предусмотрено за незаконное привлечение к трудовой деятельности в ст. 18.15 КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. *Мачульская Е. Е.* Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2.
2. *Международное частное право : современные проблемы / под ред. М. М. Богуславского.* М. : ТЕИС, 1994.
3. *Богуславский М. М.* Международное частное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп., с изм. М. : Юристъ, 2006.
4. *Корсик К. А.* Теория, практика и проблемы правового регулирования статуса иностранных граждан в Российской Федерации (опыт сравнительно-правового исследования) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
5. *Андрианова М. А.* Трудовые отношения с участием иностранцев в системе международного частного трудового права России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
6. *Карасева Л. В.* Значение норм международного частного права в регулировании трудовых отношений мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
7. *Трудовое право России : учебник / отв. ред. Ю. П. Орловский, А. Ф. Нуртдинова.* 2-е изд. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2008.
8. *Трудовое право : учебник / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой.* 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2008.
9. *Трудовое право России / под ред. А. М. Куренного.* 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд. дом «Правоведение», 2008.
10. *Снигирева И. О.* Конституционная основа трудового законодательства // Трудовое право. 2004. № 6.
11. *Таль Л. С.* Очерки промышленного права. М. : Тип. Г. Лисснера, Д. Собко, 1916.
12. *Таль Л. С.* Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1913.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 597-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Российская газета. 2018. 6 июня. № 121.
15. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».
16. *Шестерякова И. В.* Коллизионные вопросы труда по международному частному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
17. *Шестерякова И. В.* Международные трудовые нормы и трудовое право России : их соотношение и коллизии : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
18. *Люттов Н. Л.* Эффективность норм международного трудового права : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013.
19. *Коптякова А. И.* Правовое регулирование труда работников-мигрантов : актуальные проблемы // Проблемы развития юридической науки и российского законодательства : тезисы докладов юбилейной научной конференции, посвященной 90-летию Перм. гос. ун-та и юрид. ф-та. Пермь, 2007.

References

1. *Machulskaia E. E.* Modification of the Principles of Labor Law in the Light of Changes in the Constitution of the Russian Federation. *Labor Law in Russia and Abroad.* 2021. No. 2.
2. *Boguslavskii M. M. (ed.).* International Private Law: Modern Problems. Moscow: TEIS, 1994.
3. *Boguslavskii M. M.* International Private Law: Textbook. 5th ed. Moscow: Iurist, 2006.
4. *Korsik K. A.* Theory, Practice and Problems of Legal Regulation of the Status of Foreign Citizens in the Russian Federation (Experience of Comparative Legal Research): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1999.
5. *Andrianova M. A.* Labor Relations with the Participation of Foreigners in the System of International Private Labor Law in Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2002.
6. *Karaseva L. V.* The Value of the Norms of Private International Law in the Regulation of Labor Relations of Migrants from the CIS Countries in the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2007.
7. *Orlovskii Iu. P., Nurtdinova A. F. (eds.).* Labor Law in Russia: Textbook. 2nd ed. Moscow: Kontrakt; Infra-M, 2008.
8. *Smirnov O. V., Snigireva I. O. (eds.).* Labor Law: Textbook. 3rd ed. Moscow: TK Velby; Prospekt, 2008.
9. *Kurennoi A. M. (ed.).* Labor Law of Russia. 2nd ed. Moscow: Publishing House "Jurisprudence", 2008.

10. *Snigireva I. O.* The Constitutional Basis of Labor Legislation. *Labor Law*. 2004. No. 6.
11. *Tal L. S.* Essays on Industrial Law. Moscow: G. Lissner & D. Sobko's Printing House, 1916.
12. *Tal L. S.* Labor Contract: Civil Research. Part 1: General Teachings. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government, 1913.
13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 May 2009 No. 597-O-O (SPS "ConsultantPlus").
14. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2018 No. 15 "On the Application by the Courts of Legislation Regulating the Labor of Employees Working for Employers – Individuals and Employers – Small Businesses That Are Classified as Micro-Enterprises". *Rossiiskaia Gazeta*. 6 June 2018. No. 121.
15. Review of the Practice of Consideration by the Courts of Cases on Disputes Related to the Conclusion of an Employment Contract, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27 April 2022 (SPS "ConsultantPlus").
16. *Shesteriakova I. V.* Conflict Issues of Labor Under Private International Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2000.
17. *Shesteriakova I. V.* International Labor Standards and Labor Law in Russia: Their Correlation and Conflicts: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011.
18. *Liutov N. L.* The Effectiveness of the Norms of International Labor Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.
19. *Koptiakova A. I.* Legal Regulation of Labor of Workers-Migrants: Actual Problems. In Problems of the Development of Legal Science and Russian Legislation: Abstracts of the Jubilee Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Perm State University and the Law Faculty. Perm, 2007.

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-69-76>

Домашнее насилие считается острой социальной проблемой, которая обостряется с каждым годом, оказывая значительное влияние на функционирование института семьи. В качестве причин, порождающих данное общественно опасное явление, стоит отметить низкий уровень социального и экономического развития, недостаточный уровень образования населения, а также в какой-то степени отсутствие демократической культуры. Однако случаи домашнего насилия отмечаются в семьях с различными социальными статусами, национальными и религиозными устоями, с разным уровнем образования членов семьи. Актуальность исследования обуславливается тем, что вопросы, связанные с противодействием преступлениям, совершаемым в семье с применением насилия, до настоящего времени остаются либо вовсе нерешенными, либо решенными в некоторой степени, которая не позволяет установить четкие контуры, определяющие снижение уровня преступности этого вида. Все эти факты порождают научный и практический интерес изучаемой темы, а также дискуссии относительно мер, направленных на противодействие этому явлению. Предметом настоящего исследования явились научные публикации, а также публикации в средствах массовой информации, содержащие материалы по исследуемым вопросам. В частности, в статье автором поставлена цель исследовать не только правоприменительную практику, но и предложенные меры, направленные на противодействие преступлениям, совершаемым в семье с применением насилия. В дальнейшем это поспособствует выработке научно обоснованной позиции и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу работы составили методы диалектики как общенаучного метода познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, историко-логический, метод правового моделирования в их различном сочетании.

БАТЮКОВА

Вера Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент департамента
международного и публичного
права юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве РФ (г. Москва)
Batuykova@yandex.ru

**Противодействие;
домашнее насилие;
ответственность;
правоприменительная
практика;
проблемы;
вопросы квалификации;
меры профилактики;
причины;
латентность**

Vera E. BATYUKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of International and Public Law,
Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian
Federation (Moscow)
Batuykova@yandex.ru

DOMESTIC VIOLENCE: THEORY AND PRACTICE

Domestic violence is considered an acute social problem that is becoming more acute every year, having a significant impact on the functioning of the institution of the family. As the reasons giving rise to this socially dangerous phenomenon, it is worth noting the low level of social and economic development, the insufficient level of education of the population, as well as to some extent the absence of a democratic culture. However, cases of domestic violence are noted in families with different social statuses, national and religious foundations, with different levels of education of family members. The relevance of studying issues related to countering crimes committed in the family with the use of violence remains either not solved at all, or solved to some extent, which does not allow us to define clear contours that determine the reduction in the level of crime of this type. All these facts generate scientific and practical interest in the topic under study, as well as discussions on measures aimed at countering this phenomenon. The subject of this study was scientific publications, as well as publications in the mass media containing materials of the issues under study. In particular,

**Counteraction;
domestic violence;
responsibility;
law enforcement practice;
problems;
qualification issues;
prevention measures;**

causes; *in the article the author aims to investigate not only law enforcement practice, but also the proposed measures aimed at countering crimes committed in the family with the use of violence. In the future, this will allow the development of a scientifically sound position and recommendations for improving the current criminal legislation and law enforcement practice. The methodological basis of the work was the methods of dialectics as a general scientific method of cognition, as well as such private scientific methods as formal-legal, historical-logical, the method of legal modeling in their various combinations.*

В конце XX в. проблема домашнего насилия стала достаточно распространенной, вследствие чего остро встал вопрос о необходимости использования эффективных мер для профилактики и борьбы с данным явлением [1; 2; 3, р. 13]. Важно отметить, что в законодательстве России в настоящий момент не существует необходимых механизмов, которые бы способствовали снижению уровня проявления домашнего насилия, что долгие годы оказывает негативное влияние на состояние современного российского общества.

О глобальных, угрожающих масштабах распространения случаев домашнего насилия как на международном уровне, так и на уровне РФ свидетельствуют статистические данные за различные периоды времени.

Действительно, насилие, происходящее в российских семьях, по причинам воздействия различных, в первую очередь социально-экономических, факторов стало представлять значительную угрозу для общества. По оценкам независимых экспертов, в каждой четвертой семье в нашем государстве были зафиксированы факты применения домашнего насилия. Зачастую жертвами домашнего насилия становятся женщины и дети.

Согласно данным различных исследований, которые проводятся общественной организацией, помогающей женщинам с детьми, находящимся в тяжелой, кризисной ситуации, и исходя из норм законодательства РФ и правоприменительной практики в области пресечения домашнего насилия достаточно сложно доказать случаи даже физического насилия в семье. Проблема также состоит в том, что жертвы насилия со стороны членов семьи зачастую не заинтересованы в возбуждении уголовного дела против близкого человека, так как впоследствии прощают его, не оставляя надежд на сохранение семьи. Они обращаются в полицию, желая прекратить насилие «в настоящий момент», считая, что в последующем оно не повторится. Дети, женщины, престарелые, инвалиды далеко не всегда могут защитить себя от проявления домашнего насилия вследствие зависимого положения в семье.

В большей степени понятие «домашнее насилие» содержится в научных публикациях. В уголов-

ном законодательстве данное понятие отсутствует, вследствие чего требует своего осмысления, поскольку в правоприменительной практике толкуется по-разному.

Под домашним насилием понимают противоправное, общественно опасное, оскорбляющее человеческое достоинство поведение виновного лица, ставящего жертву такого насилия в унижительное материальное, сексуальное, физическое, эмоциональное и иное положение [4, с. 46–48].

Домашнее насилие представляет собой использование одним членом семьи психологического, экономического, сексуального и физического воздействия, которое направлено против других членов семьи [5, с. 118–137].

Домашнее насилие можно классифицировать по различным основаниям, разделив на четыре группы: физическое насилие, сексуальное насилие, эмоциональное насилие и финансовые злоупотребления. Физическое насилие зачастую выражено в нанесении телесных повреждений разной степени тяжести, в причинении определенного вреда здоровью жертвы. Сексуальное насилие состоит в принуждении жертвы различными способами (силой, угрозой или обманом), вопреки ее желанию, к какой-либо форме сексуальных отношений. Насилие эмоциональное или психологическое проявляется в оскорблениях, угрозах, шантаже, контроле, что впоследствии наносит существенный вред психологическому здоровью жертвы. Экономическое насилие зачастую проявляется в лишении жертвы финансовой поддержки, в запрете работать или обучаться, в полном контроле над доходами и расходами семьи.

Действительно, насилие, происходящее в семье, может проявляться в различных формах.

Так, зачастую с помощью постоянного оскорбительного и угрожающего поведения один партнер пытается сохранить контроль над другим партнером. Обращаясь к официальным статистическим данным, можно отметить, что каждая пятая женщина в России подвергалась какой-либо форме насилия со стороны члена семьи хотя бы один раз за свою жизнь.

Важно упомянуть о том, что нередко дети становятся свидетелями домашнего насилия, проявляю-

щегося в их семьях. Однако вызывает беспокойство тот факт, что зачастую ребенок сам является объектом посягательства со стороны взрослых членов семьи. Многие исследователи отмечают, что насилие, происходящее в семье, пагубно воздействует на общее состояние ребенка и часто становится причиной задержки его психического, эмоционального развития. Также домашнее насилие, перенесенное в детском и подростковом возрасте, значительно увеличивает риск будущей виктимизации среди лиц женского пола и риск совершения в будущем злоупотреблений со стороны лиц мужского пола более чем в два раза.

Следует отметить, что домашнее насилие может быть направлено как в отношении одного члена семьи, так и в отношении нескольких.

Несмотря на то что уже было сказано про виды домашнего насилия, нужно подчеркнуть, что Европейский суд по правам человека в деле «Володина против Российской Федерации» акцентировал внимание на том, что семейно-бытовое насилие может быть применено в различных вариациях: от физической формы насилия до словесной.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) существует глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних (гл. 20), в ней отсутствуют статьи, которые предусматривают уголовную ответственность за применение домашнего насилия [6, с. 5–7]. Также следует сказать, что в РФ отсутствует закон, который противодействовал бы непосредственно домашнему насилию.

Говоря о путях решения проблемы домашнего насилия, необходимо указать на то, что они должны основываться на комплексном подходе, так как необходимо затронуть и изменения на законодательном уровне, и возможности предупреждения подобного рода преступности, прибегая даже к изучению психологической составляющей домашнего насилия.

Сохранение и поддержка института семьи в качестве основной ячейки общества считается приоритетным направлением политики нашего государства. Безусловно, в российском законодательстве происходят изменения, направленные в первую очередь на эффективность в борьбе с домашним насилием.

В апреле 2021 г. появилось сообщение о том, что Пленум Верховного Суда РФ одобрил проект поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) с целью обеспечить уголовно-правовую защиту жертв домашнего насилия [7].

В настоящее время три состава преступлений (об умышленном причинении легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств – ч. 1 ст. 115 УК РФ, о нанесении побоев – ст. 116.1 УК РФ, о клевете без отягчающих обстоятельств – ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) отно-

сятся к делам частного обвинения. Нередко данные составы становятся следствием домашнего насилия.

Частный порядок уголовного преследования состоит в том, что подача заявления мировому судье, последующее поддержание обвинения в суде (самостоятельно или через представителя) и доказывание вины подсудимого зависят исключительно от позиции и проявления активности самого потерпевшего, при этом государство оказывает на процесс минимальное влияние.

Уголовное дело может подлежать прекращению при отказе потерпевшего от заявления либо в случае его неявки в суд без уважительной причины. При прекращении дела в связи с примирением сторон уголовного процесса суд вправе взыскать процессуальные издержки как с самого заявителя, так и с подсудимого по делам частного обвинения. Также в одном уголовном деле зачастую соединяются встречные заявления сторон о привлечении к ответственности. В данной ситуации лица, подавшие данные заявления, выступают одновременно в качестве частного обвинителя и подсудимого.

Данные факторы препятствуют как обеспечению эффективной защиты, так и восстановлению прав и свобод жертв домашнего насилия. Фактическое отсутствие стадии предварительного расследования «не отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, его здоровья, чести, достоинства и репутации» [8].

Согласно предложенным Верховным Судом РФ изменениям в УПК РФ данные статьи будут переведены в разряд частно-публичных, где предварительное дознание полиции является обязательным. Отныне даже при причинении жертве незначительного вреда полиция будет обязана возбудить дело и провести соответствующее разбирательство. Решение о прекращении уголовных дел по факту домашнего насилия в связи с примирением сторон будет приниматься судом с полным учетом обстоятельств дела и имеющихся сведений об обвиняемом. Следовательно, автоматическое прекращение дел о домашнем насилии после примирения пострадавшего с обвиняемым будет запрещено.

По оценке Верховного Суда РФ, благодаря принятию данных мер повысится эффективность предупреждения насилия в семьях, станет более существенной роль государства в защите граждан от проявления любого вида насилия, а в суды будет поступать меньшее количество дел, в которых законодательно предусмотрено отсутствие предварительного подтверждения наличия события и в целом состава преступления.

Данная инициатива Верховного Суда РФ обоснована позицией Европейского суда по правам чело-

века. В своих постановлениях ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что домашнее насилие может принимать различные формы (начиная от физического нападения и заканчивая эмоциональным насилием, при этом подавляющее большинство жертв – женщины), данное явление выходит за пределы конкретного дела, вследствие чего признается общей проблемой для всех государств. Европейский суд по правам человека обращает особое внимание на необходимость активного участия государства в защите жертв от проявления домашнего насилия [9].

Также принятые в законодательстве РФ изменения ставят под сомнение целесообразность сохранения частного порядка уголовного преследования. Несколько лет назад была введена преюдиция по делам о пощечинах и подзатыльниках. Статья о телесных повреждениях, не причинивших никакого вреда здоровью, была перенесена в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и, соответственно, наказание за данные деяния было снижено. Так, за побои виновный сперва подвергается административной ответственности по ст. 6.11 КоАП РФ, а случае повторного нарушения – уголовной. Однако привлечение к административной ответственности всегда осуществляется в публичном порядке, поэтому при повторном совершении данного общественно опасного деяния виновный имеет возможность оказаться в более привилегированном положении, так как возбуждение уголовного дела и итоговое решение по нему полностью зависят от позиции потерпевшего.

Появление синяков у потерпевшего часто расценивается как умышленное причинение легкого вреда здоровью. Но привлечь виновного за подобные деяния к уголовной ответственности на сегодняшний день достаточно сложно. Например, если дебошира обвиняют в побоях по соответствующей статье КоАП РФ, его увозят в отдел полиции. Если же действия виновного подпадают под ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», он может остаться дома, практически безнаказанным. Арест по данной статье не предусмотрен, и необходимое расследование не проводится. Следовательно, возникает пробел в законодательстве.

Обращаясь к данным судебной статистики, стоит отметить, что среди всех рассматриваемых российскими судами уголовных дел дела частного обвинения составляют около 1%. За 2020 г. по делам частного обвинения привлечено 9,8 тыс. лиц. Из них были осуждены 3,9 тыс. (39%), среди которых 1616 лиц было осуждено по ч. 1 ст. 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») УК РФ, 1629 лиц – по ст. 116.1 («Побои») УК РФ и 56 лиц – по ч. 1 ст. 128.1 («Клевета») УК РФ. Оправданы были 700 человек (7%). Также в отношении 5,4 тыс. лиц (54%) дела были пре-

кращены [10]. За прошедший 2021 г. по ст. 115 УК РФ привлечено 10 490 чел., по ст. 116 УК РФ – 534, по ст. 116.1 УК РФ – 1809. Увеличение количества лиц, привлекаемых за повторное совершение правонарушения, очевидно.

В связи с примирением сторон суды прекратили уголовные дела в отношении 1519 лиц, обвиняемых в умышленном причинении легкого вреда здоровью, 1355 лиц, обвиняемых в побоях, 131 лица, обвиняемого в клевете.

Таким образом, статистические данные подчеркивают низкую эффективность применения института частного обвинения.

Обратимся к правоприменительной практике. Гражданка РФ Валерия Володина, проживающая в Ульяновске, больше трех лет добивалась возбуждения уголовного дела по факту домашнего насилия в отношении бывшего возлюбленного, гражданина Азербайджана Рашада Салаева. Впервые она обратилась в полицию в 2016 г., в возбуждении дела ей было отказано. После этого потерпевшая уехала в Москву, но обвиняемый похитил ее и увез назад в родной город. Однако и это не стало поводом для возбуждения уголовного дела. Вскоре страницу Валерии Володиной в социальных сетях взломали с целью публикации ее личной информации. Пострадавшая в очередной раз обратилась в полицию, где также встретила отказ в принятии заявления на рассмотрение.

Лишь в марте 2018 г. было возбуждено уголовное дело о публикации личных фотографий Валерии Володиной. Действия ее возлюбленного были квалифицированы как нарушение неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 137 УК РФ). Однако позже расследование было приостановлено, несмотря на то, что были представлены существенные доказательства вины Рашада Салаева. Стоит отметить, что в ходе рассмотрения данного дела обвиняемый постоянно угрожал бывшей возлюбленной, однако Ульяновское УМВД отказалось предоставить Валерии Володиной государственную защиту, считая, что угрозы с его стороны являлись проявлением ревности. Не добившись справедливости и защиты в родной стране, пострадавшая в конце 2018 г. уехала из России и подала жалобу в Европейский суд по правам человека.

В 2019 г. в решении по данному делу Европейский суд по правам человека квалифицировал домашнее насилие как пытку. В данном случае не имеет значения то, кем наносятся побои («частным лицом» или нет), – если жертва сообщила правоохранительным органам о фактах домашнего насилия, у сотрудников появляется обязанность пресечь такое насилие и защитить жертву, а также провести расследование и привлечь нарушителя к ответственности [11].

Европейский суд по правам человека признал нарушение норм Конвенции о защите прав человека

и основных свобод, а именно ст. 14, запрещающей дискриминацию при реализации прав, которые гарантированы данной Конвенцией. Согласно позиции Суда непринятие российскими властями законодательства для эффективной борьбы с домашним насилием, а также отсутствие запретительных или охранных ордеров ясно демонстрируют, что действия властей зачастую являются не просто задержкой в решении проблемы насилия, но и вытекают из их нежелания признавать угрожающие масштабы проблемы семейного насилия в России. Власти, долгие годы допуская в обществе ситуацию, которая способствует распространению и развитию насилия в семьях, не смогли создать необходимые условия для обеспечения гендерного равенства, позволяющего женщинам жить без страха стать жертвой жестокого обращения или каких-либо посягательств на их физическую неприкосновенность, а также позволяющего в полной мере пользоваться правами на доступ к правосудию.

Исходя из этого обращение в международные институты по защите прав и свобод личности, в частности в Европейский суд по правам человека, до некоторого времени являлось эффективным правовым способом защиты жертв домашнего насилия, так как способствовало официальному признанию наличия системной проблемы в Российской Федерации. Однако в настоящее время это невозможно, но проблема нашего общества, связанного с существованием домашнего насилия, остается. Поэтому, на наш взгляд, для осуществления противодействия таким действиям следует подходить к изучению этой проблемы комплексно, определяя все факторы, которые могут понизить уровень преступности этого вида.

Например, к субъективным факторам можно отнести следующие:

- 1) усвоенная в детстве агрессивная модель поведения (если человек применяет насилие к членам своей семьи, то вероятно, что в детстве он или сам был жертвой домашнего насилия или систематически наблюдал за этим в семье);
- 2) психологическая склонность к насилию;
- 3) низкий уровень стрессоустойчивости;
- 4) чрезмерно высокий уровень патриархально/матриархального уклада семьи [12, с. 92–106];
- 5) низкий уровень самоконтроля;
- 6) чрезмерное употребление спиртосодержащих напитков и т.д.

К объективным факторам высокого уровня домашнего насилия можно отнести:

- 1) низкий уровень правового регулирования и предотвращения домашнего насилия. Это может выражаться в отсутствии специальных законов, которые посвящены непосредственно домашнему насилию. Данное явление приводит к низкому уровню защищенности граждан от применения домашнего насилия;

- 2) уровень безработицы;
- 3) уровень благосостояния граждан;
- 4) экономическую и политическую стабильность государства;
- 5) отсутствие единой государственной концепции предотвращения домашнего насилия.

Согласно исследованиям, которые проводила Федеральная служба государственной статистики, около 20% женщин в РФ подвергаются домашнему насилию в том или ином виде. При этом следует отметить, что формирование точных статистических данных преступлений данного вида связано с высоким уровнем латентности. Некоторые авторы латентность преступлений, связанных с домашним насилием, связывают с национальным менталитетом [13, с. 82–85], так более 30% женщин, которые подверглись домашнему насилию, заявили, что не обращались в правоохранительные органы [14]. Данные факты только способствуют рецидиву преступлений этого вида, а виновные лица остаются безнаказанными.

Проблемы, связанные с применением домашнего насилия, обострились в силу декриминализации побоев в семье [15]. Согласно данному изменению побоев, совершенные впервые в отношении членов семьи, были переведены в состав административных правонарушений. Следует отметить, что согласно статистике МВД России в РФ был ежегодный рост преступлений, связанных с насилием в семьях, но после принятия Федерального закона от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ данного рода преступления сократились примерно в два раза [16]. Следует отметить, что вокруг названных изменений велись большие споры и дискуссии [17, с. 1–3] относительно их влияния на будущее положение уровня домашнего насилия в Российской Федерации [18]. Многие правозащитные организации и практикующие юристы были против этих нововведений, так как уровень домашнего насилия был не снижен – данные преступления просто перешли в разряд административных, что только усложнило защиту пострадавших от домашнего насилия от возможных рецидивов.

Говоря про лиц, которые применяют домашнее насилие, следует сказать, что нередко, они «спекулируют» наличием общих детей или родством. Так, например, В. А. Лысенко, осужденный по ч. 1 ст. 117 УК РФ, в своей апелляционной жалобе ставил вопрос об отмене обвинительного приговора. Одним из оснований для такой отмены, по мнению Лысенко, является то, что судом не было учтено его состояние здоровья, его личность, а также то, что значительное время он прожил в гражданском браке с пострадавшей, что у них имеется ребенок. Несмотря на это, в данном случае приговор был оставлен без изменения. Но, к сожалению, довольно часто, «спекулируя» вышеупомянутыми обстоятельствами, лица, приме-

нившие домашнее насилие, избегают справедливого наказания [19].

Говоря про уровень домашнего насилия в современных реалиях, необходимо сказать про влияние пандемии COVID-19 на преступления данного типа. Так, с начала введения массовых ограничений во всем мире в целом и в России в частности наблюдался резкий рост случаев применения домашнего насилия. Согласно позиции профессора Ю. Н. Жданова увеличение домашнего насилия связано с несколькими факторами [20]:

во-первых, рост социально-экономических проблем, таких как, например, безработица, отсутствие социальных гарантий, сокращение рабочих мест;

во-вторых, самоизоляция, ставшая катализатором многих психических и психологических проблем;

в-третьих, постоянное пребывание всех членов семьи в одном помещении, с учетом того, что многие семьи и так вынуждены жить в условиях нехватки жилой площади, обострившее случаи домашнего насилия на бытовой почве.

Только за один месяц режима самоизоляции количество зарегистрированных случаев домашнего насилия увеличилось в два раза: если в марте 2020 г. их количество составило 6054, то за апрель – уже 13 000.

Для снижения уровня домашнего насилия в условиях пандемии коронавируса Ю. А. Жданов предложил следующие пути:

1) необходимо расширить способы взаимодействия между правоохранительными органами и правозащитными организациями, организациями гражданского общества и специальными приютами для тех лиц, которые пострадали от домашнего насилия;

2) необходимо проводить инструктажи сотрудников правоохранительных органов о том, как воздействует самоизоляция на людей. Это необходимо для выявления лиц, которые способны в условиях стресса, бытовых и социально-экономических проблем, вызванных пандемией, применить насилие в отношении членов своей семьи.

Необходимо отметить, что 6 апреля 2021 г. Верховный Суд РФ предложил отменить институт частных обвинений в судах [21], что объективно поло-

жительно повлияет на снижение уровня домашнего насилия. Частное обвинение предполагает, что на пострадавшего от домашнего насилия возлагается сбор доказательств насилия, также потерпевшие должны самостоятельно либо через представителя поддерживать обвинение в суде в качестве частного обвинителя. Верховный Суд РФ также подчеркивает, что в уголовных делах, которые касаются домашнего насилия, фактически отсутствует стадия расследования. Данные обстоятельства в свою очередь свидетельствуют о низкой эффективности уголовно-правовой охраны членов общества от домашнего насилия. Верховный Суд РФ подчеркнул зависимость пострадавшего лица от лица, применившего насилие: эта зависимость, как правило, выражается в общности быта, т.е., несмотря на применение насилия, они продолжают совместно проживать. Также Суд предложил установить обязательное дознание по статьям, которые касаются домашнего насилия, а именно ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. В этом случае произойдет транзит бремени доказывания с лиц, пострадавших от домашнего насилия, к правоохранительным органам. Данное нововведение должно будет повысить эффективность борьбы с домашним насилием и увеличит непосредственную роль государства в этом процессе.

Подводя итог, следует сказать, что проблема домашнего насилия актуальна во всех странах мира. Россия в данном случае не является исключением. Следует подчеркнуть, что полностью справиться с проблемой домашнего насилия невозможно. Но значительно уменьшить его уровень возможно. Семейно-бытовое насилие имеет системный характер, поэтому и меры для его качественного снижения должны быть системными. В связи с этим необходимо совершенствовать законодательство в сфере противодействия домашнему насилию. Последние предложения Верховного Суда РФ относительно данной проблематики в этой связи представляются крайне актуальными. И если законодатель поддержит такой вектор развития, то вероятно, что уровень домашнего насилия в российском обществе будет существенно снижен.

Пристатейный библиографический список

1. Victims' Rights in Canada // studylib.net : сайт. URL: <https://studylib.net/doc/11113582/victims%E2%80%99rights-in-canada--history-of-victims--rights-in> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Canadian Statement of Basic Principles of Justice for Victims of Crime, 2003 // Department of Justice Canada : сайт. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/cj-jp/victim/03/princ.html> (дата обращения: 15.09.2022).
3. *Chirinos Rivera S.* La ley de medidas de protección integral contra la violencia de género. Valencia : Tirant lo Blanch, 2010.
4. *Пащенко А. С.* Понятие домашнего насилия // Теория и практика общественного развития. 2005. № 1.
5. *Саламова С. Я.* Домашнее насилие в современной России : общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9.

6. *Ведяшкин С. В., Гааг Л. В., Сенникова Д. В.* Международная научно-практическая конференция «Домашнее насилие : предупреждение и ответственность» // Уголовная юстиция. 2019. № 14.
7. Верховный Суд РФ вынужден вмешаться в семейную жизнь россиян // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2021/04/06/verhovnyj-sud-predlozhit-novyj-sposob-zashchity-zhertv-domashnego-nasilija.html> (дата обращения: 15.09.2022).
8. Правозащитники прокомментировали закон о расследовании дел о домашнем насилии // Newsler.ru : сайт. URL: <https://www.newsler.ru/society/2021/04/08/bet-znachit-ubet-pravozashhitniki-prokomentirovali-zakon-o-rassledovanii-del-o-domashnem-nasili> (дата обращения: 15.09.2022).
9. ВС РФ предложил отнести дела о побоях к делам частного-публичного обвинения // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : сайт. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/institut-chastnogo-obvineniya-obrechen-na-reformirovanie/> (дата обращения: 15.09.2022).
10. Данные судебной статистики за 2020 год // Судебный департамент : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Дело № 41261/17 «Володина против России» // Центр Международного права на Чистых прудах : сайт. URL: <https://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii/> (дата обращения: 15.09.2022).
12. *Лаптева Л. Е.* Домашнее насилие : сила традиции // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9.
13. *Тунина Н. А.* Латентность семейного насилия и ее последствия. Постановка проблемы // Криминологический журнал. 2016. № 3.
14. Почему 35% жертв домашнего насилия боится просить о помощи // Федеральное агентство новостей : сайт. URL: <https://riafan.ru/1423758-bet-znachit-syadet-pochemu-35-zhertv-domashnego-nasilija-boitsya-prosit-o-pomoshi> (дата обращения: 15.09.2022).
15. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 7. Ст. 1027.
16. Декриминализация побоев в семье ухудшила ситуацию с домашним насилием в России // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/635045> (дата обращения: 15.09.2022).
17. *Жилина Н. Ю., Савельева И. В., Терещенко В. И.* Декриминализация побоев : «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5.
18. Ударить нельзя судить : мнения за и против декриминализации семейных побоев // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3971405> (дата обращения: 15.09.2022).
19. Уголовное дело № 22-1879/2017 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.09.2022).
20. Полиция предупреждает : случаи домашнего насилия в разы возросли в период пандемии // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasilija.html> (дата обращения: 15.09.2022).
21. ВС предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Victims' Rights in Canada. URL: <https://studylib.net/doc/11113582/victims%E2%80%99-rights-in-canada--history-of-victims--rights-in> (date of the application: 15.09.2022).
2. Canadian Statement of Basic Principles of Justice for Victims of Crime, 2003. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/rp-pr/cj-jp/victim/03/princ.html> (date of the application: 15.09.2022).
3. *Chirinos Rivera S.* La ley de medidas de protección integral contra la violencia de género. Valencia: Tirant lo Blanch, 2010.
4. *Pashchenko A. S.* The Concept of Domestic Violence. *Theory and Practice of Social Development*. 2005. No. 1.
5. *Salamova S. Ia.* Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics. *Lex Russica*. 2018. No. 9.
6. *Vediashkin S. V., Gaag L. V., Sennikova D. V.* International Scientific and Practical Conference "Domestic Violence: Prevention and Responsibility". *Criminal Justice*. 2019. No. 14.
7. The Supreme Court of the Russian Federation is forced to intervene in the family life of Russians. URL: <https://rg.ru/2021/04/06/verhovnyj-sud-predlozhit-novyj-sposob-zashchity-zhertv-domashnego-nasilija.html> (date of the application: 15.09.2022).
8. Human rights defenders commented on the law on the investigation of cases of domestic violence. URL: <https://www.newsler.ru/society/2021/04/08/bet-znachit-ubet-pravozashhitniki-prokomentirovali-zakon-o-rassledovanii-del-o-domashnem-nasili> (date of the application: 15.09.2022).

9. The Supreme Court of the Russian Federation proposed to refer cases of beatings to cases of private-public prosecution. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/institut-chastnogo-obvneniya-obrechen-na-reformirovanie/> (date of the application: 15.09.2022).
10. Judicial statistics data for 2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of the application: 15.09.2022).
11. Case No. 41261/17 "Volodina v. Russia". URL: <https://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii/> (date of the application: 15.09.2022).
12. *Lapteva L. E. Domestic Violence: The Power of Tradition. Genesis: Historical Research. 2017. No. 9.*
13. *Tunina N. A. The Latency of Family Violence and its Consequences. Statement of the Problem. Criminological Journal. 2016. No. 3.*
14. Why 35% of victims of domestic violence are afraid to ask for help. URL: <https://riafan.ru/1423758-bet-znachit-syadet-pochemu-35-zhertv-domashnego-nasiliya-boitsya-prosit-o-pomoshi> (date of the application: 15.09.2022).
15. Federal Law of 7 February 2017 No. 8-FZ "On Amendments to Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 7. Art. 1027.*
16. Decriminalization of beatings in the family worsened the situation with domestic violence in Russia. URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/635045> (date of the application: 15.09.2022).
17. *Zhilina N. Iu., Saveliyeva I. V., Tereshchenko V. I. Decriminalization of Beatings: "For" and "Against". Gaps in the Russian Legislation. 2017. No. 5.*
18. You can't judge to hit: opinions for and against decriminalization of family beatings. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3971405> (date of the application: 15.09.2022).
19. Criminal case No. 22-1879/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (date of the application: 15.09.2022).
20. Police warn: cases of domestic violence have increased significantly during the pandemic. URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasiliia.html> (date of the application: 15.09.2022).
21. The Supreme Court proposed to protect victims of domestic violence by canceling private charges in the courts. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/29837/ (date of the application: 15.09.2022).

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРИЧАСТНОСТИ К СОВЕРШЕНИЮ ЛИЦОМ САМОУБИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ СТ. 110 И 110.1 УК РФ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-77-82>

Статья посвящена некоторым проблемам правового регулирования уголовной ответственности за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства. Отграничение между данными формами проводится по объективной стороне составов преступлений. В результате проведенного сравнительного анализа установлено, что изменения 2017 г. законодателем были внесены на основании лишь поверхностного исследования проблемных вопросов. В этой связи авторами предлагается рассмотреть рекомендации к совершенствованию отдельных положений действующего Уголовного кодекса РФ. Предметом исследования являются состояние и актуальные проблемы действующего уголовного законодательства Российской Федерации в части регулирования уголовной ответственности за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства. Цель проводимого исследования заключается в системном и комплексном осмыслении теоретико-правовых признаков и особенностей квалификации доведения, склонения и содействия доведению до самоубийства, а также выявлении наиболее актуальных проблем правоприменения, возникающих в процессе привлечения лица к уголовной ответственности по конкретной статье, и формулировании конкретных рекомендаций по их устранению. Методологическая основа исследования обусловлена особенностями предложенной к рассмотрению темы и структурирована двумя группами методов, а именно общенаучными и частными методами познания. Научная новизна проводимого исследования состоит в концептуальном осмыслении наиболее актуальных проблем правоприменения доведения, склонения и содействия доведению до самоубийства, а также предложении реконструировать действующее уголовно-правовое регулирование соответствующих общественных отношений.

ЧГУНОВ

Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент, заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя
(г. Москва)

aachugunow@list.ru

КАЛИНИНСКАЯ

Яна Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД
России им. В. Я. Кикотя (г. Москва)
kalininskayayna@mail.ru

ИВЛЕВА

Лидия Николаевна

доцент отделения
дознания Отдела МВД России
по Савеловскому району
г. Москвы (г. Москва)

lidivleva@yandex.ru

**Доведение до самоубийства;
склонение;
содействие;
отграничение;
объективная сторона;
квалификация**

Alexander A. CHUGUNOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Deputy Head
of the Department of Criminal Law,
Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Moscow)
aachugunow@list.ru

Yana S. KALININSKAYA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law, Vladimir Kikot
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Moscow)
kalininskayayna@mail.ru

**ON THE CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR SOME FORMS
OF IMPARTMENT IN THE COMMITMENT OF SUICIDE
BY A PERSON IN THE CONTEXT OF ARTICLES 110
AND 110.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to some problems of legal regulation of criminal liability for inciting, inducing and facilitating incitement to suicide. The distinction between these forms is carried out on the objective side of the offenses. As a result of the comparative analysis, it was found that the changes in 2017 were made by the legislator on the basis of only a superficial study of problematic issues. In this regard, the authors propose to consider recommendations for improving certain provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation. The subject of the study is the state and current problems of the current criminal legislation of the Russian Federation in terms of regulating criminal liability for inciting,

Lidia N. IVLEVA

Investigator, Department of Inquiry,
Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Savelovsky District
of Moscow (Moscow)
lidivleva@yandex.ru

**Driving to suicide;
declination;
assistance;
delimitation;
objective side;
qualification**

inducing and facilitating incitement to suicide. The purpose of the study is to systematically and comprehensively comprehend the theoretical and legal features and features of the qualification of inciting, inducing and facilitating incitement to suicide, as well as identifying the most pressing problems of law enforcement that arise in the process of bringing a person to criminal liability under a specific article, and formulating specific recommendations on their elimination. The methodological basis of the study is determined by the peculiarities of the topic proposed for consideration and is structured by two groups of methods, namely, general scientific and particular methods of cognition. The scientific novelty of the research is the conceptual understanding of the most pressing problems of law enforcement inciting, inducing and facilitating incitement to suicide, as well as the proposal to reconstruct the current criminal law regulation of relevant social relations.

В 2017 г. уголовное законодательство подверглось существенной модификации, в частности были криминализованы два состава (ст. 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) соответственно), в которых законодатель счел необходимым дифференцировать ответственность за альтернативные формы причастности к самоубийству, отграничив их от доведения. Уголовная ответственность за доведение, склонение и содействие доведению до самоубийства в настоящее время предусмотрена нормами УК РФ, а именно ст. 110, 110.1 и 110.2, анализ которых, к сожалению, свидетельствуют о том, что законодателю не всегда следует количество предпочитать качеству.

Представляется уместным критически проанализировать основания криминализации составов ст. 110.1 и 110.2 УК РФ и в сравнительно-правовом формате попытаться прояснить, насколько необходимыми были данные новеллы и насколько эффективными они в итоге оказались, учитывая, что введение в УК РФ указанных составов по ряду причин было неоднозначно принято отечественной уголовно-правовой доктриной и практикой правоприменения.

В настоящий момент конвенциональной является позиция, согласно которой отграничение между доведением до самоубийства и склонением/содействием его совершению проводится по объективной стороне [1, с. 105–111; 2, с. 112; 3, с. 151–159; 4, с. 8–9].

Действительно, объективная сторона доведения до самоубийства имеет три альтернативных элемента (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), т.е. является ригидной, тогда как категории склонения и содействия не предполагают исчерпывающих характеристик. Например, согласно позиции А. В. Бриллиантова «жестокое обращение предполагает некоторую систему поступков, которые сами по себе могут выра-

жаться как в действии (побои, принуждение к труду, выдворение из дома и др.), так и в бездействии (непредоставление еды, одежды и др.)» [5, с. 410]. Примеры из правоприменительной практики не вносят особой конкретики в понимание данного признака, оставляя за ним абстрактный, оценочный характер. Так, в период времени с 4 до 6 часов 2 января 2012 г. Кашпиров совместно с Герасимовым после употребления спиртных напитков, находясь в состоянии алкогольного опьянения в казарме 2 и 3 танковых рот войсковой части, решили поиздеваться над сослуживцами, для чего отдали приказ построиться в шеренгу и выполнять отжимания от пола. На отказы выполнять неправомерное требование Кашпиров и Герасимов стали наносить сослуживцам телесные повреждения посредством ударов рук и ног в туловище, голову, ноги, что сопровождалось унижительными комментариями и насмешками, а также угрозами расправы в случае, если потерпевшие доложат о происходящем высшему руководству. В ту же ночь один из потерпевших, заступив на караульную смену, застрелился на посту, не вынеся глумления и издевательств со стороны сослуживцев [6]. В данном случае действия, направленные на доведение до самоубийства, выразились в физическом насилии (нанесении ударов) и психическом насилии (оскорблениях) по отношению к потерпевшему.

Признаки же, которые сформулированы законодателем в ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ, дают лишь общее представление о специфике данного разграничения: в ч. 1, например, четко указано, что склонение к самоубийству совершается «путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства».

Таким образом, отграничение признаков доведения до самоубийства заложено в саму диспозицию

данной нормы и на первый взгляд не должно вызывать проблемы в правоприменительной практике. С другой стороны, нельзя забывать, что наличие в законодательстве (особенно в уголовном) норм с неочевидным пределом действия является крайне неблагоприятным фактором, влекущим за собой различного рода ошибки в правоприменении. В случае с ч. 1 ст. 110.1 УК РФ проблема «каучукового» определения перечня признаков, как представляется, обусловлена объективными обстоятельствами, ведь предусмотреть заранее все формы деструктивного воздействия на психику потерпевшего и предупредить появление такой альтернативы преступного поведения злоумышленника, которое не будет охватываться диспозицией состава, попросту невозможно. Поэтому законодатель вынужден прибегать к неудачным формулировкам подобного рода и конструировать объективную сторону отдельных посягательств через альтернативные элементы с «открытым перечнем», хотя официальный правоприменитель в лице Конституционного Суда РФ и указал на их недопустимость в диспозициях статей Особенной части Уголовного закона [7].

Однако проблема отграничения склонения к самоубийству от доведения до него имеет и другие аспекты. Так, например, невозможно дать однозначный ответ на вопрос, выступает ли шантаж структурообразующим признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ. Или же он в большей степени актуален именно для ст. 110 УК РФ, если его интерпретировать как особую разновидность угрозы? В этом смысле довольно спорной видится позиция М. А. Артамоновой, которая при разрешении данной проблемы предлагает использовать следующий критерий разграничения: «В основу разграничения этих составов должен быть положен характер угрозы. Если речь идет об угрозе физическим насилием, то применяется ст. 110 УК РФ. Но в таком случае в ч. 1 ст. 110 УК РФ следует внести соответствующие редакционные поправки. Если же угроза носит характер шантажа, то должна применяться ст. 110.1 УК РФ, поскольку такая угроза подпадает под иной способ склонения к самоубийству» [8, с. 24–28].

Позиция автора представляется дискуссионной ввиду того, что психическое насилие (разновидностями которого являются и угроза, и шантаж) в полной мере охватывается диспозицией доведения до самоубийства, поэтому данный критерий является умозрительным и слишком субъективным, чтобы претендовать на его закрепление в законодательстве и тем более в правоприменительной практике.

В вопросах отграничения признаков объективной стороны указанных составов наиболее распространены позиции, созвучные мнению М. А. Артамоновой [9, с. 168–175], согласно которым во главу угла ставится специфика преступного пове-

дения виновного, т.е. конкретный характер его действий. Так, если в действиях присутствуют элементы физического воздействия, то предпочтение отдается доведению до самоубийства, если же речь идет о психическом (интеллектуальном) воздействии, в том числе и насильственного толка, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ [10, с. 487].

Но, к сожалению, как было показано выше, позиция некоторых авторов относительно данного критерия является дискуссионной по следующим причинам:

- психическое воздействие (насилие) наряду с физическим в полной мере охватывается и диспозицией доведения до самоубийства;

- текстуальный анализ диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ прямо показывает, что психические формы деструктивного воздействия на потерпевшего не исчерпывают альтернативные элементы объективной стороны, поскольку формулировка законодателя «и иным способом...» указывает на необходимость расширительного толкования содержания;

- даже в случаях, когда содеянное совершается не «иным», оригинальным способом, а в рамках установленных ст. 110 и ч. 1 ст. 110.1 УК РФ признаков, не всегда возможно дифференцировать их по критерию физического/психического воздействия.

Сама категория «склонение» для российского уголовного права не является новой. Законодатель оперирует ей по меньшей мере при формулировании диспозиций ст. 205.1, 230, 230.1 УК РФ. В постановлении Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [11], а также в п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [12] определено, что следует понимать под данным понятием. Анализ вышеуказанного подхода к определению понятия «склонение» в рамках уголовного права наводит на мысль о том, что оно актуализируется лишь в случае склонения лица к противоправным (преступным) действиям. Самоубийство же по действующему УК РФ, как известно, преступлением не является. Кроме того, диспозиционная составляющая ч. 1 ст. 110.1 УК РФ в качестве альтернативных элементов объективной стороны отдельные термины (уговоры и предложения) использует в форме множественного числа, что идет вразрез с толкованием, данным Пленумом. Встает закономерный вопрос: однократное предложение совершить самоубийство, воспринятое потерпевшим положительно и реализованное, должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ или нет?

В данном контексте вспоминается и проблема привлечения к ответственности администраторов так называемых групп смерти [13, с. 5–27] (деятельность которых и явилась одним из социально-правовых оснований для криминализации ст. 110.1 и 110.2 УК РФ), последним заданием в которых являлось совершение подростком непосредственно самоубийства, однако, если он отказывался от исполнения последнего, рокового «квеста», администраторы сообществ зачастую запугивали потерпевшего самого и (или) его родственников нанесением вреда здоровью или жизни. Подчеркнем, что приведенный пример не является умозрительной конструкцией, такие формы преступной активности администраторов соответствующих интернет-сообществ действительно практиковались, на что указывают и многие праведы [1].

Так как же следовало квалифицировать действия злоумышленников?

Представляется, что в данном случае необходима квалификация по ст. 110 УК РФ, поскольку в объективной стороне имеется признак угроз, который и структурирует состав доведения до самоубийства, а не склонения к самоубийству.

Альтернативный вариант квалификации – по совокупности ст. 110 и ч. 1 ст. 110.1 УК РФ – представляется неуместным, поскольку подстрекательство к самоповреждению в большей степени резонирует не с признаком угроз и предложений, а именно с признаком жестокого обращения, даже несмотря на оценочный характер последнего.

Наконец, квалификация по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ ввиду вышеуказанных причин тоже не представляется возможной (так как данное деяние не соответствует объективной стороне).

Общественная опасность доведения до самоубийства значительно выше, чем у посягательств, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ. Альтернативные действия объективной стороны доведения до самоубийства могут сами образовывать другие составы преступлений (те же истязания, угроза убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, клевета и т.д.), а в отношении ч. 1 ст. 110.1 УК РФ – невозможно.

На наш взгляд, указанные изменения 2017 г. были внесены на основании лишь поверхностного исследования проблемных вопросов.

Точнее формализована ответственность за содействие совершению самоубийства, поскольку, даже несмотря на аналогичные трудности с прояснением конкретного содержания альтернативных элементов объективной стороны, очевиден критерий отграничения от смежных составов. Так, анализ диспозиции ч. 2 ст. 110.1 УК РФ показывает, что в данном случае решение уйти из жизни потерпевшим уже принято и не поставлено в причинно-следственную зависимость

от действий преступника. В рамках данного состава актуализируется общественная опасность несколько иной формы причастности к самоубийству, а именно преступного «потворствования». Но и данная норма не лишена внутренних проблем и противоречий.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым сделать следующий вывод: состояние правового регулирования ответственности за доведение до самоубийства в рамках действующего УК РФ на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Формулировка диспозиции ст. 110 УК РФ сама по себе всегда вызывала (и продолжает вызывать) много вопросов и подчас затрудняет адекватное правоприменение данной нормы, а после изменений 2017 г. ситуация стала неоднозначной. Криминализованные составы ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, существенно расширившие спектр уголовно-правового регулирования ответственности за различные формы причастности к самоубийству, были наспех сконструированы законодателем как результат общественно-правовой реакции на волну подростковых самоубийств, захлестнувших страну в 2015–2016 гг. И сконструированы крайне неудачно: критерии отграничения склонения от доведения до самоубийства до конца не ясны; судебно-следственная практика противоречива; ч. 2 ст. 110.1 УК РФ неактуальна в том контексте, в каком ее закрепил законодатель.

Так, согласно приговору Шумерлинского районного суда Чувашской Республики И., с целью возобновления близких отношений между ним и его бывшей девушкой А., с использованием своего персонального компьютера, подключенного к сети Интернет, продемонстрировал по *Skype* часть видеозаписи интимного характера с изображением А. гр-ну В., с которым в тот период времени встречалась А. После того, как об этом стало известно А., последняя совершила самоубийство через повешение. Судом не установлено наличие у И. прямого или косвенного умысла на доведение А. до самоубийства. Поэтому, а также в связи с отсутствием в действиях И. систематического унижения человеческого достоинства А. уголовное дело в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления [14]. Вопрос о том, насколько такая позиция суда является обоснованной и не следовало ли ему квалифицировать действия И. по ч. 1 ст. 110 УК РФ, приняв во внимание неосторожную форму вину (небрежность), является открытым.

В действующем уголовном законодательстве состав доведения до самоубийства является одним из наиболее проблемных, поскольку, как было показано, имеют место некоторые сложности в четком и однозначном определении не только объективных, но и субъективных признаков.

Пристатейный библиографический список

1. *Милова И. Е., Милова Е. А.* К вопросу о развитии представлений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник ВУиТ. 2017. № 3.
2. *Рыжов Э. В.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
3. *Устинова Т. Д.* Склонение к самоубийству или содействие самоубийству : критический анализ // Lex Russica. 2020. № 3 (160).
4. *Филлипова С. В.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства : уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015.
6. Приговор Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 26 мая 2017 г. по делу № 1-15/2017 // Clck.ru : сайт. URL: <https://clck.ru/Xgowc> (дата обращения: 05.03.2022).
7. Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Артамонова М. А.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства : спорные вопросы толкования и применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85).
9. *Дубовиченко С. В., Карлов В. П.* Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни : критический анализ // Вестник ВУиТ. 2017. № 4.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2019.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Группы ненависти в Рунете : ареалы распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4.
14. Приговор Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 21 августа 2014 г. № 1-63/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Milova I. E., Milova E. A.* On the Development of Ideas About Criminal Responsibility for Driving to Suicide. *Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017. No. 3.
2. *Ryzhov E. V.* Criminal Liability for Bringing to Suicide: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019.
3. *Ustinova T. D.* The Inclination to Suicide or the Promotion of Suicide: A Critical Analysis. *Lex Russica*. 2020. No. 3 (160).
4. *Fillipova S. V.* Inducement to Commit Suicide and Assistance in Committing Suicide: Criminal-Legal Characteristics and Problems of Qualification: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2020.
5. *Brilliantov A. V. (ed.)*. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2015.
6. Verdict of the Yuzhno-Sakhalinsk Garrison Military Court of 26 May 2017 in case No. 1-15/2017. URL: <https://clck.ru/Xgowc> (date of the application: 05.03.2022).
7. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23 June 2016 “Constitutional and Legal Aspects of Improving Rule-Making Activities (Based on Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2013–2015)” (SPS “ConsultantPlus”).
8. *Artamonova M. A.* Inducement to Commit Suicide and Assistance in Committing Suicide: Controversial Issues of Interpretation and Application. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3 (85).
9. *Dubovichenko S. V., Karlov V. P.* Novelties of Criminal Legislation on Crimes Against Life: A Critical Analysis. *Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017. No. 4.
10. *Chuchaev A. I. (ed.)*. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Scientific and Practical). Moscow: Prospekt, 2019.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 February 2012 No. 1 "On Some Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Terrorist Crimes" (SPS "ConsultantPlus").
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 June 2006 No. 14 "On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances" (SPS "ConsultantPlus").
13. *Krasikov V. I., Fomenko E. V. Hate Groups in Runet: Distribution Areas and Typology. Bulletin of the Russian Law Academy. 2020. No. 4.*
14. Verdict of the Sumerlinsky District Court of the Chuvash Republic of 21 August 2014 No. 1-63/2014 (SPS "ConsultantPlus").

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-83-87>

Приоритетной задачей Российского государства выступает задача по обеспечению и охране экологической безопасности. В данном случае может помочь только доктринальная разработка проблемы. Основа эффективности уголовно-правового противодействия экологической преступности в целом обеспечивается за счет правильного понимания содержания объекта посягательств на окружающую среду. Вопросы совершенствования уголовно-правовой защиты окружающей среды от уничтожения или же повреждения имеют теоретическую и практическую значимость, что и определяет актуальность данной темы. В настоящей статье автор рассматривает особенности современной уголовно-правовой защиты окружающей среды и определяет основные проблемы этой сферы. Целью работы является анализ нормативных актов и возможного определения направлений исследования в наиболее уязвимых областях правового регулирования экологических норм, а именно обозначаящихся проблемах при загрязнении окружающей среды отходами жизнедеятельности человека. Методологию исследования составляют как общие, так и частнонаучные методы познания, используемые в юридической науке. В представленной работе использованы общенаучные методы познания, к которым прежде всего следует отнести формально-логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия). Новизна исследования состоит в выявленных автором проблемах конструирования отдельных норм уголовного законодательства, регулирующих ответственность за экологические преступления, и предложенных вариантах их устранения. В статье приводится научная полемика ученых за последние годы в сфере экологической безопасности, а также анализируются некоторые законодательные изменения. Обозначены направления, в которых следует проводить исследования с целью совершенствования уголовного законодательства. Выполнен анализ нормативной базы, обеспечивающей охрану окружающей среды, изучены нормы Уголовного кодекса РФ, нуждающиеся в совершенствовании, с целью повышения эффективности пресечения преступных посягательств. Сделаны выводы о необходимости совершенствования и развития экологического законодательства. Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

ВЕТРОВ

Евгений Валентинович

аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, следователь-криминалист отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Иркутской области (г. Иркутск)
vetrovevg@mail.ru

**Окружающая среда;
экологические преступления;
экологическое
законодательство;
уголовно-правовые нормы;
уголовно-правовая защита**

Evgeny V. VETROV

Postgraduate Student, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Investigator-Criminalist, Department of Criminalistics, Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Irkutsk Region (Irkutsk)
vetrovevg@mail.ru

ON SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE ENVIRONMENT

The priority task of the Russian state is the task of ensuring and protecting environmental safety. In this case, only the doctrinal development of the problem can help. The basis for the effectiveness of criminal law-based anti-environmental crime is generally provided by the proper understanding of the content of the object of encroachment on the environment. The issues of improving the criminal law protection of the environment from destruction or damage are theoretical and practical significance, which determines the relevance of this topic.

**Environment;
environmental crimes;
environmental legislation;
criminal law;
criminal law protection**

In this article, the author considers the peculiarities of modern criminal protection of the environment and determines the main problems of this sphere. The aim of the work is to analyze regulatory acts and the possible definition of research areas in more vulnerable areas of legal regulation of environmental standards, namely designating problems in environmental pollution by the waste of human life. The research methodology is both general and private-scientific methods of knowledge used in legal science. In the submitted work, general scientific methods of knowledge, to which, first of all, should include formal logical methods (analysis, synthesis, induction, deduction, hypothesis, analogy). The novelty consists in the problems identified by the author of the construction of certain norms of criminal legislation regulating responsibility for environmental crimes, and the proposed options for their elimination. The article presents the scientific controversy of scientists in recent years in the field of environmental safety, as well as analyzes some legislative changes. The directions in which research should be carried out in order to improve criminal legislation are outlined. The analysis of the regulatory framework ensuring environmental protection was carried out, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in need of improvement were studied in order to increase the effectiveness of the suppression of criminal encroachments. Conclusions are drawn about the need to improve and develop environmental legislation, taking into account the problems on the topic under study. Proposals were made to improve criminal law.

Окружающая среда и все богатства природы, которые обеспечивают поддержание развития общества и возможности самовосстановления, безграничны. Сегодня одной из насущных проблем человечества является истощение природы за счет роста потребления мировым сообществом ее ресурсов. Над будущим поколением человечества нависла реальная угроза. Вся деятельность человека является экологичной, так как связана непосредственно с природой. Именно по этой причине характерная особенность перечня вопросов по охране природы как в Российской Федерации, так и в других странах заключается в том, что они должны рассматриваться во взаимосвязи при выполнении организационных, хозяйственных и правовых задач.

В Конституции РФ закреплены сложившиеся в ходе общественного развития основы относительно объектов права собственности российского народа – земли, недр, атмосферного воздуха, водных и других природных ресурсов, устанавливается обязанность государства обеспечивать защиту всех субъектов права собственности, экологическую безопасность на территории РФ. Выполнение этой обязанности осуществляется благодаря применению уполномоченными органами государства охранительных норм уголовного права.

В реализации установленного Конституцией РФ механизма обеспечения экологических прав и свобод человека и гражданина особое место отведено уголовному праву, так как оно выступает наиболее эффективным регулятором общественных отноше-

ний, возникших в связи с совершением преступлений. Одним из объектов уголовно-правовой охраны признается окружающая среда.

В последнее время российское общество, а также средства массовой информации и научная литература уделяют достаточно внимания проблеме наказаний за экологические преступления.

Предметом ряда научных работ является вопрос эффективности уголовных наказаний за преступления против окружающей среды. В частности, среди них исследования таких авторов, как А. Ю. Боковая [1], В. Н. Жадан и А. А. Лебедев [2, с. 247–260], М. И. Ипэк-Артамонова [3, с. 86–90], М. И. Кольцов [4, с. 348–355], Л. Лай [5, с. 281–304], Т. Ф. Минязева [6, с. 94–97].

Необходимость возрастания роли отечественных уголовно-правовых норм сегодня стала предметом дискуссий многих теоретиков и практиков, что обусловлено ростом проблем экологии, в частности браконьерскими действиями в отношении растительного и животного мира. Все это и определило актуальность выбранной темы исследования.

Следует обратить внимание на тот факт, что понятие экологического преступления не содержится в уголовном законодательстве, оно было разработано в рамках теории уголовного права. Положения законодательства в отношении охраны окружающей среды находятся в основе его определения. В свою очередь, как отмечает А. Ю. Боковая, окружающая среда представляет собой комплекс элементов, являющихся составными частями природной среды, объектов антропогенного характера [1, с. 21].

Именно уголовному праву и уголовной политике нашего государства [7] сегодня принадлежит ведущая роль в борьбе с экологическими преступлениями, так как оно способно устанавливать ответственность в отношении самых опасных посягательств в этой сфере. В настоящее время в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) имеется 20 уголовно-правовых норм об охране окружающей природной среды.

На охрану же окружающей среды направлены в первую очередь нормы гл. 26 УК РФ «Экологические преступления». Обратим внимание на то, что И. М. Ипэк-Артамонова в своей работе указывает на то, что такое наименование является неточным и его необходимо заменить на «преступления против экологической безопасности» [3, с. 86].

Составы большей части преступлений, которые рассматриваются, относятся к материальным, а именно нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), нарушения правил ветеринарного характера и правил в отношении борьбы с болезнями растений (ст. 249 УК РФ), загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ) и др.

Другой вид преступлений относят к формальным, а именно составы загрязнения морской среды (ст. 252 УК РФ), нарушения законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ (ст. 253 УК РФ).

Стоит обратить внимание и на ст. 247 УК РФ, так как ее нормой ответственность становится возможной только в том случае, когда имеет место угроза наступления указанных последствий, в частности нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов. Применение данной статьи происходит тогда, когда были нарушены правила производства, транспортировки, хранения или применения химических веществ или отходов, которые указаны в ст. 8.2, 8.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях и которые могли создать реальную угрозу здоровью человека или окружающей среде.

В УК РФ по конструкции объективной стороны некоторые составы экологических преступлений сконструированы и как материальные, и как формальные. В качестве примера можно привести ст. 256 УК РФ, предусматривающую наказание за незаконную добычу водных биологических ресурсов. Так, по п. «а» данной статьи предусматривается ответственность за ущерб в особо крупном размере. Эта часть относится к материальному составу. Без указания последствий представлена объективная сторона в диспозиции п. «б», «в», «г», что относится к формальному составу. По аналогии представлена конструкция объективной стороны в ст. 258 УК РФ.

Уголовно-правовые нормы относительно охраны окружающей среды постоянно претерпевают изменения. В 2018–2019 гг. произошли наиболее заметные

из них. В тот период произведено 22 замены норм в гл. 26 УК РФ, 12 из них имели место в 2018 г., а оставшиеся 10 – в 2019 г. Принятие Федерального закона от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Закон № 157-ФЗ) – ярчайший пример реализации защиты окружающей среды в названный период. За некоторые преступления в отношении экологии усилена уголовная ответственность. В качестве примера можно привести включение нового наказания в виде лишения свободы сроком до двух лет в санкцию ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», а также ч. 1 ст. 258 УК РФ «Незаконная охота». Ранее за эти преступления вообще не предполагался такой вид наказания.

Из категории небольшой тяжести в категорию средней тяжести также переведено преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 258 УК РФ. Крупные и особо крупные размеры ущерба, которые исчислялись по методике Правительства РФ, дополнили ст. 258 УК РФ в качестве примечаний после введения Закона № 157-ФЗ. В сумме 40 тыс. руб. стали обозначать крупный размер ущерба, а особо крупный – в размере 120 тыс. руб. [4, с. 349].

В своей диссертационной работе Ю. А. Тимошенко освещает вопрос об усилении репрессивности уголовно-правовых санкций за негативное воздействие на окружающую среду посредством установления наказания в виде лишения свободы в качестве альтернативы штрафу. Она указывает, что причинение экологического вреда в большинстве случаев является следствием противоречия экономических и экологических интересов [7, с. 13]. Экономическая составляющая зачастую преобладает над интересами по защите окружающей среды от загрязнения. Строительные компании, зачастую застраивая территории частным жильем, не задумываются о вывозе отходов от жизнедеятельности человека и идущей сопутствующей нагрузке на соответствующую инфраструктуру, ответственную за утилизацию отходов. В связи с этим возникают нарушения в данной сфере, а к правонарушителям применяются лишь нормы административного законодательства. Также Ю. А. Тимошенко указывает, что в ряде зарубежных стран в законодательстве наметилась тенденция расширения сферы уголовно-правовой охраны за счет криминализации противоправных посягательств, создающих угрозу причинения вреда окружающей среде, жизни и здоровью человека, посредством конструирования так называемых усеченных составов [7, с. 12–13].

Рост антропогенного воздействия на окружающую среду, наличие серьезных последствий таких

действий, тот факт, что эти последствия могут проявляться спустя достаточно долгое время, и то, что ликвидировать их достаточно сложно, объясняют увеличение общественной опасности экологических преступлений.

Между тем на данный момент сложился ряд проблем, связанных с конструированием норм УК РФ, которые влекут за собой противоречия в правоприменительной практике, отрицательно влияют на результаты противодействия экологических преступлений. По этой причине последующая разработка законодательных норм является необходимой мерой в целях развития концепции ответственности за совершение экологических преступлений.

Социальные и политические явления также оказывают значительное воздействие на правотворческий процесс в области уголовно-правовой охраны окружающей среды. В частности, на это влияют также общественное правосознание, правоприменительная деятельность, а также развитие смежных отраслей права.

Наличие бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм, в которых предусмотрена ответственность за экологические преступления, вопрос по совершенствованию норм экологического законодательства являются достаточно актуальными.

По мнению ряда ученых [2; 3; 4], совершенствование процесса обеспечения реализации тех законов, которые уже были приняты, а не развитие законодательства в целом должно стать центром сосредоточения.

На процесс правоприменительной практики и на результат борьбы с преступлениями против окружающей среды негативное воздействие оказывают именно те недостатки, которые содержатся в УК РФ.

Имеются пробелы и в нормах международного права, призванного защищать окружающую среду. Они также являются важными составными частями законодательства.

Считаем, что проблему представляет и невключение норм, которые предусматривали бы ответственность за совершение преступлений в отноше-

нии животного и растительного мира, за незаконную торговлю ими или же ответственность за перевозку опасных веществ.

Непродуманность санкций отдельных норм гл. 26 УК РФ также затрудняет их правоприменение. Следующий недостаток, на который следовало бы обратить внимание, – это факт несоразмерности изменения меры наказания в преступлениях, где степень общественной опасности является различной [8].

Так, Т. Ф. Миняева указывает на резкое несоответствие альтернативных наказаний в санкциях статей гл. 26 УК РФ. Также недостаток она видит в недостаточной дифференциации ответственности по квалифицирующим признакам преступления [6, с. 97].

Решение задач по защите окружающей среды от незаконных действий человека – это та основная задача, которая возложена на нормы уголовного закона. Сопутствующими можно считать все прочие меры. Это и стало причиной того, почему включение в УК РФ новых статей, предусматривающих ответственность за противоправное действие человека в отношении окружающей среды, многие юристы, которые специализируются непосредственно на уголовном праве, видят в качестве основной задачи решения законодательных несоответствий. Санкции, по их мнению, также должны быть достаточно усилены, а экологические преступления из категории преступлений небольшой тяжести должны перейти в категорию, более тяжкую.

Итак, наличие бланкетных диспозиций в нормах об ответственности за экологические преступления послужило тому, что совершенствование норм экологического законодательства, среди которых, в частности, и нормы УК РФ, с каждым днем становится более актуальным. При этом, совершенствуя нормы уголовно-правовой охраны, нельзя забывать также и о развитии экологического законодательства в целом. На основании всего вышесказанного приходим к выводу, что непрерывное совершенствование правовых норм позволит сохранить некоторые природные объекты и окружающую среду.

Пристатейный библиографический список

1. *Боковая А. Ю.* Загрязнение окружающей среды в уголовном праве / под ред. Ф. Р. Сундурова. М. : Юрлитинформ, 2019.
2. *Жадан В. Н., Лебедев А. А.* Об уголовно-правовом анализе экологических преступлений // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 2В.
3. *Ипэк-Артамонова М. И.* К вопросу об уголовно-правовой охране окружающей среды // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 2. № 1.
4. *Кольцов М. И.* К вопросу о некоторых проблемах наказуемости за совершение экологических преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15.
5. *Лай Л.* Уголовно-правовое управление охраной окружающей среды // Век информации. 2018. Т. 2. № 1 (2).

6. *Миняева Т. Ф.* Отвечают ли установленные в главе 26 УК РФ меры наказания сущности экологических преступлений // Евразийская адвокатура. 2018. № 5.
7. *Тимошенко Ю. А.* Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления : проблемы теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019.
8. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 т. Т. 1 : Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2 : Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2021.

References

1. *Bokovaia A. Iu.; Sundurov F. R. (ed.)*. Environmental Pollution in Criminal Law. Moscow: Iurlitinform, 2019.
2. *Zhadan V. N., Lebedev A. A.* On the Criminal Law Analysis of Environmental Crimes. *Issues of Russian and International Law*. 2017. Vol. 7. No. 2B.
3. *Ipek-Artamonova M. I.* On the Criminal Law Protection of the Environment. *Legal Bulletin of Samara University*. 2017. Vol. 2. No. 1.
4. *Koltsov M. I.* On Some Problems of Punishability for Committing Environmental Crimes. *Actual Problems of State and Law*. 2020. Vol. 4. No. 15.
5. *Lai L.* Criminal Law Management of Environmental Protection. *Age of Information*. 2018. Vol. 2. No. 1 (2).
6. *Miniazeva T. F.* Do the Penalties Established in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation Meet the Essence of Environmental Crimes? *Eurasian Advocacy*. 2018. No. 5.
7. *Timoshenko A. Iu.* Construction of Criminal Law Norms on Responsibility for Environmental Crimes: Problems of Theory and Practice: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019.
8. *Lopashenko N. A. (ed.)*. Criminal Law. The General Part. Punishment. Academic Course. In 10 vols. Vol. 1: The Concept, the Purpose of Criminal Punishment. The System of Criminal Punishment. Book 2: Goals, System and Effectiveness of Criminal Punishment. Moscow: Iurlitinform, 2021.

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-88-94>

В статье рассматриваются вопросы выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в качестве важной составляющей комплекса мер по обеспечению прав граждан и восстановлению социальной справедливости. Преступления указанной категории несут в себе глобальные угрозы, именно поэтому разработка и реализация современных подходов по их выявлению, а также формирование оперативной методики расследования являются важными направлениями деятельности Следственного комитета РФ. Автор отмечает необходимость дальнейшего совершенствования как внутригосударственных, так и международных механизмов борьбы с киберпреступностью. Это в свою очередь требует совершенствования механизмов превентивного и прикладного характера, налаживания высокоэффективной системы взаимодействия между правоохранительными органами и органами исполнительной власти, повышения уровня сотрудничества с международными организациями. Ежедневная правоприменительная практика призвана выявлять вопросы, требующие дальнейшей проработки и совершенствования. Необходимость некоторых изменений обусловлена потребностями общества и государства. Таким образом, одними из основных задач в области фиксации и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются формирование международно-правовых механизмов борьбы с киберпреступностью в контексте процессов глобализации, повышение скорости сбора, обработки и обмена оперативными данными, дальнейшее совершенствование внутригосударственных механизмов, выработка единого, комплексного подхода во взаимодействии с институтами гражданского общества, научными и образовательными структурами.

**БАСТРЫКИН
Александр Иванович**

доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист РФ,
Председатель Следственного
комитета РФ (г. Москва)

**Преступления,
совершенные
с использованием
информационно-
коммуникационных
технологий (ИКТ);
киберпреступность;
глобализация;
национальная безопасность;
технологии;
Следственный комитет РФ;
расследование преступлений;
уголовная ответственность;
органы государственной власти**

Alexander I. BASTRYKIN

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Russian
Federation, Chairman of the
Investigative Committee
of the Russian Federation (Moscow)

**Crimes committed using
information and communication
technologies (ICT);
cybercrime;
globalization;
national security;
technology;**

IDENTIFICATION AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article discusses the issues of detection and investigation of crimes committed using information and communication technologies as an important component of a set of measures to ensure the rights of citizens and restore social justice. Crimes of this category carry global threats, which is why the development and implementation of modern approaches to their detection, as well as the formation of an operational investigation methodology is an important activity of the Investigative Committee of the Russian Federation. The author notes the need for further improvement of both domestic and international mechanisms for combating cybercrime. This, in turn, requires improving preventive and applied mechanisms, establishing a highly effective system of interaction between law enforcement agencies and executive authorities, and

**Investigative Committee
of the Russian Federation;
investigation of crimes;
criminal liability;
public authorities**

increasing the level of cooperation with international organizations. Daily law enforcement practice is designed to identify issues that require further study and improvement. The need for some changes is due to the needs of society and the state. Thus, one of the main tasks in the field of fixing and investigating crimes committed using information and communication technologies is the formation of international legal mechanisms to combat cybercrime in the context of globalization processes, increasing the speed of collection, processing and exchange of operational data, further improvement of domestic mechanisms, development of a unified, integrated approach in cooperation with institutions civil society, scientific and educational structures.

В системе комплексных мер по обеспечению прав граждан и восстановлению социальной справедливости важное место занимает совершенствование системы выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. На протяжении последних лет наблюдался рост числа таких преступлений, что в свою очередь несет в себе глобальные угрозы.

Так, согласно данным ведомственной статистики в 2019 г. выявлено 8812 таких преступлений, в 2020 г. – 11 493 (+30,4%), в 2021 г. – 12 112 (+5,4%). При этом качество проводимых Следственным комитетом расследований находится на стабильно высоком уровне, а общий объем раскрытых и расследованных преступлений в сфере ИКТ растет пропорционально повышению числа зарегистрированных правонарушений.

Работа по пресечению и предупреждению таких преступлений в Следственном комитете РФ носит системный, комплексный характер, а ее успех во многом определяется единством подходов в структурном взаимодействии как органов, осуществляющих предварительное расследование, так и государственных органов, обеспечивающих контроль за деятельностью в сфере информационных систем.

Общественная опасность преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, состоит в том, что эти преступления направлены на подрыв информационной безопасности и во многом на дестабилизацию работы институтов финансовой системы страны. Технические средства и программный софт наряду с повышением скорости взаимодействия и обмена данными обеспечивают основу для создания, развития и финансирования незаконной деятельности.

Столь стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий требует выработки комплекса мероприятий, реализация которых будет способствовать повышению количественного соотношения совершаемых преступлений к выявленным и доказанным.

В данном контексте немаловажным представляется тот факт, что процессы глобализации, как на

межгосударственном уровне, так и в интернет-пространстве, обусловили необходимость формирования международных механизмов борьбы с киберпреступностью. В сложившихся условиях СК России удалось выработать и успешно применить на практике ряд системных подходов при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Анализируя уголовные дела, преступления по которым совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также учитывая тенденцию к увеличению роста числа преступлений данной категории, можно вполне обоснованно предположить, что пик отмеченных показателей еще не достигнут и в среднесрочном периоде тенденция увеличения числа преступлений, совершенных с использованием ИКТ, будет сохраняться.

В структуре преступных деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, продолжают преобладать преступления против собственности (кражи, мошенничества и др.), против здоровья населения и общественной нравственности (производство и сбыт наркотических средств, изготовление и оборот порнографических материалов и др.).

С целью сокращения роста преступлений указанных категорий, а также проведения профилактических и превентивных мероприятий, направленных на недопущение условий, при которых совершение таких преступлений становится возможным, следственные подразделения ориентированы на необходимость уделять повышенное внимание правонарушителям, которые ранее были замечены в совершении аналогичных преступлений. Кроме того, при наличии признаков преступления и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела с целью эффективного и всестороннего расследования обстоятельств преступного деяния следователям надлежит незамедлительно возбуждать уголовные дела.

Говоря о некоторых особенностях методики организации предварительного расследования по уголовным делам рассматриваемой категории, следует

отметить, что расследование анализируемого вида представляет особую сложность и связано с организационными трудностями, обусловленными их спецификой, неочевидностью, зачастую межрегиональным и международным характером. Для организации системной работы на данном направлении в центральном аппарате Следственного комитета функционирует специализированное подразделение по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий, а также подразделение компьютерно-технических и инженерно-технических исследований, сотрудники которых осуществляют предварительное следствие и производство экспертизы по делам об анализируемых преступлениях.

Тактика и методика расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволили выработать методологические подходы к организации предварительного расследования по уголовным делам, где с целью совершения преступлений злоумышленники используют современные технологии коммуникаций. Для повышения эффективности и качества работы на данном направлении в территориальных следственных органах ведомства введена специализация следователей по расследованию указанного вида преступных деяний. С учетом особенностей конкретного уголовного дела, проведение следственных действий, а также формирование исчерпывающей доказательственной базы поручается наиболее опытным следователям, имеющим большой профессиональный стаж и обладающим необходимыми навыками работы.

Представляется, что к основным катализаторам роста преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, можно отнести следующие факторы: продолжающийся процесс широкой глобализации; пандемия и постпандемийный период; пересмотр государствами подхода к возможностям, предоставляемым современными ИКТ, более активное их использование в военно-политических и экономических целях; недостаточное законодательное регулирование указанной области с учетом современных реалий и слабый технологический контроль со стороны государств за виртуальным пространством; изменение подходов к оценке уголовно наказуемых деяний, относящихся к совершаемым с использованием ИКТ, расширение составов преступлений, применяемых к данной сфере отношений, и, как следствие, рост соответствующих статистических показателей.

В целях своевременного реагирования на вновь возникающие вызовы и угрозы, которые несут в себе риски совершения преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, Следственным комитетом принимаются системные меры, в том числе связанные с внедрени-

ем технических комплексов и средств, межведомственных автоматизированных поисковых систем, региональных разработок, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений в сфере ИКТ. В первую очередь такие инструменты позволяют эффективно пресекать наиболее опасные посягательства, среди которых: незаконный оборот наркотических средств, оружия, торговля людьми, распространение детской порнографии, преступления террористической направленности.

Важно отметить, что проблеме формирования международных механизмов по борьбе с киберпреступностью и обеспечению стабильности в информационной сфере было посвящено заседание Совета Безопасности РФ. В своем выступлении заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев справедливо отметил: «Цифровую среду активно используют международные террористы, организованная преступность. Распространена практика создания хакерами межнациональных группировок. Их участники могут находиться на территории разных континентов, что создает серьезные трудности в расследовании компьютерных преступлений» [1]. Также в ходе заседания необходимость рассмотрения основных аспектов развития и совершенствования правового регулирования в данном направлении была отмечена руководителями органов государственной власти, профильных министерств и ведомств.

В современном контексте следует уточнить, что Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утв. Президентом РФ 30 мая 2018 г. [2], среди прочих целей предусматривает снижение уровня террористической угрозы и экстремистских проявлений в обществе, обеспечение законности и прозрачности деятельности некоммерческих организаций. Не секрет, что финансирование террористической деятельности, распространение террористической идеологии, вербовка последователей различных радикальных течений зачастую происходят с использованием информационно-коммуникационных средств. Таким образом, в современных реалиях цифровизации разработка и внедрение технических комплексов, помогающих выявлять и фиксировать преступления, совершенные с использованием ИКТ, значительно повышают эффективность работы правоохранительной системы в данном направлении.

Важнейшее значение в рассматриваемом вопросе представляет организация взаимодействия на уровне профильных министерств и ведомств. Сотрудники СК России принимают участие в деятельности межведомственных рабочих групп и тематических совещаний, в рамках которых рассматриваются вопросы актуализации нормативной и методической базы по

противодействию преступлениям в сфере ИКТ. Особое внимание в коллективной работе уделяется вопросам расширения использования в практической деятельности автоматизированных поисковых систем, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений в сфере ИКТ.

В частности, сотрудниками центрального аппарата ведомства на постоянной основе применяется сервис Росфинмониторинга для отслеживания операций с криптовалютой «Прозрачный блокчейн», возможности которого используются для установления цифровых транзакций по уголовным делам и деанонимизации пользователей.

В то же время существующая активность правоохранительного блока в сегменте повышения оперативности и эффективности извлечения электронно-цифровых следов при работе с открытыми источниками информации в сети Интернет представляется недостаточной и требующей корректировки.

Так, в настоящее время сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, осведомлены о постоянно изменяющихся возможностях получения оперативной и следственно значимой информации, позволяющей в сжатые сроки идентифицировать фигурантов уголовных дел и лиц, обладающих ценными сведениями, в том числе находящимися за пределами нашего государства.

В связи с изложенным представляется необходимым проработать вопрос создания криминалистической системы, позволяющей идентифицировать пользователей сети Интернет по электронно-цифровым следам, обеспечив допуск 24/7 к такой системе представителей всех правоохранительных органов.

Одновременно с этим стоит отметить тенденцию к повышению законодательных мер по защите национальных интересов Российской Федерации в вопросах противодействия финансированию терроризма как одной из разновидностей преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. 10 января 2021 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3], которые усиливают контроль за операциями с денежными средствами. Так, информация о снятии или зачислении наличных на сумму свыше 600 тыс. руб. теперь будет передаваться в Росфинмониторинг [4, с. 9–14].

Важное значение в деятельности Следственного комитета приобрело содействие в пределах компетенции формированию системы международной информационной безопасности (далее – МИБ), направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности. Данная деятельность осуществляется в соответствии с Доктриной инфор-

мационной безопасности, утв. указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [5], и Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, утв. указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 [6]. Преступления, совершаемые с использованием ИКТ, имеют глобальный характер и элементы транснациональности, что делает международное сотрудничество ключевым фактором принятия эффективных мер противодействия.

В настоящее время наиболее широким по числу участников международным документом в рассматриваемой области является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. (Будапештская конвенция) [7]. Однако Российская Федерация в этом договоре не участвует.

Таким образом, Россия не имеет специального договора с ведущими в области ИКТ зарубежными странами о борьбе с компьютерными преступлениями. Правовая помощь по уголовным делам о них запрашивается и оказывается Россией в рамках универсальных, региональных общеуголовных международных соглашений, таких как Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. [8] и Дополнительные протоколы к ней, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [9], двусторонних договоров о правовой помощи и правовых отношениях, имеющих обязательный характер резолюций Совета Безопасности ООН и на основе принципа взаимности. Также ряд договоров о сотрудничестве в указанной области заключен с государствами – членами СНГ, а также в рамках ОДКБ.

Перспективным представляется развитие международного партнерства, в частности, в рамках Соглашения между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. [10]. В числе основных направлений взаимодействия в документе названы противодействие угрозам использования ИКТ в террористических целях и противодействие информационной преступности. В то же время существующее несовершенство международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование эффективной системы МИБ.

Стоит отметить, что в сфере уголовного судопроизводства в контексте обеспечения МИБ особую значимость имеет не только выработка единого алгоритма информационного взаимодействия правоохранительных и судебных органов, но и гармонизация

уголовного и уголовно-процессуального законодательства государств.

На фоне имеющихся вопросов технического характера (например, при производстве предварительного расследования требуется извлечение данных, находящихся в электронных устройствах и облачных сервисах, получение сведений, скрытых посредством сетевых технологий, обеспечивающих анонимность в сети Интернет, при отсутствии единого стандарта хранения цифровых данных провайдерами и операторами связи, а также единого на международном уровне порядка предоставления услуг связи и доступа в сеть Интернет и связанной с этим необходимости «деанонимизации» (раскрытия личности) владельца или пользователя сервиса цифровых услуг) и вопросов сохранности, оперативного изъятия и передачи цифровых данных ключевой проблемой на этом этапе является отсутствие полноценной международно-правовой базы, регулирующей деятельность государств в сфере использования ИКТ.

Законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации не предусматривают возможности непосредственного доступа иностранных правоохранительных и судебных органов с какими-либо запросами (включая просьбы о сохранении (бронировании) данных, добровольном раскрытии информации в чрезвычайных ситуациях, в том числе с согласия пользователя) к российским поставщикам ИКТ-услуг – так называемого асимметричного (диагонального) сотрудничества, относя такие контакты исключительно к компетенции российских органов. При этом требуемая срочность запроса должна обеспечиваться межведомственными коммуникационными сетями 24/7.

В этой связи актуальным видится сосредоточение внимания на имеющемся переговорном механизме ООН, направленном на скорейшее принятие согласованных мер по снижению угроз в сфере информационной безопасности и продолжение работы по МИБ в рамках российской инициативы – Рабочей группы ООН открытого состава. Механизм указанной группы, предполагающий открытый характер обмена мнениями экспертов по данной проблематике, также предоставляет возможность выработки конкретных практических решений вплоть до полномасштабных конвенций и договоров.

Необходимо отметить актуальную проблему, связанную с исполнением запросов о правовой помощи, в том числе по уголовным делам в сфере информационно-коммуникационных технологий, а именно сроки исполнения таких запросов, которые могут составлять от одного до двух лет.

К задачам по совершенствованию международного сотрудничества в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ, можно отнес-

ти определение на международном уровне единой классификации компьютерных преступлений и рекомендации государствам по криминализации деяний в данной сфере в национальных законодательствах. Важное значение имеют развитие и совершенствование не только процесса получения, оценки и использования электронных доказательств, но и электронных каналов сношений с зарубежными партнерами, обеспечение юридически значимого международного электронного документооборота.

Например, во время пандемии коронавирусной инфекции из логистических и санитарных соображений центральные органы по вопросам правовой помощи и правовых отношений по уголовным делам многих государств мира уведомили о своем временном переходе на работу с исходящей и входящей корреспонденцией исключительно в безбумажной форме, а также об отложении исполнения многих запросов.

С рядом стран было приостановлено международное почтовое сообщение, например, «Почта России» заблокировала прием отправлений, адресованных в государства, которые временно прекратили обработку входящей и исходящей международной почты.

Также необходимо отметить, что выявление, пресечение, расследование и предотвращение преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, требует серьезных специальных познаний от следователей, сотрудников, осуществляющих оперативное сопровождение, и вовлеченных экспертов.

По этой причине огромное значение приобретает непрерывный процесс изучения достижений науки и техники, а также вопросы обеспечения качественного обучения с целью актуализации компетенций специалистов. В связи с этим Следственным комитетом на постоянной основе проводятся научно-практические мероприятия, носящие межведомственный и международный характер, осуществляется подготовка научных и учебных изданий в сфере противодействия анализируемой категории преступлений. Например, Санкт-Петербургская академия ведомства ежегодно выступает инициатором и организатором научно-практических конференций с участием представителей стран – участниц СНГ, Международной полицейской ассоциации и др.

Также проводятся круглые столы для компетентных органов иностранных государств, например, по теме «Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов» с участием представителей Академии правоохранительных органов Республики Казахстан, Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан.

В целях повышения профессионального уровня сотрудников ведомства разработаны специализированные учебные программы, например «Расследование преступлений в сфере информационных, телекоммуникационных и высоких технологий», «Расследование преступлений, совершенных с использованием цифровой валюты и цифровых финансовых активов». К реализации таких программ привлекаются лучшие российские эксперты, имеющие опыт работы в сфере ИКТ и владеющие передовыми практиками, в том числе представители Росфинмониторинга, Банка России и др.

Вместе с тем представляется, что применительно ко всем правоохранительным органам процесс обучения, повышения квалификации и обмена передовыми достижениями, в том числе с компетентными органами зарубежных партнеров, в области борьбы с постоянно обновляющимися способами совершения преступлений с использованием ИКТ носит недостаточно систематизированный характер и требует корректировки.

Кроме того, сотрудники ведомства принимают участие в деятельности ряда многосторонних и двусторонних международных площадок по урегулированию проблемных аспектов в анализируемой сфере.

Так, в 2021 г. представители Следственного комитета вошли в состав делегаций, участвовавших в российско-нидерландских и российско-иранских межведомственных консультациях по информационной безопасности, очередном заседании российско-французской рабочей группы межведомственного стратегического диалога по кибербезопасности и т.д.

С учетом изложенного, в целях выработки мер, направленных на дальнейшее формирование международных механизмов по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ, и обеспечения стабильности в информационной сфере представляется необходимым выполнить следующее:

1) продолжить работу по продвижению и поддержке российского проекта универсальной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, принятие которого придаст импульс как развитию международных отношений в указанной сфере, так и модернизации законодательства РФ, регулирующего цифровые отношения.

Одновременно необходимо интенсифицировать работу по гармонизации российского законодательства в обозначенной области с учетом положений

проекта вышеуказанной конвенции. При этом целесообразно классифицировать виды правонарушений и преступлений с определением критериев их отнесения к совершаемым с использованием ИКТ.

Следует акцентировать внимание на продолжении выработки единой терминологии в указанной области, отграничении термина «киберпреступления» как частного по отношению к используемому в российском проекте конвенции и национальным экспертным сообществом понятию «преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий»;

2) проработать вопрос о создании единой криминалистической системы идентификации пользователей сети Интернет по электронно-цифровым следам, которые остаются в результате посещения сайтов и использования онлайн-сервисов. Внедрение такой системы упростит и ускорит процедуру поиска и идентификации лиц, совершающих противоправные деяния с использованием ИКТ;

3) изучить потребность во введении постоянно действующих программ подготовки и непрерывного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ, а также механизмов по обмену передовым опытом в указанной сфере с компетентными органами иностранных государств – партнеров Российской Федерации.

Для реализации указанных предложений могут быть привлечены Следственный комитет РФ, ФСБ России, МВД России, а также Генеральная прокуратура РФ, Минцифры России и другие заинтересованные органы, при этом сроки выполнения следует определить после концептуального одобрения и межведомственного согласования обозначенных инициатив.

Уверен, что реализация озвученных задач наряду с совершенствованием мер по повышению эффективности международного сотрудничества с государствами – членами ОДКБ в борьбе с киберпреступностью, укрепление оперативно-технического сотрудничества с зарубежными государствами при расследовании киберпреступлений, формирование и укрепление института электронных доказательств и выстраивание высокоэффективной системы взаимодействия между правоохранительными органами и органами исполнительной власти позволят своевременно реагировать на вновь возникающие вызовы и угрозы.

Пристатейный библиографический список

1. Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев провел совещание по вопросу «О формировании международных механизмов по борьбе с киберпреступностью и обеспечения стабильности в информационной сфере» // Совет Безопасности Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3191/> (дата обращения: 07.04.2022).

2. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 30 мая 2018 г. // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 07.04.2022).
3. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс»
4. *Бастрыкин А. И.* О практике выявления и расследования следственными органами СК РФ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 7.
5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) (вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вместе с перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков) (заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Deputy Chairman of the Security Council of the Russian Federation Dmitry Medvedev Held a Meeting on the Issue “On the Formation of International Mechanisms to Combat Cybercrime and Ensure Stability in the Information Sphere”. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3191/> (date of the application: 07.04.2022).
2. Concept of Development of the National System for Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism of 30 May 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (date of the application: 07.04.2022).
3. Federal Law of 7 August 2001 No. 115-FZ “On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism” (SPS “ConsultantPlus”).
4. *Bastrykin A. I.* On the Practice of Detection and Investigation by the Investigative Bodies of the RF IC of the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism. *Lex Russica*. 2021. Vol. 74. No. 7.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 5 December 2016 No. 646 “On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).
6. Decree of the President of the Russian Federation of 12 April 2021 No. 213 “On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of International Information Security” (SPS “ConsultantPlus”).
7. Convention on Crime in the Field of Computer Information (ETS No. 185) (concluded in Budapest on 23 November 2001) (SPS “ConsultantPlus”).
8. European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters (concluded in Strasbourg on 20 April 1959) (SPS “ConsultantPlus”).
9. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases (concluded in Minsk on 22 January 1993) (entered into force on 19 May 1994, for the Russian Federation on 10 December 1994) (SPS “ConsultantPlus”).
10. Agreement Between the Governments of the Shanghai Cooperation Organization Member States on Cooperation in the Field of International Information Security (together with Lists of Basic Concepts and Types of Threats, Their Sources and Signs) (concluded in Yekaterinburg on 16 June 2009) (SPS “ConsultantPlus”).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УМЫСЛА, ГРУБОЙ И ПРОСТОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-95-100>

В практике применения гражданского права имеются затруднения в определении границ между умыслом, грубой и простой неосторожностью, в результате чего необоснованно расширяется сфера судейского усмотрения. Цель настоящего исследования – определить критерии, по которым разграничиваются формы вины в гражданском праве. Методологическая основа: материалистическая диалектика, которая позволяет применить к цивилистическому исследованию категорию вероятности, нормальное распределение, принцип наименьшего действия (экономия природы). Результаты: выявлено, что лицо действует умышленно, если результат его поведения сильно отклоняется от среднестатистического, т.е. выходит за пределы нормального распределения (распределения Гаусса), примененного к статистически среднему значению показателя, который характеризует поведение лица и находится в сфере его контроля. Данный подход применялся в американских судах не позднее 1970 г. Область неосторожной вины лежит в диапазоне между минимально необходимыми мерами предосторожности (так определяется граница между невиновным поведением и грубой неосторожностью) и максимально возможными мерами (так определяется граница между простой неосторожностью и случаем). Средняя мера осторожности отграничивает простую и грубую неосторожность и определяется как половинная (50/50) вероятность неблагоприятного исхода поведения. Объективная равновероятность исходов поведения означает простую неосторожность. Выводы: вина может быть определена с помощью измеряемых количественных показателей в ходе судебной экспертизы.

КРЫСОВ

Олег Валерьевич

соискатель степени кандидата юридических наук Саратовской государственной юридической академии, юрист адвокатского бюро «Жаров Группа» (г. Москва)
femida43@mail.ru.

**Умысел;
неосторожность;
нормальное распределение;
вероятность;
экономия природы**

Oleg V. KRYSOV

PhD Candidate, Saratov State Law Academy, Lawyer at the Zharov Group Law Office (Moscow)

femida43@mail.ru.

THE DISTINCTION BETWEEN INTENT, GROSS AND SIMPLE NEGLIGENCE

**Intent;
negligence;
normal distribution;
probability;
economy of nature**

Background: in the practice of application of civil law there are difficulties in determining the boundaries between intent, gross and simple negligence, resulting in an unjustified expansion of the scope of judicial discretion. Objective: to determine the criteria by which to distinguish the forms of guilt in civil law. Methodology: materialistic dialectics, which allows to apply the category of probability, normal distribution, the principle of least action (economy of nature) to civil law research. Results: it is revealed that a person acts intentionally if the result of his behavior strongly deviates from the statistical average, i.e. goes beyond the normal distribution (Gauss distribution), applied to the statistically average value of the indicator, which characterizes the behavior of the person and is within his control. This approach was applied in American courts no later than 1970. The area of negligent guilt lies in the range between the minimally necessary precautions (this is how the boundary between innocent conduct and gross negligence is defined) and the maximum possible measures (this is how the boundary between simple negligence and accident is defined). The average measure of care distinguishes between simple and gross negligence and is defined as half (50/50) the probability of an unfavorable behavioral outcome. Objective equal probability of behavioral outcomes means simple carelessness. Conclusions: guilt can be determined using measurable quantitative measures during forensic examination.

В практике применения гражданского права отмечаются определенные трудности при разграничении форм вины [1, с. 1299, 1308], которые приводят к необоснованному расширению сферы судейского усмотрения, а также затрудняют прогноз результатов судебного спора.

Между тем американские суды не позднее 1970 г. определяли умысел с помощью математической экспертизы, которая сравнивала поведение лица с тем, насколько оно удалено от нормального распределения (распределения Гаусса), примененного к статистически среднему значению показателя, который характеризует поведение такого лица и находится в сфере его контроля.

Так, профессор Воронежского государственного университета А. С. Кравец, исследуя философские аспекты вероятности, описывает «забавный случай, произошедший с одной американской фирмой, делавшей закупки яиц. Представители фирмы заметили, что один из поставщиков сдавал более мелкие яйца. Фирма предъявила претензии поставщику, однако тот решительно отрицал всякое умышленное нарушение контракта. Спор решили математики. Согласно закону больших чисел множество яиц должно было бы быть распределено по нормальному закону. Однако эмпирически было обнаружено резкое отклонение от этого статистического распределения. Значит, явно действовал жестко детерминированный фактор: умышленный отбор более крупных яиц» [2, с. 177].

Нормальное распределение представляет собой математически обоснованный расчет отклонений от статистически средней величины. Его график имеет колоколообразную форму и показывает вероятность отклонения таким образом, что чем отклонение больше, тем реже оно происходит. Такое распределение встречается наиболее часто [2, с. 149; 3, с. 427], поэтому оно воспринимается как «великий принцип, царящий над родом человеческим» [4, с. 38–39]. В связи с этим оно может быть использовано для нужд гражданского права – определения отклонений в поведении участников оборота от статистически средних величин.

Таким образом, граница между умыслом и грубой неосторожностью проходит по крайним значениям нормального распределения (распределения Гаусса), примененного к среднему значению показателя, который характеризует поведение участника оборота, находится в сфере его контроля и имеет юридическое значение по делу.

Прежде чем перейти к определению границ между грубой и простой неосторожностью, определим общую область неосторожной формы вины. Она простирается между минимально необходимыми и максимально возможными мерами осторожности, т.е. между крайними значениями человеческих усилий.

В литературе по гражданскому праву справедливо отмечают, что в случае сомнения в форме вины предполагается грубая неосторожность [1, с. 1299], которая означает несоблюдение минимальных мер осмотрительности [5, с. 108; 6, с. 146]. Данная презумпция может быть обоснована с помощью экономии природы и энтропии.

Экономия природы, или принцип наименьшего действия, означает, что природа «действует наиболее легкими и доступными путями» [7, с. 7], «во всех своих творениях употребляет наименьшее возможное количество действия» [8, с. 56]. По-видимому, этот принцип занимает в философии науки столь же высокое положение, что и учение о симметрии, или еще выше. Так, Макс Планк считал, что принцип наименьшего действия более всего приближает нас к цели найти «единый простой принцип, который охватывал бы все наблюдаемые и доступные наблюдению явления природы и дал бы возможность вычислить на основании известных фактов прошедшие и в особенности будущие события» [9, с. 85]. Ричард Фейнман доказал его тождество с принципом наибольшей вероятности [10, с. 158].

Принцип наименьшего действия справедлив как для живой, так и для неживой природы, поэтому выступает в роли физической, биологической и социальной нормы. Следование этому принципу естественно для природы человека и человеческого общежития, поэтому не может быть поставлено ему в вину в большинстве практических ситуаций. Наоборот, вина будет там, где приложены не минимальные, а избыточные усилия и поэтому лицо не достигло должной цели (действовало не рационально, шло длинным путем, а не коротким и т.д.). Повышенные же меры осторожности являются исключениями для отдельных сфер человеческой деятельности и не могут быть приняты в качестве общего правила.

Поскольку грубая неосторожность – это несоблюдение минимальной осторожности, а согласно принципу наименьшего действия участники социальных отношений проявляют именно минимальные усилия, получается общий вывод: отступление от обычного поведения предполагает грубую неосторожность.

Этот же самый стандарт невинного поведения (минимум осторожности) может быть доказан с помощью энтропии. Говоря коротко, энтропия представляет собой физическую величину – меру неравновесности состояния, при том что чем выше энтропия состояния, тем ближе оно к равновесию [11, с. 88]. Во всех естественных процессах энтропия непрерывно возрастает [12, с. 62]. Как отмечает П. Шамбадаль, «энтропия быстро перешагнула границы физики и проникла в самые сокровенные области человеческой мысли» [13, с. 247]. Так, в XX в. физики установили, что «возрастанию информации соответствует умень-

шение энтропии, и наоборот, уменьшению информации отвечает увеличение энтропии» [14, с. 139], т.е. «информация и энтропия изменяются в противоположных направлениях» [13, с. 184]. Поскольку равновесие – это симметрия, можно сказать, что «более симметричному состоянию соответствует меньшая информация» [14, с. 187].

Применяя выявленные закономерности к поведению сторон обязательства (а связь кредитора и должника можно понимать как систему, состоящую из субъектов, объектов и норм, которая также стремится к равновесию), получим общий вывод: в ситуации равновесия (до нарушения прав) участники обязательства действуют с минимумом количества информации, а после нарушения баланс их взаимных положений нарушается, вместе с тем возрастает количество информации, с учетом которой эти участники действуют. До нарушения прав сторона действует с минимальным количеством информации, а значит, и с минимальной осмотрительностью – свойством «думать вперед» [15, с. 1276].

Итак, одна граница общей области неосторожности – граница грубой неосторожности проходит через минимально необходимые усилия. Противоположная граница этой же общей области, разделяющая случайное причинение и причинение при простой неосторожности, симметрично проходит через максимально возможные усилия. Я. А. Канторович пишет, что случай является таким событием, которое не могло быть предвидено и предотвращено, «несмотря на все меры предосторожности, которые требовались и возможны были для данного лица при данных обстоятельствах» [16, с. 140]. Таким образом, вся область неосторожности простирается внутри диапазона, очерченного минимальными и максимальными усилиями лица.

Интуитивно ясно, что грубая и простая неосторожность разделяются по линии средних усилий. Эта гипотеза может быть подтверждена с помощью учения о вероятности, а также диалектической взаимосвязи категорий случайного и необходимого.

Доктора юридических наук Я. М. Магазинер и В. А. Ойгензихт пишут, что случай стремится к нулевой вероятности, а необходимость – к стопроцентной, или единице [17, с. 71–72; 18, с. 361].

Этот же самый подход может быть применен для определения вины: если от случайного до необходимого расположен весь спектр вероятностей, то внутри этого спектра можно разместить явления, которые зависят от волевого поведения стороны и относительно которых точно неизвестно, наступят они или нет (более или менее вероятные явления). Вероятность неблагоприятного исхода собственного поведения находится между случайным (приближающимся к нулю) и необходимым (приближающимся

к единице) следствием. Поскольку вероятность является количественной мерой возможного, то вина может быть измерена как вероятность неблагоприятного исхода поведения.

Это позволяет перейти от качественного описания вины к количественному описанию вероятности, которая может быть определена математически с помощью судебной экспертизы специалистами в области статистики, математики, психологии, теории принятия решений. Такой переход сам по себе желателен, потому что, по словам П. Эткинса, «если понятия и основанные на них законы обрели математическую формулировку, то следствия из них можно извлечь вполне рациональным, систематическим путем», следовательно, «развитие любой науки характеризуется тем, что она все более переходит от качественного описания к количественному» [19, с. 38].

Говоря о вероятности как способе количественного измерения вины, мы имеем в виду только объективную вероятность: *классическую*, под которой понимается равновероятность будущего при симметричных явлениях настоящего [20, с. 142], и *частотную* – «среднюю частоту данного события при повторении одинаковых условий» [21, с. 43]. Предметом судебной экспертизы не может быть *субъективная* вероятность, под которой поднимают «степень уверенности (degree of belief) идеального, то есть рационального лица» [22, с. 145], а также *логическая* вероятность – «логическое отношение между предложением, описывающим эмпирические данные (или множеством таких предложений), и предложением, выступающим в роли заключения» [23, с. 81].

Если событие единично и у него нет частоты, то для определения его вероятности надо возвести это событие к ближайшему референтному классу – более широкому кругу событий, о котором имеется информация. Чем уже референтный класс, тем точнее можно определить вероятность индивидуального события. Данный подход ввел в логику «наиболее радикальный приверженец частотной интерпретации» вероятности Ганс Райхенбах [23, с. 113; 24, с. 374].

В контексте обсуждения вероятности вина может быть определена следующим образом:

а) больше нуля будет практически пренебрежимая вероятность, которая соответствует случаю.

По поводу нее А. С. Кравец писал, что «в статистике приходят к «принципу практической невозможности маловероятных событий» или «принципу практической уверенности», согласно которому события очень маловероятные можно считать практически невозможными, а события с вероятностью, близкой к единице, – необходимыми» [2, с. 157];

б) простая неосторожность – сведений об условиях, в которых проявляется действующая причина, так мало, что для предотвращения неблагоприятного

исхода требуется затратить *максимум* усилий, чтобы заблокировать действие большого числа потенциально возможных условий проявления будущей действующей причины;

в) грубая неосторожность – сведений об этих условиях больше, усилий по их блокированию требуется меньше – *минимум усилий*, который соответствует принципу наименьшего действия;

д) умысел – лицо знает, что последствия наступят с необходимостью (вероятностью, приближающейся к единице).

Как можно заметить, предложенная классификация частично связана с условиями, в которых действует лицо, равновесным или неравновесным состоянием среды, которое зависит от этих условий. Под неравновесным состоянием среды здесь понимается любая ситуация, при которой «малые причины порождают большие следствия» [25, с. 166–167]. Эти вопросы в основном касаются случайного причинения, а поэтому подробно не рассматриваются нами в данной статье.

Л. В. Тарасов пишет: «...симметрия действует в направлении *ограничения числа возможных вариантов структур, вариантов поведения*. Очевидно, что необходимость действует в том же направлении. С другой стороны, асимметрия действует в направлении увеличения числа возможных вариантов. В этом же направлении действует и случайность», «значит можно говорить о следующей расстановке сил. На одной стороне симметрия и необходимость. На другой – асимметрия и случайность» [14, с. 188].

Из этого следует, что неправомерное поведение в неравновесном состоянии среды более извинительно, потому что каждый вариант поведения имеет малую вероятность благоприятного исхода. И наоборот, неправомерное поведение в равновесном состоянии среды менее извинительно, поскольку каждый вариант поведения имеет большую вероятность благоприятного исхода.

Итак, критерием для разграничения различных форм вины, а также для разграничения виновного и случайного причинения может быть вероятность неблагоприятного исхода поведения, обусловленная равновесным или неравновесным состоянием среды.

Теперь мы попытаемся обосновать ранее высказанную гипотезу о том, что граница грубой и простой неосторожности проходит по средним мерам осмотрительности.

Якоб Бернулли (1654–1705), чье «Искусство предположений» воспринимается теперь как начало настоящей истории теории вероятности [26, с. 4], пишет: «...по обычному словоупотреблению, *вероятным* называется только то, чего вероятность заметно превосходит половину достоверности. Я говорю *заметно*, ибо вещь, вероятность которой приблизительно равна половине достоверности, называется сомнительной или неопределенной» [26, с. 24].

Поскольку Я. Бернулли считал половинную вероятность незначительной, мы также можем отталкиваться от этих цифр и считать незначительной половинную вероятность. Получается, что грубая неосторожность начинается после минимальных усилий, простая неосторожность оканчивается максимальными усилиями, а между ними – половинная вероятность неблагоприятного исхода, средняя мера осмотрительности.

Как можно заметить, объективная равновероятность относится к простой неосторожности потому, что 50 – это последняя цифра пятого десятка, а не начало шестого, т.е. она ближе к случайности, чем к необходимости (умыслу).

Преимуществом предложенного подхода является то, что умысел, грубая и простая неосторожность могут быть определены в судебной экспертизе при помощи распределения Гаусса, исчисления объективной вероятности массовых и единичных событий, максимальных, средних и минимально необходимых усилий по предотвращению нарушения.

Пристатейный библиографический список

1. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.
2. *Кравец А. С.* Вероятность и системы. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1970.
3. *Пуанкаре А.* О науке / пер. с фр. ; под ред. Л. С. Понtryгина. 2-е изд., стер. М. : Наука, 1990.
4. *Купцов В. И.* Детерминизм и вероятность. М. : Политиздат, 1976.
5. *Варшавский К. М.* Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
6. *Иоффе О. С.* Значение вины в советском гражданском праве // Ученые записки ЛГУ. 1951. № 129.
7. *Ферма П.* Синтез для рефракции // Вариационные принципы механики : сборник статей. М. : Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1959.

8. *Эйлер Л.* Соображения по поводу некоторых общих законов природы, которые наблюдаются в действии любых сил // Вариационные принципы механики : сборник статей. М. : Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1959.
9. *Планк М.* Единство физической картины мира. М. : Наука, 1966.
10. *Мякишев Г. Я.* Динамические и статистические закономерности в физике. М. : Наука, 1973.
11. *Докукин М. Ю.* Концепции современного естествознания : учебное пособие. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2010.
12. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения / под общ. ред. и с послесл. С. Г. Суворова. М. : Изд-во иностр. лит., 1963.
13. *Шамбадаль П.* Развитие и приложения понятия энтропии. М. : Наука, 1967.
14. *Тарасов Л. В.* Мир, построенный на вероятности : Книга для учащихся. М. : Просвещение, 1984.
15. *Даль О. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М. : Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865.
16. *Канторович Я. А.* Война и исполнение обязательств // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2-3.
17. *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. (Часть общая.) Душанбе : Ирфон, 1972.
18. *Магазинер М. Я.* Советское хозяйственное право. Л. : Касса взаимопомощи студентов Ленингр. ин-та нар. хоз-ва им. Фр. Энгельса, 1928.
19. *Эткинс П. У.* Порядок и беспорядок в природе. М. : Мир, 1987.
20. *Вейль Г.* Симметрия. М. : Наука, 1968.
21. *Паули В.* Вероятность и физика / *Паули В.* Физические очерки : сборник статей. М. : Наука, 1975.
22. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М. : Прогресс, 1979.
23. *Кайберг Г.* Вероятность и индуктивная логика. М. : Прогресс, 1978.
24. *Reichenbach H.* The Theory of Probability. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1949.
25. *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М. : Изд-во иностр. лит., 1962.
26. *Бернулли Я.* О законе больших чисел. М. : Наука, 1986.

References

1. *Karapetov A. G. (ed.).* Change of Persons in Obligation and Responsibility for Breach of Obligation: Comments to Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Revision 2.0]. Moscow: M-Logos, 2022.
2. *Kravets A. S.* Probability and Systems. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1970.
3. *Poincaré A.; Pontriagin L. S. (ed.).* On Science. Moscow: Nauka, 1990.
4. *Kuptsov V. I.* Determinism and Probability. Moscow: Politizdat, 1976.
5. *Varshavskii K. M.* Obligations Arising as a Consequence of Inflicting Another Harm. Moscow: Legal Publishing House of RSFSR, 1929.
6. *Ioffe O. S.* Meaning of Guilt in Soviet Civil Law. *Scientific Notes of Leningrad State University.* 1951. No. 129.
7. *Fermat P.* Synthesis for Refraction. In Variation Principles of Mechanics: Collection of Articles. Moscow: State Publishing House of Physical and Mathematical Literature, 1959.
8. *Euler L.* Considerations on Some General Laws of Nature Which Are Observed in the Action of Any Forces. In Variation Principles of Mechanics: Collection of Articles. Moscow: State Publishing House of Physical and Mathematical Literature, 1959.
9. *Plank M.* The Unity of the Physical Picture of the World. Moscow: Nauka, 1966.
10. *Miakishhev G. Ia.* Dynamic and Statistical Laws in Physics. Moscow: Nauka, 1973.
11. *Dokukin M. Iu.* Concepts of Modern Natural Science: A Training Manual. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publishing House, 2010.
12. *Born M.; Suvorov S. G. (ed.).* Physics in the Life of My Generation. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1963.
13. *Shambadal P.* Development and Applications of the Concept of Entropy. Moscow: Nauka, 1967.
14. *Tarasov L. V.* A World Built on Probability: A Book for Students. Moscow: Education, 1984.
15. *Dal O. I.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part 2. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages Printing House, 1865.
16. *Kantorovich Ia. A.* War and Fulfillment of Obligations. *Journal of the Ministry of Justice.* 1917. No. 2-3.
17. *Oigenzicht V. A.* The Problem of Risk in Civil Law. (General Part.) Dushanbe: Irfon, 1972.
18. *Magaziner M. Ia.* Soviet Economic Law. Leningrad: Cash Desk for Mutual Assistance of Students of the F. Engels Leningrad Institute of National Economy, 1928.

19. *Atkins P. U.* Order and Disorder in Nature. Moscow: Mir, 1987.
20. *Weil G.* Symmetry. Moscow: Nauka, 1968.
21. *Pauli V.* Probability and Physics. In *Pauli V.* Physical Essays: Collection of Articles. Moscow: Nauka, 1975.
22. *Kozeletskii Iu.* Psychological Theory of Decisions. Moscow: Progress, 1979.
23. *Kaiberg G.* Probability and Inductive Logic. Moscow: Progress, 1978.
24. *Reichembach H.* The Theory of Probability. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949.
25. *Bunge M.* Causality. The Place of the Principle of Causality in Modern Science. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1962.
26. *Bernoulli J.* On the Law of Large Numbers. Moscow: Nauka, 1986.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ВЕДЕНИИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-101-107>

Актуальность изучения представленной проблемы территориального планирования войск, обеспечивающих внутреннюю безопасность государства в советский период, вызвана необходимостью исследования такого опыта в целях совершенствования правового регулирования территориального планирования военных объектов, находящихся в ведении войск национальной гвардии Российской Федерации, в условиях современной внешнеполитической обстановки и проведения специальной военной операции. Советский период наиболее ярко показывает неотделимость эффективного правового регулирования территориального планирования с развитием государства и обеспечением его безопасности. Накопленный теоретический и практический опыт правового регулирования территориального планирования, в том числе объектов обороны и безопасности, свидетельствует о необходимости его изучения и применения в целях совершенствования существующего законодательства, регулирующего данную сферу. В связи с этим предметом статьи является исследование некоторых теоретических и практических аспектов правового регулирования территориального планирования военных объектов, находящихся в ведении войск национальной гвардии Российской Федерации, с учетом имеющегося советского опыта. Цель настоящей статьи состоит в совершенствовании правового регулирования рассматриваемой области. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: диалектики, анализа, синтеза, сравнения, аналогии, а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой. В статье показаны первые признаки территориального планирования войск, обеспечивающих внутреннюю безопасность государства в советский период, особенности размещения их последователей на примере объектов войск национальной гвардии Российской Федерации, а также предложены пути совершенствования правового регулирования указанных объектов. Полученные результаты и выводы могут использоваться в исследованиях, законотворческой и правоприменительной деятельности.

**НИКОНОВ
Дмитрий Анатольевич**

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Москва)

**РОДИН
Андрей Вячеславович**

адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Москва)
rodinav1102@gmail.com

**Объекты обороны и безопасности;
территориальное планирование;
категория земель;
целевое назначение земельных участков;
войска внутренней охраны Республики;
войска национальной гвардии**

Dmitry A. NIKONOV

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation (Moscow)

ON SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE TERRITORIAL PLANNING OF MILITARY FACILITIES UNDER THE JURISDICTION OF THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of studying the presented problem of territorial planning of troops providing internal security of the state in the Soviet period is caused by the need to study such experience in order to improve the legal regulation of.

Andrey V. RODIN

Adjunct, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation (Moscow)
rodinav1102@gmail.com

**Defense and security facilities;
territorial planning;
land category;
purpose of land plots;
internal security troops
of the Republic;
National Guard troops**

territorial planning of military facilities under the jurisdiction of the National Guard troops of the Russian Federation in the conditions of the modern foreign policy situation. The Soviet period most clearly shows the inseparability of effective legal regulation of territorial planning with the development of the state and ensuring its security. The accumulated theoretical and practical experience of legal regulation of territorial planning, including defense and security facilities, indicates the need for its study and application in order to improve the existing legislation regulating this area. In this regard, the subject of the article is the study of some theoretical and practical aspects of the legal regulation of the territorial planning of military facilities under the jurisdiction of the troops of the National Guard of the Russian Federation, taking into account the existing Soviet experience. The purpose of the presented article is to improve the legal regulation of the area under consideration. The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of cognition – dialectics, analysis, synthesis, comparison, analogy, as well as private scientific methods – historical-legal, comparative-legal. The article shows the first signs of territorial planning of troops ensuring the internal security of the state during the Soviet period, the features of the placement of their followers on the example of objects of the National Guard of the Russian Federation, as well as proposals for improving the legal regulation of these objects. The obtained results and conclusions can be used in research, legislative and law enforcement activities

В Советской России впервые основания правового регулирования территориального планирования объектов, выполняющих функции по обеспечению внутренней безопасности, содержались в ведомственных приказах, направленных на территориальное деление государства, в целях размещения войск Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – ВЧК при СНК РСФСР), внутренней охраны Республики и их преемников.

Войска внутренней охраны Республики дислоцировались на территории военных кругов. Положением о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях на территории таких округов формировалось 35 батальонов Корпуса войск ВЧК при СНК РСФСР [1]. В связи с этим для более эффективного управления названными войсками округа разделялись на секторы [2]. Например, объекты войск внутренней охраны Республики дислоцировались в 16 секторах. Количество и содержание секторов изменялись в зависимости от обстановки.

Иным источником правового регулирования территориального планирования рассматриваемых объектов являлись административные акты, направленные на организацию укрепленных районов в военных округах. Трудное экономическое положение страны в 1920-х гг. оказало существенное влияние на выбор не только модели строительства воору-

женных сил, но и принципов размещения объектов обороны и обеспечения безопасности. В 1923 г. была разработана и введена система территориально-милиционного комплектования войск [3, с. 22–34]. Руководством государства был разработан План военного строительства на 1926–1931 годы [4, с. 36–39], который стал предшественником первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Наряду с этим в Советской России приоритетным направлением правового регулирования территориального планирования военных объектов являлось их безопасное размещение. В связи с этим Министерством Вооруженных Сил СССР в 1948 г. было утверждено Основное положение по выбору участков для объектов общевойскового строительства Министерства Вооруженных Сил СССР [5].

Подобные принципы, задачей которых было эффективное территориальное планирование, в советский период закреплялись в Постановлении Центрального Исполнительного Комитета СССР № 91 и Совета Народных Комиссаров СССР № 445 [6], Постановлении Совета Министров СССР № 224 [7], а впоследствии не претерпели значительных изменений и получили отражение в постановлении Правительства РФ [8].

В настоящее время действующее законодательство содержит ряд оснований для строительства объектов недвижимого имущества в целях осуществления полномочий федеральных органов исполнительной власти, обеспечивающих безопасность государства, в том числе за счет изъятия земельных

участков в интересах государства, а также их перевода в иные категории, поскольку необходимость такого перевода продиктована обязательным соответствием категории земли ее фактическому использованию. Реализация указанных полномочий федеральных органов, на что необходимо указать особо, непосредственно связана с территориальным планированием (далее – терпланирование).

При этом, как считают авторы, правовое регулирование терпланирования объектов обороны и безопасности (далее – ОиБ) войск национальной гвардии РФ (далее – войска национальной гвардии, ВНГ РФ) имеет некоторые особенности, прежде всего связанные с потребностью в размещении большинства объектов в населенных пунктах, в том числе в административных центрах.

Такая необходимость связана с выполнением отдельных задач, возложенных на соединения, части и территориальные органы ВНГ РФ Федеральным законом [9], а также предоставлением соответствующих государственных услуг и исполнением функций государственного контроля и надзора.

К задачам, обосновывающим потребность в нахождении объектов ОиБ ВНГ РФ в границах административных центров субъектов государства, а также муниципальных образований, можно отнести:

1) выполнение задач, направленных на обеспечение ВНГ РФ общественной безопасности и в случае необходимости привлечение их к охране общественного порядка;

2) осуществление подразделениями ВНГ РФ деятельности по федеральному государственному контролю (надзору), в том числе за соблюдением законодательства в сфере оборота оружия, в области частной охранной и детективной деятельности.

Эта задача непосредственно связана с предоставлением государственных услуг гражданам и юридическим лицам и осуществлением государственных функций, для которых нормативно-правовыми актами Росгвардии утверждены административные регламенты осуществления федерального государственного контроля (надзора) (например, административный регламент, направленный на осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства России в области оборота оружия [10]);

3) выполнение на договорной основе охраны имущества лиц, а также охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране ВНГ РФ.

В данном случае необходимость размещения органов и подразделений ВНГ РФ непосредственно в населенных пунктах не вызывает сомнений, поскольку именно в населенных пунктах расположено большинство указанных объектов и проживают (находятся) лица, имущество которых охраняется ВНГ РФ.

Таким образом, очевидно, что эффективность и качество выполнения поставленных перед ВНГ РФ задач напрямую зависят от места дислокации их подразделений и органов, в том числе от удаленности от административных центров.

Кроме того, особенность правового регулирования терпланирования объектов ОиБ ВНГ РФ связана с историческими предпосылками создания Росгвардии, выраженными во включении в ее состав подразделений, ранее входивших в систему органов внутренних дел.

В современной России первым и основным государственным актом, являющимся основанием отнесения недвижимого имущества, в том числе и объектов ОиБ, к федеральной собственности, являлось Постановление Верховного Совета РФ [11], которое, как справедливо указывает один из исследователей в области права, требует переработки с учетом изменений, произошедших в системе права государства [12, с. 201].

В настоящее время большая часть органов и подразделений вневедомственной охраны и лицензионно-разрешительной работы ВНГ РФ продолжает размещаться по договорам безвозмездного пользования на объектах недвижимого имущества Министерства внутренних дел РФ, что объективно свидетельствует о потребности дополнительного размещения объектов ОиБ, необходимых для выполнения задач, возложенных на войска национальной гвардии. Отсутствие возможности самостоятельного управления недвижимым имуществом, в котором размещаются органы и подразделения, может негативно сказаться как на дальнейшем развитии всего федерального органа в целом, так и на качестве выполнения возложенных на него задач.

Вместе с тем при обеспечении ВНГ РФ дополнительными объектами ОиБ необходимо учитывать изменения федерального законодательства [13] в части осуществления обязательного земельного надзора со стороны государства за земельными участками, на которых размещаются и планируют размещаться указанные объекты.

Правовым актом Правительства РФ [14], регулирующим вопросы государственного земельного надзора, на Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (ее территориальные органы) возложены полномочия надзора за исполнением требований использования земельных участков без нарушения их целевого назначения. В то же время на федеральные органы исполнительной власти, в том числе Росгвардию, возложена обязанность соблюдения таких требований.

По своей гражданско-правовой природе целевое назначение земельных участков, используемых ВНГ РФ, можно определить как предмет осуществления прав на них. В целом содержание целевого

назначения земельных участков универсально для всех земельных участков независимо от их категории и ведомственной принадлежности. В теоретико-правовом смысле целевое назначение земельного участка раскрывается как законодательно установленные границы действий управомоченных лиц по осуществлению возможностей и содержание указанных прав [15, с. 157], что, по мнению авторов, с точки зрения теории является допустимым.

При этом следует указать, что Е. А. Суханов рассматривает данное понятие как установление на законодательном уровне границ содержания права собственности, которое так или иначе не может не иметь определенных пределов [16]. Г. А. Гаджиев, в отличие от других специалистов, целевое использование рассматривает не как ограничение права на землю, а как определенное их уточнение, иными словами, установление их пределов [17, с. 26].

По нашему мнению, указанные теоретико-правовые тезисы являются достаточно общеупотребительными в юридической литературе. Например, И. А. Иконицкая также отмечала, что целевой характер использования земель направлен в большей части на регулирование земельных отношений, а именно на обеспечение разумного использования земель [18, с. 109]. Данный «посыл» в полной мере можно отнести к земельным участкам, используемым ВНГ РФ для своей деятельности (в том числе для размещения объектов ОиБ).

Таким образом, многообразие интерпретаций понятия целевого характера использования земель связано с отсутствием его четкого законодательного закрепления. На первый взгляд актуальность легального определения понятия невелика, но, как видно из юридической литературы, те или иные исследователи вынуждены излагать понятие целевого назначения земель в разной интерпретации, что может негативно сказаться на системном толковании норм права.

Подобную правовую неопределенность понятийного аппарата в полной мере можно отнести и к содержанию понятий «категория земель», «разрешенное использование земельного участка».

В результате исследования особенностей правового регулирования терпланирования объектов ОиБ ВНГ РФ установлено, что такие объекты в соответствии с Земельным кодексом РФ [19] (далее – ЗК РФ) необходимо размещать на земельных участках, отнесенных к категориям земель, включающим в себя земли обороны и безопасности (далее – земли обороны и безопасности). При этом ст. 85 ЗК РФ допускает в составе земель населенных пунктов наличие территориальной зоны для размещения военных объектов. В результате земельное законодательство устанавливает необходимость приведения зе-

мельных участков, используемых ВНГ РФ и другими военными и правоохранительными государственными органами для выполнения своих функций, к категории земель обороны и безопасности, а также к землям населенных пунктов.

Наряду с этим определенная категория земельных участков, используемых для обеспечения обороны и безопасности, не соответствует категории использования и требует скорейшего перевода в категорию, соответствующую фактическому использованию. К таким земельным участкам, в частности, относятся земли, используемые в служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии для размещения стрельбищ, полигонов, которые нередко находятся на земельных участках, отнесенных к категории земель сельскохозяйственного назначения, что противоречит делению земель по целевому назначению на категории.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 26 Градостроительного кодекса РФ [20] решения о переводе земель или земельных участков из одной категории в другую принимаются на основе документов терпланирования.

Процедура перевода земельных участков из земель, отнесенных к категории сельскохозяйственного назначения, в состав земель обороны и безопасности установлена федеральным законодательством [21] (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ). В целях реализации порядка, установленного Федеральным законом № 172-ФЗ, заинтересованное лицо (например, воинская часть ВНГ РФ или территориальный орган Росгвардии) направляет ходатайство о переводе земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель обороны и безопасности. Содержание такого ходатайства определено Министерством сельского хозяйства РФ [22].

Рассмотрение ходатайства и окончательное принятие по нему решения осуществляются Правительством РФ в отношении земель, находящихся в федеральной собственности, в течение трех месяцев с момента поступления ходатайства. По итогам рассмотрения ходатайства Правительство готовит акт о переводе либо об отказе в переводе земельного участка в необходимую категорию.

По мнению авторов, указанные сроки являются чрезмерными (избыточными), поскольку могут негативно сказаться на выполнении войсками национальной гвардии возложенных на них служебно-боевых задач, в связи с чем представляется целесообразным сократить их. Об этом также высказываются В. Т. Капицкий, О. Н. Оздоева [23, с. 24], Н. М. Симачкова и другие авторы [24, с. 21–25].

При этом Федеральный закон № 172-ФЗ определяет ограничения, в соответствии с которыми не допускается перевод в случае установления несо-

ответствия испрашиваемого целевого назначения земельного участка утвержденным документам терпланирования, что приводит к невозможности издания необходимого акта Правительства РФ. Кроме того, анализ практики подготовки схемы терпланирования в отношении объектов ОиБ очевидно свидетельствует о длительных сроках ее подготовки. Длительность сроков обусловлена наличием обязательных административных процедур, предусмотренных правовым актом Правительства РФ [25]. Примером может являться подготовка схемы в отношении размещения объектов внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, которая была организована в 2013 г. и окончательно завершена лишь в 2015 г.

Таким образом, исследовав особенности правового регулирования территориального планирования объектов ОиБ, используемых ВНГ РФ, можно прийти к выводу о сложности его практической реализации, в том числе в вопросах перевода земельных участков из одной категории в другую, на что дополнительно негативное влияние оказывает отсутствие законодательного закрепления понятийного аппарата в рассматриваемой сфере.

Установленные в настоящее время процедура и требования в отношении земельных участков, необходимых для размещения объектов ОиБ ВНГ РФ, регулируются градостроительным законодательством, которое имеет сложный правовой механизм, не учитывающий потребность в строительстве таких объек-

тов, необходимых для выполнения служебно-боевых задач, в установленные директивные сроки, а также нарушает синхронизацию сроков их размещения.

Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным:

- для выработки оптимального механизма обеспечения внутренней безопасности государства учитывать и исследовать советский опыт терпланирования войск Объединенного государственного политического управления, Народного комиссариата внутренних дел, Министерства внутренних дел СССР;

- внести изменения в ЗК РФ в целях установления содержания понятий «целевое назначение земельных участков», «категория земель», «разрешенное использование земельного участка» и придания им правовой определенности;

- на законодательном уровне закрепить отнесение земельных участков под объектами ОиБ ВНГ РФ (и, возможно, других правоохранительных органов) к землям обороны и безопасности на основании утвержденной документации по планировке территории, причем минуя документы терпланирования, что позволит своевременно принимать решения по строительству и реконструкции таких объектов. При этом учет мнений заинтересованных субъектов в отношении планируемых к переводу земельных участков целесообразно осуществлять непосредственно в процессе подготовки соответствующих распорядительных актов, а также документации по планировке территории.

Пристатейный библиографический список

1. Яковлев И. К. Внутренние войска Советской республики : 1917–1922 гг. : Документы и материалы. М. : Юрид. лит., 1972.
2. Бунин С. В. История внутренних войск МВД России. Т. 2. 2016.
3. Щербаков Ю. В. Военно-политическая обстановка в Европе в 1920–1930-е годы : краткий анализ стратегических планов германского командования по началу агрессии на Советский Союз // Инновации в науке. 2016. № 7 (56).
4. Касьян И. Н. Исторические аспекты строительства оборонительных сооружений в 1920–1930-х годах на западной границе СССР : «Линия Сталина» // *Juvenis Scientia*. 2018. № 4.
5. Основное положение по выбору участков для объектов общевойскового строительства МВС СССР, утв. заместителем начальника тыла Вооруженных Сил СССР от 30 марта 1948 г.
6. Постановление ЦИК СССР № 91, СНК СССР № 445 от 17 марта 1937 г. «О запретных зонах и запретных районах при складах Народного Комиссариата Обороны Союза ССР и Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР».
7. Постановление Совмина СССР от 17 февраля 1988 г. № 224 «Об утверждении Положения по установлению запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах Министерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР».
8. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2014 г. № 405 «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5074.
9. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4159.

10. Приказ Росгвардии от 14 января 2020 г. № 8 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-I «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1261.
12. *Кийко А. Ю.* Частноправовые и публичные начала в гражданско-правовом регулировании государственного имущества в хозяйственном обороте России : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
13. Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4188.
14. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» // СЗ РФ. 2021. № 28 (ч. 1). Ст. 5511.
15. Гражданское право. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М. : БЕК, 1994.
16. Гражданское право : учебник. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2008.
17. «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. № 7.
18. *Иконицкая И.А.* Проблемы эффективности в земельном праве. М. : Наука, 1979.
19. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
20. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
21. Федеральный закон от 21 января 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5276.
22. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 17 мая 2010 г. № 168 «Об описании содержания ходатайства о переводе находящихся в собственности Российской Федерации земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель из земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию и составе прилагаемых к нему документов» // Российская газета. 2010. 16 июля. № 156.
23. *Капицкий В. Т., Оздоева О. Н.* Порядок перевода земель из одной категории в другую // Молодежь и наука. 2014. № 2.
24. *Симачкова Н. М., Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Фатеева Н. Б., Петрова Л. Н.* К проблеме перевода земель и земельных участков из одной категории в другую // Московский экономический журнал. 2020. № 2.
25. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. 1220 «О составе, порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации в области обороны страны и безопасности государства, а также порядке внесения изменений в такую схему» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6865.

References

1. *Iakovlev I. K.* Internal Troops of the Soviet Republic: 1917–1922: Documents and Materials. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1972.
2. *Bunin S. V.* History of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Vol. 2. 2016.
3. *Shcherbakov Iu. V.* The Military-Political Situation in Europe in the 1920s–1930s: A Brief Analysis of the Strategic Plans of the German Command for the Beginning of Aggression Against the Soviet Union. *Innovations in Science*. 2016. No. 7 (56).
4. *Kasian I. N.* Historical Aspects of the Construction of Defensive Structures in the 1920s–1930s on the Western Border of the USSR: “Stalin’s Line”. *Juvenis Scientia*. 2018. No. 4.
5. The Main Provision on the Selection of Sites for Objects of Combined Arms Construction of the USSR Ministry of Internal Affairs, approved by the Deputy Chief of the Rear of the USSR Armed Forces on 30 March 1948.
6. Resolution of the CEC of the USSR No. 91, SNK of the USSR No. 445 of 17 March 1937 “On Forbidden Zones and Forbidden Areas at the Warehouses of the People’s Commissariat of Defense of the USSR and the People’s Commissariat of Internal Affairs of the USSR”.

7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 17 February 1988 No. 224 "On Approval of the Regulations on the Establishment of Restricted Zones and Restricted Areas at Arsenals, Bases and Warehouses of the Ministry of Defense of the USSR, the USSR State Security Committee and the Ministry of Internal Affairs of the USSR".
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 5 May 2014 No. 405 "On the Establishment of Restricted and Other Zones with Special Conditions for the Use of Land to Ensure the Functioning of Military Facilities of the Armed Forces of the Russian Federation, Other Troops, Military Formations and Bodies Performing Tasks in the Field of National Defense". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 32. Art. 5074.
9. Federal Law of 3 July 2016 No. 226-FZ "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 27 (Part 1). Art. 4159.
10. Order of Rosgvardiya of 14 January 2020 No. 8 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation for the Implementation of Federal State Control (Supervision) over Compliance with the Legislation of the Russian Federation in the Field of Arms Trafficking" (SPS "ConsultantPlus").
11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 December 1991 No. 3020-I "On the Delimitation of State Property in the Russian Federation Into Federal Property, State Property of Republics Within the Russian Federation, Territories, Regions, Autonomous Region, Autonomous Districts, Cities of Moscow and St. Petersburg and Municipal Property". *Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1993. No. 32. Art. 1261.
12. *Kiiko A. Iu.* Private Law and Public Principles in the Civil Law Regulation of State Property in the Economic Turnover of Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Volgograd, 2004.
13. Federal Law of 11 June 2021 No. 170-FZ "On Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 24 (Part 1). Art. 4188.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of 30 June 2021 No. 1081 "On Federal State Land Control (Supervision)". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 28 (Part 1). Art. 5511.
15. *Sukhanov E. A. (ed.)*. Civil Law. Vol. 1. Moscow: BEK, 1994.
16. *Sukhanov E. A. (ed.)*. Civil Law: Textbook. Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights. Moscow: Wolters Kluwer, 2008.
17. "Round Table" of the Journal "State and Law". *State and Law*. 1998. No. 7.
18. *Ikonitskaia I. A.* Problems of Efficiency in Land Law. Moscow: Nauka, 1979.
19. Land Code of the Russian Federation of 25 October 2001 No. 136-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 44. Art. 4147.
20. Town-Planning Code of the Russian Federation of 29 December 2004 No. 190-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.
21. Federal Law of 21 January 2004 No. 172-FZ "On the Transfer of Lands or Land Plots from One Category to Another". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 52 (Part 1). Art. 5276.
22. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation of 17 May 2010 No. 168 "On the Description of the Content of the Petition for the Transfer of Agricultural Lands Owned by the Russian Federation or Land Plots as Part of Such Lands from Agricultural Lands to Another Category and the Composition of the Documents Attached to It". *Rossiiskaia Gazeta*. 16 July 2010. No. 156.
23. *Kapitskii V. T., Ozdoeva O. N.* The Procedure for Transferring Lands from One Category to Another. *Youth and Science*. 2014. No. 2.
24. *Simachkova N. M., Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Fateeva N. B., Petrova L. N.* On the Problem of Transferring Lands and Land Plots from One Category to Another. *Moscow Economic Journal*. 2020. No. 2.
25. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26 November 2012 No. 1220 "On the Composition, Procedure for Preparing and Approving the Draft Territorial Planning Scheme of the Russian Federation in the Field of National Defense and State Security, as Well as the Procedure for Making Changes to Such a Scheme". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 49. Art. 6865.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-108-115>

С момента учреждения поста Президента Республики Казахстан помимо Администрации идет процесс формирования различных вспомогательных органов, обеспечивающих его деятельность. В ходе развития правового статуса главы государства изменялось и положение некоторых консультативно-совещательных органов при нем. Исследование данных процессов актуализировалось с изменениями в законодательстве Республики Казахстан, состоявшимися в 2022 г. Предметом исследования являются правовые акты Республики Казахстан, сформулированные в них правовые нормы и практика их реализации, программные документы. Целями работы являются выявление проблем правового положения вспомогательных органов при Президенте и выработка предложений по их решению. В ходе исследования использован комплекс общенаучных методов и специальные методы юридической науки (формально-догматический, сравнительно-правовой методы, метод толкования). В статье рассмотрено правовое положение государственных органов, которые непосредственно подчинены и подотчетны Президенту Республики Казахстан, проанализирован процесс развития вспомогательных органов при Президенте, в частности Совета безопасности, Высшего судебного совета и Ассамблеи народа Казахстана, выявлены положения, которые носят некорректный и (или) недостаточно ясный характер. В заключение дана критическая оценка некоторым положениям правовых актов Казахстана, предложены рекомендации по совершенствованию деятельности вспомогательных органов при Президенте Республики Казахстан.

**ТЕБАЕВ
Дидар Болатович**

научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции Республики Казахстан, аспирант кафедры правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Астана)
teb-didar@mail.ru

**Советы;
комиссии;
Совет безопасности;
Ассамблея народа Казахстана;
высшее должностное лицо;
президент;
глава государства**

Didar B. TEBAYEV

Researcher, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, Postgraduate Student, Department of Legal Foundations of Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Astana)

teb-didar@mail.ru

**Councils;
commissions;
Security Council;
Assembly of the People
of Kazakhstan;
highest official;
President;
head of state**

SUBSIDIARY BODIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: EVOLUTION AND CURRENT STATE

Since the establishment of the office of the President of the Republic of Kazakhstan outside the Administration, there has been a process of formation of various subsidiary bodies that ensure its activities. In the course of the development of the legal status of the head of state, the position of some consultative and advisory bodies under him also changed. The research of these processes was updated with changes in the legislation of the Republic of Kazakhstan, which took place in 2022. The subject of the research is the legal acts of the Republic of Kazakhstan, the legal norms and implementation practices drawn up in them, program documents. The purposes of the research are to identify the problems of the legal status of subsidiary bodies under the President and develop proposals for their solution. In the course of the research, a set of general scientific methods and special methods of legal science (formal-dogmatic, comparative legal methods, method of interpretation) were used. The article considers the legal status of state bodies directly subordinated and accountable to the President of the Republic of Kazakhstan, analyzes the process of development of subsidiary bodies under the President, in particular, the Security Council, the Supreme Judicial Council and the Assembly of the People

of Kazakhstan, provisions have been identified that are incorrect and (or) not clear enough. In conclusion, a critical appraisal is given to some provisions of the legal acts of Kazakhstan, recommendations are proposed for improving the activities of subsidiary bodies under the President of the Republic of Kazakhstan.

Главу государства принято рассматривать как единый орган государственной власти. Однако как в прошлом, так и в современный период при президенте республики или при монархическом правителе функционируют многочисленные вспомогательные органы. Они могут выполнять различные функции, «установленные... для обеспечения деятельности» [1] главы государства. Помимо администрации президента, которая является ключевым вспомогательным органом, обычно в этой роли выступают также советы и комиссии [2; 3, с. 179–182]. Государства постсоветского пространства с президентской формой правления не являются исключением из указанной практики. В первую очередь наличие вспомогательных органов при президенте, как отмечают ученые, обусловлено наличием у него широкого спектра полномочий [4, с. 22–27]. Наряду с обеспечительной указанные органы выполняют и другие функции. Их также можно рассматривать как средство (инструмент) обеспечения (или «упрочения») взаимодействия главы государства с другими органами государственной власти и иными субъектами политического процесса [5, с. 29–33], в том числе представителями общественности, неправительственными структурами. В то же время при формировании вспомогательных органов при главе государства следует учитывать личностный фактор («лично-доверительные отношения», «авторитет руководителя (руководителей) вспомогательного органа» [6, с. 32–36]).

Республика Казахстан, исходя из текста Конституции, является государством с президентской формой правления, в котором Президент занимает ключевую позицию в системе органов государственной власти и обладает широкими властными полномочиями по обеспечению согласованного функционирования всех ветвей власти и при этом де-юре не возглавляет исполнительную власть. Согласно Конституции Казахстана и Конституционному закону от 26 декабря 1995 г. «О Президенте Республики Казахстан» высшее должностное лицо Республики в целях обеспечения своих полномочий и своей деятельности образует консультативно-совещательные органы (в том числе советы и комиссии), учреждения и организации при Президенте Казахстана, а также Совет безопасности, Ассамблею народа Казахстана и Высший судебный совет [7]. Исходя из положений о консультативно-совещательных органах, утвержденных указами Президента, типичной целью их создания и функцио-

нирования является выработка и подготовка рекомендаций и предложений высшему должностному лицу Республики [8, с. 65–68]. В Российской Федерации наблюдается подобная ситуация. Как отмечает А. А. Панов, в рамках обеспечения реализации полномочий главы государства вспомогательные органы «осуществляют предварительное рассмотрение вопросов... проводят экспертизу проектов федеральных законов, актов Президента... информируют... о положении дел в соответствующей сфере» [9, с. 20–24]. Однако в Казахстане в процессе развития правового статуса некоторые вспомогательные органы приобретали дополнительный функционал (в частности, у Ассамблеи народа Казахстана в 2007–2022 гг. имелось право избирать девять депутатов Парламента Республики).

По информации на официальном сайте Президента Казахстана в настоящее время функционируют 18 комиссий [10] и 10 советов [11]. Однако данная информация не вполне актуальна. При Президенте есть и другие консультативно-совещательные органы (например, в 2020 г. была образована Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий [12]), а в 2022 г. Национальный совет общественного доверия прекратил существование в связи с созданием Национального курултая при Президенте [13].

Как показал анализ положений об этих органах, их функции нередко пересекаются. Например, согласно положению о Комиссии по вопросам модернизации экономики Республики Казахстан одной из ее основных задач является выработка рекомендательных решений по вопросам повышения конкурентоспособности и эффективности экономики Казахстана. Указанная задача охватывает полностью или частично задачи Совета по управлению национальным фондом, Совета по финансовой стабильности, Нефтегазового совета. Подобным образом соотносятся задачи деятельности Совета национальных инвесторов и Совета иностранных инвесторов по привлечению инвестиций в экономику страны и созданию благоприятных условий осуществления экономической деятельности. Типичны пересечения и в составе советов и комиссий.

В то же время в некоторых аспектах, в которых можно было бы ожидать единообразия, на практике наблюдается несовпадение. Так, исходя из характера деятельности комиссий при Президенте их рабочими органами должны являться Администрация Пре-

зидента и ее структурные подразделения. Роль Администрации Президента в координации деятельности иных вспомогательных органов сложно переоценить. Во-первых, согласно положению об Администрации к ее основным задачам относятся обеспечение деятельности главы государства во всех областях, в том числе в области внешней и внутренней политики, обороны и безопасности, кадровой политики, в отношении государственных органов. Во-вторых, в качестве функции Администрации прямо названо обеспечение деятельности вспомогательных органов. Однако на практике функцию рабочего органа по отношению к советам и комиссиям выполняют и другие органы. Например, рабочим органом Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий является Министерство образования и науки Республики (реорганизовано на текущий момент [14]), рабочий орган, осуществляющий информационно-аналитическое и организационное обеспечение деятельности Национальной комиссии по модернизации, – это Канцелярия Премьер-министра Республики Казахстан.

Не унифицирована и принадлежность председательских функций. Председателем в трех комиссиях при Президенте является Руководитель Администрации Президента, в двух комиссиях при Президенте – Премьер-министр Республики, в одной комиссии при Президенте – заместитель Руководителя Администрации, в 10 комиссиях – Государственный советник¹ (в некоторых положениях указано устаревшее наименование «Государственный секретарь»). В других комиссиях председательство не связано с замещением конкретной должности (указами Президента утверждается персональный состав комиссий). В результате, например, председателем Комиссии по правам человека при Президенте были и сотрудники Администрации Президента, и депутаты Мажилиса (нижней палаты) Парламента Республики, и другие должностные лица, председателем Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте в разное время являлись депутат Мажилиса Парламента Республики, Государственный секретарь, Министр и др.

Как было отмечено выше, на официальном сайте Президента Казахстана представлена информация о 10 советах. Согласно Закону Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. «О Совете Безопасности Республики Казахстан», указам и распоряжениям Президента в шести из 10 советов председателем является сам Президент, в остальных – иные должностные лица. Если в России, как отмечает А. А. Панов, реальная зна-

чимость совета (комиссии) зависит от состава органа [9], то исходя из практики функционирования консультативно-совещательных органов в Республике Казахстан их значимость определяется прежде всего личностным фактором. Проявляется данное обстоятельство в первую очередь в том, что рекомендации и предложения, принятые консультативно-совещательными органами с участием главы государства, в дальнейшем получают реализацию в решениях органов государственной власти. Указанный фактор сказывается и на самой системе вспомогательных органов (новый Президент инициирует формирование новых консультативно-совещательных органов²).

Советы, как и комиссии, определены как консультативно-совещательные органы при Президенте (т.е. «консультативный» и «совещательный» характер составляет слитное свойство органа³). Среди них выделяется прежде всего Совет безопасности: согласно закону он является конституционным органом, который выполняет более широкие функции (координирует проведение единой государственной политики по национальной безопасности и обороноспособности государства). Однако прежде (после принятия Конституции 1995 г. согласно Положениям о Совете безопасности, утв. указами Президента от 26 декабря 1995 г., от 22 ноября 1996 г. и от 20 марта 1999 г.) указанный Совет определялся как консультативно-совещательный орган.

Особый статус Совета безопасности выражается также в его составе (в него входят Президент Республики, председатели Сената и Мажилиса Парламента, руководители Правительства и Администрации Президента, помощник Президента – Секретарь Совета безопасности, Генеральный прокурор, Председатель Комитета национальной безопасности, Начальник Службы государственной охраны, министры иностранных дел, обороны и внутренних дел). Законодательное закрепление столь представительного состава, включая руководство двух палат высшего законодательного органа государства, объясняется степенью важности рассматриваемых вопросов, а также тем, что Совет безопасности является ключевым звеном в системе отношений органов государственной власти в критически важные исторические периоды государства.

В составе Совета безопасности ключевую роль, безусловно, играет его Председатель. Порядок наде-

¹ Государственный советник является должностным лицом Республики, осуществляющим представительские, координационные и иные функции [15].

² Так, в 2022 г. был создан Национальный курултай, одна из задач которого – обеспечение конструктивного взаимодействия между общественностью, политическими партиями, неправительственным сектором и государственными органами.

³ В России же предпочтение отдается «дробным» характеристикам: некоторые вспомогательные органы определены как «консультативные», некоторые – как «совещательные», другие – как «консультативные и совещательные».

ления данной должностью в последние годы вызывал непростые политико-правовые вопросы. С 2018 по 2022 г. Председателем Совета безопасности являлся экс-президент Республики Казахстан, хотя полномочие формировать Совет безопасности принадлежало действующему Президенту. Это было обусловлено содержанием Конституционного закона Казахстана от 20 июля 2000 г. «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы», по первоначальной редакции которого первому Президенту в «силу его исторической миссии» помимо других принадлежало право «возглавлять Ассамблею народов Казахстана; входить в состав Конституционного Совета, Совета Безопасности Республики Казахстан». Особый статус первого Президента Республики в 2007 г. был закреплен и в Конституции (п. 4 ст. 46 Конституции Казахстана), а Конституционным законом от 22 декабря 2017 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» первый Президент Республики был наделен правом пожизненно возглавлять Совет безопасности. Соответствующие изменения были внесены в Конституционный закон о первом Президенте и в Закон о Совете безопасности [16, с. 7–12]. В результате в течение нескольких лет новый Президент Республики не имел возможности назначать Председателя Совета безопасности. Состав же последнего формировался только по согласованию с Председателем – первым Президентом Казахстана.

Отмеченное неоднозначное положение действующего главы государства к органу, формирование которого согласно Конституции являлось его полномочием, имело место до начала 2022 г. (после так называемых январских событий было принято решение о законодательном закреплении за действующим главой государства права председательствования в Совете безопасности и в Ассамблее народа Казахстана [17]). Соответствующие изменения были внесены в Конституцию (п. 4 ст. 46 Конституции Казахстана был исключен), в Конституционный закон о первом Президенте Республики и в Закон о Совете безопасности. По новой редакции последнего высшее должностное лицо Казахстана формирует состав Совета безопасности Республики и является его Председателем.

Как было упомянуто, наряду с другими вспомогательными органами высшее должностное лицо Республики образует Высший судебный совет и Ассамблею народа Казахстана. В настоящее время названные органы конституционно отграничены от консультативно-совещательных: первоначально в Конституции Казахстана 1995 г. было указано, что глава государства «образует Совет Безопасности, Высший Судебный Совет и иные консультативно-совещательные органы», однако согласно изменениям, внесенным в Конституцию Законом от 21 мая 2007 г., Президент

«образует Совет Безопасности и иные консультативно-совещательные органы, а также Ассамблею народа Казахстана и Высший Судебный Совет».

Впервые Высший судебный совет (далее – ВСС) был сформирован на основании Указа Президента Республики Казахстан от 11 марта 1996 г. «Об образовании Высшего Судебного Совета Республики Казахстан». Законом Республики Казахстан от 28 мая 2001 г. «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан» ВСС определялся как консультативно-совещательный орган при высшем должностном лице государства. При этом обеспечение деятельности ВСС осуществлялось Администрацией высшего должностного лица Республики. В одноименном Законе от 17 ноября 2008 г. ВСС был определен как учреждение без образования юридического лица, созданное в целях обеспечения полномочий высшего должностного лица Республики в судебной ветви власти. В сравнении с Законом 2001 г. по Закону 2008 г. обеспечение деятельности ВСС осуществлялось аппаратом самого ВСС, работники которого, правда, являлись сотрудниками Администрации главы государства. Кроме того, если в состав ВСС по Закону 2001 г. входили Председатель ВСС, председатели Конституционного совета и Верховного суда, Генеральный прокурор, Министр юстиции, два депутата Сената Парламента, шесть судей (по двое судей разных уровней), секретарь Совета и другие лица, назначаемые главой государства, то по Закону 2008 г. состав ВСС определялся более лаконично: Председатель Совета, Секретарь и другие члены Совета, назначавшиеся высшим должностным лицом Республики.

Наконец, в 2015 г. был принят очередной Закон о ВСС, действующий по настоящее время, в котором ВСС определен как автономное государственное учреждение, цель которого – обеспечение полномочий высшего должностного лица Республики в судебной ветви власти. В состав ВСС по должности входят Председатель Верховного суда, Генеральный прокурор, председатели постоянных комитетов палат Парламента. Также Президент Республики может назначить в состав ВСС других лиц, включая ученых-юристов, адвокатов, иностранных экспертов и представителей юридической общественности. Включение в состав ВСС представителей научных, общественных и иных организаций, конечно, не является уникальным. В России вспомогательные органы также могут в значительной части состоять из такого рода членов (например, Совет при Президенте России по науке, технологиям и образованию, Совет при Президенте России по культуре и искусству). Такой состав позволяет обеспечить конструктивный диалог органов государственной власти и негосударственного сектора.

На примере ВСС можно наблюдать изменение положения вспомогательного органа, обеспечивающего деятельность главы государства (от консульта-

тивно-совещательного органа при Президенте к автономному государственному учреждению), а также усложнение его структуры. При этом можно констатировать, что определение ВСС как автономного государственного учреждения в целом носит недостаточно ясный характер: в гражданском законодательстве Республики Казахстан, законодательстве о некоммерческих организациях, о государственном имуществе такая организационно-правовая форма не предусмотрена¹. Аппарат же ВСС также является отдельным юридическим лицом – в организационно-правовой форме просто «государственного учреждения» [18]).

Ассамблея народа Казахстана (далее – Ассамблея) была образована Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. с целью разработки и реализации политики общественного согласия и единства. Ассамблея, как и ВСС, первоначально именовалась Ассамблей народов (во множественном числе) Казахстана и определялась как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики. В 2000 г. с принятием Конституционного закона за первым Президентом закреплялось право возглавлять Ассамблею пожизненно. Указанное право было отражено и в Положении об Ассамблее [19].

В 2007 г. Ассамблея впервые была упомянута в Конституции, в 2008 г. был принят Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 г. «Об Ассамблее народа Казахстана», а в 2011 г. утверждено действующее положение об Ассамблее [20] (в данных документах за первым Президентом также было закреплено право пожизненно возглавлять Ассамблею). Согласно ст. 7 Закона об Ассамблее Президент мог образовать и реорганизовать ее, определять направления ее деятельности; назначать и освобождать от должности руководство Ассамблеи. Указанное положение дел создавало противоречие между компетенцией главы государства и правом первого Президента пожизненно возглавлять Ассамблею. В настоящее время согласно поправкам, внесенным в законодательство в феврале 2022 г., Председателем Ассамблеи народа Казахстана является действующий Президент Республики.

В Законе 2008 г. Ассамблея определяется как учреждение без образования юридического лица. В структуру Ассамблеи входят: Сессия, Совет, Секретариат, региональные ассамблеи и этнокультурные объединения Ассамблеи. Секретариат является рабочим органом Ассамблеи и входит в структуру Администрации высшего должностного лица государства. Заведующий Секретариатом Ассамблеи по должности является заместителем Председателя Ассамблеи.

До 2022 г. Ассамблея выполняла весьма специфичную функцию: Сессия Ассамблеи имела право избирать девять депутатов Мажилиса Парламента Казахстана (кандидатов выдвигал Совет Ассамблеи). По результатам республиканского референдума от 5 июня 2022 г. право Ассамблеи избирать депутатов Мажилиса было отменено. В настоящее время согласно Конституции Республики глава государства уполномочен назначать 10 депутатов Сената Парламента, при этом пять кандидатов предлагаются Ассамблеей. Указанное нововведение и отмена права избирать депутатов Мажилиса являются логичным шагом в сторону заявленного главой государства усиления роли Парламента (ослабления влияния на него со стороны других органов).

Помимо советов и комиссий, учреждений, организаций и других вспомогательных органов при Президенте Республики существует также категория государственных органов, которые непосредственно подчинены и подотчетны Президенту (перечень этих органов приведен в Положении об Администрации Президента) и которые, формально не будучи вспомогательными, фактически в определенной степени выполняют их функции. В их числе: Администрация Президента; Генеральная прокуратура; Комитет национальной безопасности; Агентство по делам государственной службы; Национальный банк; Служба государственной охраны; Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета; Управление делами Президента; Агентство по противодействию коррупции (Антикоррупционная служба) [21]. Данный перечень достаточно динамичен. В целом число государственных органов, непосредственно подчиненных и подотчетных главе государства, увеличивается [22]. Например, в 2019 г. было образовано Агентство по регулированию и развитию финансового рынка [23], в 2020 г. – Агентство по стратегическому планированию и реформам и Агентство по защите и развитию конкуренции [24], в 2021 г. – Агентство по финансовому мониторингу [25], а в рамках конституционной реформы 2022 г. упомянутый Счетный комитет был заменен новым органом – Высшей аудиторской палатой Республики.

Перечисление указанных органов в едином списке вызывает некоторые сомнения. Так, согласно Конституции Президенту для назначения на должность председателей Национального банка, Комитета национальной безопасности и Генерального прокурора необходимо согласие Сената Парламента (соответственно, их подчиненность и подотчетность Президенту ограничены).

В указанном перечне Администрация Президента является ключевым органом, обеспечивающим деятельность высшего должностного лица Республики. Служба государственной охраны и Управление дела-

¹ Автономными могут быть только организации образования и кластерные фонды.

ми Президента также выполняют вспомогательные функции. Согласно Закону Республики Казахстан от 3 октября 1995 г. «О Службе государственной охраны Республики Казахстан» первым в перечне охраняемых лиц является Президент Республики, а по Указу Президента от 21 апреля 2000 г. «О некоторых вопросах Управления Делами Президента Республики Казахстан» данная структура является государственным органом, который обеспечивает деятельность главы государства, других лиц и органов.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Во-первых, представляется полезным актуализировать информацию о консультативно-совещательных советах и комиссиях на официальном сайте Президента.

Во-вторых, в силу общей направленности функций вспомогательных органов при Президенте (на обеспечение – в той или иной мере и в той или иной области – деятельности последнего) оправданно закрепить за Администрацией Президента полномочия по координации деятельности всех таких органов (что согласуется с рассмотренным функционалом Администрации, установленным Положением о ней). Но на данный момент, как было показано, развитие правового статуса некоторых консультативно-совещательных органов привело к их формальному обособлению от Администрации, что чревато рас-

согласованностью в формулировании их задач и учащением случаев пересечения их компетенции.

В-третьих, можно констатировать, что на практике вспомогательные органы при Президенте Казахстана весьма неоднородны. В частности, в большинстве такие органы лишь обеспечивают реализацию полномочий главы государства (причем нередко пересекаясь между собой по сферам деятельности), но при этом некоторые имеют по сути самостоятельную компетенцию и играют существенную роль в государственном управлении (например, Совет безопасности). Неодинаковы вспомогательные органы и по своей организационно-правовой форме. Как было показано, последняя может существенно меняться на протяжении существования органа (причем случается, что без видимых на то причин). Вплоть до недавнего времени положение некоторых вспомогательных органов при главе государства (Совета безопасности, Ассамблеи) имело двойственный характер, обусловленный прежде всего правом другого лица (первого Президента Республики) пожизненно председательствовать в них. Кроме того, как было отмечено, Ассамблея непосредственно участвовала в формировании состава нижней палаты Парламента Казахстана. В целом на данный момент названные проблемы решены, хотя и не полностью (так, новое право Ассамблеи предлагать кандидатуры депутатов Сената Парламента вызывает сомнения с точки зрения соответствия целям и задачам Ассамблеи).

Пристатейный библиографический список

1. *Осавелюк А. М.* Вспомогательный аппарат высших органов государственной власти в механизме государства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
2. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. Учебный курс : в 2 т. Т. 2. 7-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2021.
3. *Тихонова Е. С.* Понятие, признаки и значение совещательных органов при Главе государства // Право и государство : теория и практика. 2021. № 2 (194).
4. *Иксанов И. С.* Организационное обеспечение выполнения функций Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9.
5. *Панов А. А.* Администрация Президента Российской Федерации – рабочий аппарат главы государства // Право и государство : теория и практика. 2007. № 10 (34).
6. *Петровский Д. Н.* К вопросу об устройстве вспомогательных органов общей компетенции при главе государства // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6.
7. *Сапаргалиев Г. С.* Конституционное право Республики Казахстан. Алматы : Жеті жарғы, 2002.
8. *Кравцова Е. А.* Особенности правового статуса вспомогательных органов при органах государственной власти // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45).
9. *Панов А. А.* Совещательные и консультативные органы при Президенте Российской Федерации : общие принципы формирования и наделения компетенцией, место в системе президентской власти // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3.
10. Комиссии при Президенте // Официальный сайт Президента Республики Казахстан : сайт. URL: https://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_commissions (дата обращения: 04.10.2022).
11. Советы при Президенте // Официальный сайт Президента Республики Казахстан : сайт. URL: https://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils (дата обращения: 04.10.2022).

12. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 г. «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456> (дата обращения: 10.08.2022).
13. Указ Президента Республики Казахстан от 14 июля 2022 г. «О создании Национального курултая при Президенте Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-sozdanii-nacionalnogokurultaya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-i-priznanii-utrativshimi-silu-nekotoryh-ukazov-prezidenta-respubliki-kazahstan-145619> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Указ Президента Республики Казахстан от 11 июня 2022 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000917> (дата обращения: 04.10.2022).
15. Указ Президента Республики Казахстан от 14 июня 2022 г. «О статусе и полномочиях Государственного советника Республики Казахстан, внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000927> (дата обращения: 04.10.2022).
16. Прокофьев В. Н. Конституционно-правовой статус Президента Республики Казахстан // Вопросы управления. 2017. № 2 (45).
17. Закон Республики Казахстан от 7 февраля 2022 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000106#z11> (дата обращения: 06.10.2022).
18. Указ Президента Республики Казахстан от 23 декабря 2015 г. «О мерах по совершенствованию деятельности Высшего Судебного Совета Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000137> (дата обращения: 09.08.2022).
19. Указ Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г. «О Стратегии Ассамблеи народов Казахстана и Положении об Ассамблее народов Казахстана» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U0200000856_/26.04.2002 (дата обращения: 06.10.2022).
20. Указ Президента Республики Казахстан от 7 сентября 2011 г. «О Положении об Ассамблее народа Казахстана» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U1100000149/07.09.2011> (дата обращения: 06.10.2022).
21. Указ Президента Республики Казахстан от 11 марта 2008 г. «Об утверждении Положения об Администрации Президента Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U0800000552> (дата обращение: 09.08.2022).
22. Послание Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1900002019> (дата обращения: 07.10.2022).
23. Указ Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2019 г. «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000203> (дата обращения: 07.10.2022).
24. Указ Президента Республики Казахстан от 8 сентября 2020 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000501> (дата обращения: 07.10.2022).
25. Указ Президента Республики Казахстан от 28 января 2021 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан» // ИПС «Әділет» : сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000501> (дата обращения: 07.10.2022).

References

1. Osaveliuk A. M. Subsidiary Apparatus of Highest Organs of State Power in the Mechanism of the State: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2007.
2. Avakian S. A. Constitutional Law of Russia: Textbook. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Norma; Infra-M, 2021.
3. Tikhonova E. S. The Concept, Signs and Meaning of Deliberative Bodies Under the Head of State. *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 2 (194).
4. Iksanov I. S. Organizational Support for the Performance of the Functions of the President of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. 2008. No. 9.
5. Panov A. A. Presidential Administration of the Russian Federation – The Working Office of the Head of State. *Law and State: Theory and Practice*. 2007. No. 10 (34).

6. *Petrovskii D. N.* On the Structure of Subsidiary Bodies of General Competence Under the Head of State. *Constitutional and Municipal Law*. 2005. No. 6.
7. *Sapargaliev G. S.* Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan. Almaty: Zhetizhary, 2002.
8. *Kravtsova E. A.* Peculiarities of the Legal Status of the Subsidiary Bodies. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 2016. No. 3 (45).
9. *Panov A. A.* Advisory and Consultative Bodies Under the President of the Russian Federation: General Principles of Formation and Empowerment, Place in the System of Presidential Power. *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No. 3.
10. Presidential Commissions. URL: https://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_commissions (date of the application: 04.10.2022).
11. Presidential Councils. URL: https://www.akorda.kz/ru/executive_office/presidential_councils (date of the application: 04.10.2022).
12. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 24 November 2020 "On the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repressions". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456> (date of the application: 10.08.2022).
13. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 14 July 2022 "On the Establishment of the National Kurultai Under the President of the Republic of Kazakhstan and the Invalidation of Some Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-sozdanii-nacionalnogo-kurultaya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-i-priznanii-utrativshimi-silu-nekotoryh-ukazov-prezidenta-respubliki-kazahstan-145619> (date of the application: 10.08.2022).
14. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 11 June 2022 "On Measures to Further Improve the Public Administration System of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000917> (date of the application: 04.10.2022).
15. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 14 June 2022 "On the Status and Powers of the State Counsellor of the Republic of Kazakhstan, Amendments to Some Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan and Invalidation of Some Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000927> (date of the application: 04.10.2022).
16. *Prokofiev V. N.* Constitutional-Legal Status of the President of the Republic of Kazakhstan. *Management Issues*. 2017. No. 2 (45).
17. Law of the Republic of Kazakhstan of 7 February 2022 "On Amendments to Some Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000106#z11> (date of the application: 06.10.2022).
18. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 23 December 2015 "On Measures to Improve the Activities of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000137> (date of the application: 09.08.2022).
19. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 26 April 2002 "On the Strategy of the Assembly of Peoples of Kazakhstan and the Regulations on the Assembly of Peoples of Kazakhstan". URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U020000856_/26.04.2002 (date of the application: 06.10.2022).
20. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 7 September 2011 "On the Regulations on the Assembly of People of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U1100000149/07.09.2011> (date of the application: 06.10.2022).
21. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 11 March 2008 "On Approval of the Regulation About the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U080000552> (date of the application: 09.08.2022).
22. President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokaev's State of the Nation Address, 2 September 2019 "Constructive Public Dialogue – the Basis of Stability and Prosperity of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1900002019> (date of the application: 07.10.2022).
23. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 11 November 2019 "On Further Improvement of the Public Administration System of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000203> (date of the application: 07.10.2022).
24. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 8 September 2020 "On Measures to Further Improve the Public Administration System of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000501> (date of the application: 07.10.2022).
25. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 28 January 2021 "On Measures to Further Improve the Public Administration System of the Republic of Kazakhstan". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000501> (date of the application: 07.10.2022).

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-116-122>

Исследование классических – американского и скандинавского – направлений правового реализма в отечественной науке имеет определенную специфику, обусловленную, среди прочего, идеолого-политическими и лингвистическими факторами. При наличии единичных фундаментальных исследований большинство существующих русскоязычных работ по данной тематике носит фрагментарный характер, не стремящийся к комплексному и (или) сравнительному изучению идей американского и скандинавского правового реализма. Наблюдается не только неравномерная степень исследованности американского и скандинавского правового реализма в отечественной науке, но и отсутствие согласия по поводу основных представителей (и их классификации) указанных направлений правового реализма, что произвольно расширяет или ограничивает круг их сторонников. С точки зрения общего для теории и философии права методологического критерия классификации автор трактует американский и скандинавский правовой реализм как «социо-психологический» тип позитивистского правопонимания, что предопределяет интеллектуальную связь правового реализма с социологическими и психологическими подходами к праву в российской науке. Классический правовой реализм заметно обогатил мировую правовую теорию и практику, особенно в русле поиска правовой определенности в американском направлении и борьбы с метафизикой – в скандинавском. Переосмысленные правовым реализмом центральные вопросы юриспруденции, включая само понятие права, концепции прав и обязанностей, роль ценностных суждений и др., являются актуальными как для анализа российских правовых традиций, так и для дальнейшего совершенствования российского права, особенно в аспекте более точного понимания судебной деятельности и языка юриспруденции. Более того, увеличивающиеся в российской юриспруденции исследования неклассических вариантов правового реализма требуют фундаментального понимания природы «правового реализма» как такового и наследия его классических направлений. Развивающаяся в настоящее время концепция «российского правового реализма» также претендует на роль классического варианта реалистического подхода к праву, разделяя с американским и скандинавским направлениями общее понимание своей роли как посредника между «книжным» правом и практическими проблемами человека.

**ТОНКОВ
Дмитрий Евгеньевич**

исследователь, преподаватель-исследователь Института государства и права Российской академии наук, бакалавр и магистр права Санкт-Петербургского государственного университета, помощник адвоката (г. Москва)
d.tonkov@yandex.ru

**Американский правовой реализм;
скандинавский правовой реализм;
русский правовой реализм;
тип правопонимания;
правовая определенность;
метафизика;
судебное усмотрение;
язык права**

Dmitrii E. TONKOV

Researcher, Lecturer-Researcher,
Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences,
Bachelor and Master of Laws,
Saint Petersburg State University,
Barrister's Assistant (Moscow)
d.tonkov@yandex.ru

SPECIFICS AND PROSPECTS OF CLASSIC BRANCHES OF LEGAL REALISM RESEARCH IN RUSSIAN SCIENCE

Classic – American and Scandinavian – branches of legal realism research in Russian science has certain specificity, according to, for instance, ideological-political and linguistic factors. Due to the limited amount of fundamental research, the majority of existing Russian-language works on this topic are fragmentary and do not strive to make comprehensive and/or comparative analysis of the ideas of American and Scandinavian legal realism. Not only unequal degree of research on

**American Legal Realism;
Scandinavian Legal Realism;
Russian Legal Realism;
type of legal understanding;
legal certainty;
metaphysics;
judicial discretion;
language of law**

American and Scandinavian legal realism in Russian science is noted, but also the absence of unity in identifying the main representatives (and their classification) of these branches of legal realism, that arbitrarily expands or restricts the circle of their adherents. From the point of view of the methodological criterion of classification, that is common to the theory and philosophy of law, the author interprets American and Scandinavian legal realism as a "socio-psychological" type of positivist legal understanding, which determines the intellectual connection of legal realism with sociological and psychological approaches to law in Russian science. Classic legal realism has significantly enriched world legal theory and practice, especially in the search for legal certainty in the American branch and the struggle against metaphysics in the Scandinavian one. The central issues of jurisprudence, reinterpreted by legal realism, including the very concept of law, the concepts of rights and obligations, the role of value judgments, etc., are relevant both for the analysis of Russian legal traditions and for further development of Russian law, especially in the aspect of a more precise understanding of judicial activity and the language of jurisprudence. Moreover, the increasing research of non-classic variants of legal realism in Russian jurisprudence requires a fundamental understanding of the nature of "legal realism" as such and the legacy of its classic branches. The currently developing concept of "Russian Legal Realism" also claims to be a classic version of a realistic approach to law, sharing with the American and Scandinavian variants a common understanding of its role as an intermediary between "book" law and practical human problems.

В юриспруденции существует два признанных классических направления правового реализма: американский и скандинавский [1]. Правовое движение, известное как «американский правовой реализм», возникло в 1930-е гг. в США и объединяло различных ученых, возглавляемых такими мыслителями, как Карл Ллевеллин (*Karl Llewellyn*), Джером Фрэнк (*Jerome Frank*), Волтер Кук (*Walter Cook*), Герман Олифант (*Herman Oliphant*), Андерхил Мур (*Underhill Moore*), Феликс Коэн (*Felix Cohen*) и др. Они осуждали формализм, абстрактный характер и консерватизм традиционной юриспруденции. Другое реалистичное движение начала-середины XX в. появилось в Скандинавии. Основными представителями «скандинавского правового реализма» являются шведский философ Аксель Хэгерстрём (*Axel Hägerström*) и его ученики Вильгельм Лундштедт (*Vilhelm Lundstedt*), Карл Оливекрона (*Karl Olivecrona*) и Альф Росс (*Alf Ross*), последний из которых был датчанином. В рамках данного движения считалось, что право следует базировать исключительно на фактическом опыте, а традиционные правовые концепции состоят из лишенных практического смысла метафизических идей, которые должны быть выведены из юриспруденции.

В советское время многим представителям американской философии права первой половины и середины XX в. не уделялось достаточного внимания, что зачастую приводило к упрощенному пониманию их идей: довольно часто работы данного периода

содержали в себе краткое исследование подходов американских авторов, целью которых была их дискредитация на фоне обоснования марксистско-ленинской идеологии. Однако относительно подробная информация об американском направлении правового реализма была доступна советским юристам [2; 3; 4]. Скандинавские правовые реалисты и близкие к ним теоретики из Швеции, Норвегии и Дании начала-середины XX в. также не были широко известны в советской правовой науке и часто исследовались (и исследуются до настоящего времени) через призму общих философских подходов [5; 6].

Тем не менее краткая характеристика, критика и оценка американского и (или) скандинавского правового реализма и (или) идей их представителей присутствуют во многих современных отечественных работах по истории мировой правовой мысли. Более того, в последние десятилетия в России наблюдается заметный интерес к американскому и скандинавскому правовому наследию, в том числе к соответствующим классическим направлениям правового реализма и отдельным его представителям. При наличии единичных фундаментальных исследований, затрагивающих только одно из классических направлений правового реализма или конкретных их представителей [7; 8; 9], большинство существующих русскоязычных работ по данной тематике носит фрагментарный характер, не стремящийся к комплексному и (или) сравнительному [10; 11] изучению идей американского и скандинавского правового реализма.

Наблюдается не вполне равномерная степень исследованности американского и скандинавского правового реализма в отечественной (как и в зарубежной) науке, что объясняется не только различным мировым и региональным научным влиянием США и стран Скандинавии, отдельных учебных заведений и мыслителей, но и сугубо лингвистическими возможностями исследователей: одной из причин недостаточной и неравномерной изученности правового реализма, в частности, в России является малый объем переводов на русский язык трудов представителей и исследователей правового реализма. Более того, труды представителей американского правового реализма изначально, за некоторым исключением, были опубликованы на наиболее распространенном для научного сообщества английском языке, тогда как многие работы представителей скандинавского правового реализма из Швеции, Норвегии и Дании изначально были опубликованы на национальных языках соответствующих стран и не были доступны для широкого исследования в контексте их издания. Кроме того, работы скандинавских ученых отличаются более сложным, по сравнению с американскими авторами, стилем изложения в силу соответствующей письменной правовой традиции и характера их профессиональной деятельности: скандинавские правовые реалисты являлись, в основном, представителями академической науки и преподавательского сообщества, в отличие от большинства американских правовых реалистов, бывших, в первую очередь, адвокатами и судьями.

Отмечается и, во-первых, отсутствие согласия по поводу основных представителей (и их классификации) американского правового реализма, что произвольно расширяет круг его сторонников, и, во-вторых, ограничение многими исследователями анализа скандинавского правового реализма идеями только четырех мыслителей (А. Хэгерстрёма, В. Лундштедта, К. Оливекроны и А. Росса), что понижает значимость и потенциал соответствующего направления. Данные два обстоятельства могут объясняться не только размытыми критериями для классификации идей различных правоведов как «реалистических», но и исследованием не оригиналов, а переводов (в том числе не прямых переводов) работ признанных правовых реалистов в отечественной (и в зарубежной) науке.

В философско-правовом плане правовой реализм претендует стать третьим вариантом в извечной дихотомии «метафизика–позитивизм». В начале и середине XX в. американский и скандинавский правовой реализм во многом независимо друг от друга представили новаторский по содержанию, хоть и дискуссионный по применению, вариант включения социо-психологических элементов

в юриспруденцию. Правовой реализм в его американском и скандинавском вариантах выбрал стратегию расширения области юриспруденции, претендуя быть *deus ex machina* для снятия противоречий между двумя традиционными для юриспруденции типами правопонимания – естественно-правовым и позитивистским.

Однако с точки зрения общего для теории и философии права *методологического* критерия классификации типов правопонимания [12, с. 24, 34–36] оправданным представляется место классического правового реализма, т.е. американского и скандинавского направлений, как своего рода «социо-психологического» типа позитивистского правопонимания, который заметно обогатил мировую правовую теорию и практику, особенно в русле поиска правовой определенности в американском направлении и борьбой с метафизикой – в скандинавском. Переосмысленные правовым реализмом центральные вопросы юриспруденции, в том числе само понятие права, концепции прав и обязанностей, роль ценностных суждений в праве и т.д., являются актуальными как для анализа российских правовых традиций, так и дальнейшего совершенствования российского права, в частности, в аспекте более точного понимания судебной деятельности (судебного усмотрения) и языка юриспруденции.

Так, проблема судебного усмотрения существует не только в семье общего права, где судья исторически занимает более независимую роль по сравнению с судьями романо-германской, социалистической, религиозной и традиционной правовых семей [13, с. 39–48], так как ее решение связано с основами права. Поэтому вопросы правовой определенности, изучаемые американскими реалистами, имеют не только исторический интерес, но и заключают в себе попытку исследовать, в каком направлении следует развивать существующие подходы к праву. В начале XX в. – период американской правовой истории, когда абсолютная сила прецедента и вера в *stare decisis* были подорваны, – один из вариантов решения проблемы судебного усмотрения наглядно предложил американский правовой реализм: признание внешнеправовых («внешних» для традиционной юриспруденции) факторов, воздействующих на судью, с их последующим детальным изучением.

Основной же посыл скандинавского правового реализма заключался в попытке переосмыслить правовые концепции через категории эмпирических социальных наук. Традиционные термины юриспруденции, такие как субъективные «права», «обязанности», «собственность» и т.п., должны, по мнению скандинавских реалистов, быть переведены в наблюдаемое поведение. И уже по внешним поведенческим формам можно догадываться о стоящих за

ними эмоциях и представлениях, т.е., иными словами, «через концептуальный анализ языка повседневного юридического общения и в его терминах можно проследить реальную эмпирическую составляющую правовой практики» [14, с. 665]. Тем не менее скандинавские правовые реалисты признавали (в разной степени), что некоторые понятия традиционной юриспруденции, не имея фактических эквивалентов и существуя только в воображении людей или в виде суеверий (являясь «магическими словами», согласно А. Хэгерстрёму), могут быть использованы как «ярлыки» для обозначения конкретных реальностей (согласно В. Лундштедту), или как «знаки» команды, запрещения или дозволения (согласно К. Оливекроне), или как «средства презентации», которые не имеют «семантического референта», или собственного значения, но которые могут быть использованы как «условные обозначения» для выражения отношения между юридическими фактами и последствиями (согласно А. Россу). Понимание скандинавскими реалистами традиционных терминов юриспруденции было сконцентрировано на демонстрации того, что они не имеют фактических эквивалентов. Однако требуется дальнейший детальный анализ (с применением эмпирических методов), чтобы выяснить, к каким бы последствиям привело исключение традиционных концепций из юриспруденции, в том числе российской.

Трактовка американского и скандинавского правового реализма как «социо-психологического» типа позитивистского правопонимания предопределяет интеллектуальную связь правового реализма с социологическими и психологическими подходами к праву в российской науке [1, с. 165]. В советский период указанный научный потенциал поначалу использовался в марксистской социологии права, но затем была объявлена борьба «буржуазному юридическому мировоззрению» (в 1930-е гг.), которая впоследствии (с 1960-х–1970-х гг.) уступила место возвращению утраченного социологического знания. Тем не менее до настоящего момента наблюдается недостаток масштабных юридико-социологических исследований [15; 16; 17], а интерес российских юристов к социологии права «ограничивается главным образом изучением трудов классиков социологической мысли» [18, с. 106]. Исследование классических направлений правового реализма, стремящихся увеличить «эмпирическую научность» юриспруденции, способствует развитию социологии права в России в ее современный период.

Следует также отметить то обстоятельство, что в современной российской и зарубежной, особенно европейской, правовой науке увеличиваются исследования неклассических вариантов правового реализма (или неклассических подходов к пониманию

его истории), иногда содержащих отличные от американского и скандинавского правового реализма теоретические и практические стремления. Так, в мировой науке достаточно авторитетными являются следующие неклассические варианты правового реализма, развивающие, в основном, положения классического скандинавского направления: «болонский правовой реализм» (или «нормативный реализм» Э. Паттаро) и «генуэзский правовой реализм» (иногда также называемые объединенным термином «итальянский правовой реализм»), «французский правовой реализм» и «континентальный (психологический) правовой реализм». Более того, с 2000-х гг. обнаруживаются попытки выявления «нового [американского. – Д.Т.] правового реализма», а с 2010-х гг. высказываются идеи о наличии в современном мире «нового европейского [скандинавского. – Д.Т.] правового реализма». Менее признанными представляются так называемые «немецкий правовой реализм» и «ранний (датский) правовой реализм» [11, с. 363–408].

Для российской юриспруденции наиболее актуальными являются развиваемые в последние десятилетия концепции «реалистического позитивизма» [19] и «российского правового реализма» [20, с. 274–287; 21, с. 417–508; 22]. В частности, введенный в мировую науку в 2012–2013 гг. термин «российский правовой реализм» используется для анализа исторических закономерностей и сущностных особенностей правопорядка, сформировавшегося на территориях бывшей Российской империи после Октябрьской революции 1917 г. Его основу составляет широкое понимание источников права, концепция индивидуальной нормативной системы субъекта права, множественность и параллельность нормативных систем, психологический подход к праву Л. Петражицкого и его последователей. Также концепция применяется для исследования законодательной и правоприменительной доктрин, согласно которым декларативные нормы справедливого порядка не обязательно совпадают с юридической практикой [11, с. 419–421].

Представляется, что «российский правовой реализм» претендует на роль классического направления правового реализма XX в. с его развитием в XXI в.: американские, скандинавские и российские правовые реалисты первой половины XX в. имеют разные национальные истории, но они разделяют общее понимание своей роли как посредника между «книжным» правом и практическими проблемами человека. Странники правового реализма используют предпосылку о том, что право существует в виде практического инструмента: в таком смысле в период между двумя мировыми войнами американское, скандинавское и советское право становилось в большей степени опытом, юридической практикой,

нежели теоретической конструкцией. Несмотря на различия «классических» вариантов правового реализма, указанные три течения направлены на устранение препятствующего общественному развитию юридического формализма и утверждение понимания права как социально-психологического феномена. Можно выявить сходные черты правовых культур США, скандинавских стран и СССР в межвоенный период 1920–1940-х гг.: доминирующее значение правовой доктрины (в разной степени), сильная зависимость юриспруденции от неюристов, прагматизм юридических методов [11, с. 10–11].

Многие неклассические варианты правового реализма на настоящий момент развиваются единичными авторами, пока не успели приобрести масштабную поддержку в российской и/или мировой юридической науке и требуют дальнейших фундаментальных исследований о природе «правового реализма» как такового и наследии его признанных классических направлений – американского и скандинавского. Современные подходы к анализу, реконструкции и критике правового реализма разрабатываются ведущими зарубежными и отечественными исследователями, что свидетельствует о востребованности реалистической парадигмы в праве, ее способности давать новые импульсы для познания правовых реалий.

На прошедшем 3–8 июля 2022 г. в Бухаресте, Румынии, юбилейном XXX-м Всемирном конгрессе Международной ассоциации по философии права и социальной философии (англ. *The International Association for the Philosophy of Law and Social Philosophy*, нем. *Internationale Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie, IVR*) рассмотрение вопросов правового реализма, в том числе его классических направлений, заняло одно из центральных мест. Например, научную часть конгресса открыл известный американский правовед Брайан Лейтер (*Brian Leiter*), профессор Чикагского университета, с пленарным выступлением «Немного реализма о политической и правовой философии» [23], а российские ученые организовали основную секцию № 51 «Правовой реализм в России».

Несомненное значение для современной России имеют исследования правовых реалистов в области участия лиц без юридического образования в судебном процессе. В частности, отечественная судебная система в схожий с расцветом американского и скандинавского правового реализма период XX в. имела опыт создания народных судов и широкого вовлечения рядовых граждан в отправлении правосудия. Исследователями отмечается, что «суд наро-

да мог позволить себе руководствоваться собственным усмотрением, а не нюансами законов и решений вышестоящих инстанций» [17, с. 15]. В условиях отсутствия устойчивых ценностных ориентиров у современных присяжных заседателей при наблюдаемой в последнее время в России тенденции к увеличению их роли в судебном процессе (что может быть причиной увеличения оправдательных приговоров в уголовном процессе) представляется целесообразным использовать наработки классических правовых реалистов.

Достижения американских и скандинавских правовых реалистов в бихевиористических исследованиях могут быть использованы не только в современности, когда технологические новации XXI в. «создали ситуацию сбора и хранения в автоматическом режиме огромных массивов данных, радикальным образом меняя ситуацию в исследованиях человеческого поведения» [24, с. 49], но и в будущем, когда использование «больших данных» в юриспруденции, как и во всех сферах деятельности человека, значительно увеличится. Более того, в настоящий момент становится более насущным вопрос о применении искусственного интеллекта в отправлении правосудия (так называемые программы «предсказанного правосудия»), что также вовлекает социо-психологическую проблематику в юриспруденцию и подчеркивает необходимость тщательного изучения процесса вынесения судебного решения, чему в работах американских и скандинавских правовых реалистов уделено специальное внимание.

Следует отметить, что исследования реалистической юриспруденции в России до сих пор сталкиваются со многими методологическими трудностями, вытекающими как из разных значений термина «реализм» в социогуманитарных науках [1, с. 5], так и из наличия многочисленных и неоднородных в своей теоретической основе направлений реалистического подхода в юриспруденции. Однако необходимость всестороннего изучения феномена правового реализма в российской науке подчеркивается современным междисциплинарным дискурсом в рамках социологических подходов к праву, и исследования двух классических направлений правового реализма – американского и скандинавского, – являются необходимым подспорьем для дальнейшей разработки, среди прочего, его российского варианта. Классический правовой реализм содержит множество плодотворных идей для российской юриспруденции, особенно в аспекте изучения факторов, влияющих на судебный процесс, разработки юридической аргументации и совершенствования обучения будущих юристов.

Пристатейный библиографический список

1. *Тонков Д. Е.* Правовой реализм : американское и скандинавское направления. М. : Юрлитинформ, 2021.
2. *Иваненко О. Ф.* Американская «социологическая юриспруденция» : критический очерк : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.
3. *Туманов В. А.* Буржуазная правовая идеология : к критике учений о праве. М. : Наука, 1971.
4. *Куликов А. К.* «Реалистическое направление» в буржуазном правоведении США : историко-критический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978.
5. *Мысливченко А. Г.* Основные этапы и тенденции развития философской мысли в Швеции : дис. ... докт. филос. наук. М., 1969.
6. *Казакевич Г. В.* Шведская философия : современность и классика. Аналитическая традиция Упсалы : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996.
7. *Адыгезалова Г. Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в. : формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка : дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2017.
8. *Васильева Н. С.* Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.
9. *Лесив Б. В.* Правовой реализм : доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
10. *Груздев В. С.* Реализм в юриспруденции : теоретико-методологический и исторический аспекты. Саратов : Амирит, 2021.
11. *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2022.
12. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М. : РАП, 2012.
13. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988.
14. *Антонов М. В.* Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009.
15. *Право и правоприменение в России : междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М. : Статут, 2011.*
16. *Как судьи принимают решения : эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М. : Статут, 2012.*
17. *Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Тумаев К.* Российские судьи : социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М. : НОРМА, 2015.
18. *Лапаева В. В.* Социология права в России : послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социологические исследования. 2018. № 3.
19. *Ромашов Р. А.* Правовой реализм и реалистический позитивизм : теория и практика // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4.
20. *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии : монография. СПб. : Алетейя, 2013.
21. *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016.
22. *Russian Legal Realism / Ed. by V. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018.*
23. *Leiter B.* Some Realism about Political and Legal Philosophy // SSRN : сайт. URL: <https://ssrn.com/abstract=4137804> (дата обращения: 15.09.2022).
24. *Волков В. В., Скугаревский Д. А., Тумаев К. Д.* Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1.

References

1. *Tonkov D. E.* Legal Realism: American and Scandinavian Movements. Moscow: Iurlitinform, 2021.
2. *Ivanenko O. F.* American "Sociological Jurisprudence": A Critical Essay: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1963.
3. *Tumanov V. A.* Bourgeois Legal Ideology: A Critique of the Doctrines of Law. Moscow: Nauka, 1971.
4. *Kulikov A. K.* "Realistic Branch" in the Bourgeois Jurisprudence of the United States of America: A Historical-Critical Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1978.
5. *Myслиvchenko A. G.* Main Stages and Tendencies in the Development of Philosophical Thought in Sweden: Thesis for a Candidate Degree in Philosophical Sciences. Moscow, 1969.

6. *Kazakevich G. V.* Swedish Philosophy: Modernity and Classics. The Analytical Tradition of Uppsala: Thesis for a Candidate Degree in Philosophical Sciences. St. Petersburg, 1996.
7. *Adygezalova G. E.* Sociological Jurisprudence of the USA in the XXth Century: Formation of Doctrine, Development and Improvement of the Rule of Law: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2017.
8. *Vasilieva N. S.* The Problem of Legal Validity in Alf Ross's Legal Thinking: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2019.
9. *Lesiv B. V.* Legal Realism: The Doctrine of Oliver Holmes on Judicial Lawmaking: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2022.
10. *Gruzdev V. S.* Realism in Jurisprudence: Theoretical-Methodological and Historical Aspects. Saratov: Amirit, 2021.
11. *Tonkov E. N., Tonkov D. E.* Legal Realism. St. Petersburg: Aletheia, 2022.
12. *Lapaeva V. V.* Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice. Moscow: Russian Academy of Justice Publ., 2012.
13. *David R.; Tumanov V. A. (trans.)*. Major Legal Systems in the World Today. Moscow: Progress. 1988.
14. *Antonov M. V.* Scandinavian School of Legal Realism. In *Poliakov A. V. (ed.)*. Russian Yearbook of Theory of Law. Issue 1. 2008. St. Petersburg: OOO "Universitetskii konsortsium 'Iuridicheskaja kniga'", 2009.
15. *Volkov V. V. (ed.)*. Law and Law Enforcement in Russia: Interdisciplinary Researches. Moscow: Statut, 2011.
16. *Volkov V. V. (ed.)*. How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law. Moscow: Statut, 2012.
17. *Volkov V., Dmitrieva A., Pozdniakov M., Titaev K.* Russian Judges: A Sociological Study of the Profession. Moscow: Norma, 2015.
18. *Lapaeva V. V.* Sociology of Law in Russia: Post-Stalin, Perestroika and Post-Socialist Periods. *Sociological Researches*. 2018. No. 3.
19. *Romashov R. A.* Legal Realism and Realistic Positivism: Theory and Practice. *Legal Science: History and Modernity*. 2017. No. 4.
20. *Tonkov E. N.* Russian Legal Realism and its Impact on the Concept of Interpretation. In Interpretation of the Statute in England: Monograph. St. Petersburg: Aletheia, 2013.
21. *Tonkov E. N.* Russian Legal Realism. In *Chestnov I. L. (ed.)*. Post-Classical Ontology of Law. St. Petersburg: Aletheia, 2016.
22. *Brožek B., Stanek J., Stelmach J. (eds.)*. Russian Legal Realism. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018.
23. *Leiter B.* Some Realism about Political and Legal Philosophy. URL: <https://ssrn.com/abstract=4137804> (date of the application: 15.09.2022).
24. *Volkov V. V., Skugarevskii D. A., Titaev K. D.* Problems and Prospects of the Researches Based on Big Data (on the Example of the Sociology of Law). *Sociological Researches*. 2016. No. 1.

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОНИ – АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX В.

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-4-123-131>

С 1905 г. Россия находилась в состоянии трансформации государственной системы. В том числе началась новая судебная реформа. До настоящего времени наука не раскрыла степень участия Анатолия Федоровича Кони в преобразовании судебной системы. Взгляды Кони на реформу и его вклад являются актуальным предметом нашего исследования, дополняют наши знания о выдающемся юристе и впервые вводятся в научный оборот. Цель исследования заключается в выявлении основных направлений преобразований, в которых участвовал сенатор. Цель и предмет исследования определили основной метод, используемый в настоящей работе. Им стал проблемно-хронологический подход. С помощью указанного метода мы разделили нашу тему на несколько этапов реформы в хронологической последовательности. Используя метод, мы показываем последовательное развитие работы комиссий. Обстоятельства внутреннего кризиса толкали государство на необходимые реформы. Характер судебной реформы определялся как историческими предпосылками, так и давлением нового времени. Из старого времени реформаторам достались вопросы о ликвидации земских начальников и возвращении мировых судей, об уточнении статуса волостных судов, о расширении полномочий суда присяжных заседателей. Новым явлением стал вопрос о введении административной юстиции в империю и существенной трансформации Сената под условия современной эпохи. Все эти начинания А. Ф. Кони горячо поддерживал. Особенно он приветствовал полное восстановление судостроительства по модели Судебных уставов 1864 г. Во многом позиция Анатолия Федоровича обеспечила успешное прохождение законопроектов в верхней палате парламента. Тем не менее многие реформаторские усилия, по старой традиции, проходили чрезвычайно медленно и в конечном счете не были воплощены в жизнь вплоть до падения империи.

КОДИНЦЕВ

Александр Яковлевич

доктор юридических наук,
профессор, главный научный
сотрудник отдела научных
исследований Санкт-
Петербургского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)

balsak1@yandex.ru

**А. Ф. Кони;
судебная реформа;
Государственный Совет;
Государственная Дума;
первоприсутствующий сенатор;
Сенат;
волостной суд;
земские начальники;
суд присяжных заседателей;
суд сословных представителей**

Alexander Ia. KODINTSEV

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chief Researcher, Department
of Scientific Research, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)

balsak1@yandex.ru

**Anatoly Koni;
judicial reform;
State Council;
State Duma;
first-present senator;
Senate;**

ANATOLY KONI IS AN ACTIVE PARTICIPANT OF THE JUDICIAL REFORM OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Since 1905, Russia has been in a state of transformation of the state system. Including began a new judicial reform. Until now, science has not revealed the degree of participation of Anatoly Koni in the transformation of the judicial system. Koni's views on the reform and his contribution are the topical subject of our research, complement our knowledge of the outstanding lawyer and are introduced into scientific circulation for the first time. The purpose of the study is to identify the main areas of transformation in which the senator participated. The purpose and subject of the study determined the main method used in our work. They became the problem-chronological approach. Using this method, we have divided our topic into several stages of reform in chronological order.

**volost court;
zemstvo chiefs;
jury;
court of class representatives**

Using the method, we show the consistent development of the work of the commissions. The circumstances of the internal crisis pushed the state to the necessary reforms. The nature of the judicial reform was determined both by historical prerequisites and by the pressure of modern times. From the old days, the reformers got questions about the liquidation of zemstvo chiefs and the return of justices of the peace, about clarifying the status of volost courts, and expanding the powers of the jury. A new phenomenon was the question of the introduction of administrative justice in the empire and the significant transformation of the Senate under the conditions of the modern era. All these undertakings by A. Koni was ardently supportive. He especially welcomed the complete restoration of the judiciary according to the model of the Judicial Charters of 1864. In many ways, the position of Anatoly Koni ensured the successful passage of bills in the upper house of parliament. However, many reform efforts, according to the old tradition, proceeded extremely slowly and were ultimately not put into practice until the fall of the empire.

Труды Анатолия Федоровича Кони в области судостройства не стали объектом полного и тщательного изучения. В 2016 г. исследователи Т. Е. Грязнова и А. Н. Язов опубликовали статью об идее судебной власти в трудах российских юристов поздней империи. Они отмечают, что Кони провел четкое разграничение властей исполнительной и судебной. Деятельность судебных органов направлена на разрешение конкретного спора о праве, деятельность администрации направлена на исполнение законов. Также разграничение происходит по силе принимаемых решений. Различаются мотивы властей. Основы правосудия вечны, основы деятельности администрации временны. Цель суда – установить справедливость, цель администрации – обеспечение общественного спокойствия и стабильности. Кроме того, администрация «смотрит вперед», а суд «смотрит назад», отыскивает истину. Администратор исходит из принципа целесообразности, судья – из принципа законности [1, с. 32–34].

В своей публикации 2015 г. Б. Н. Мальков и А. Ф. Щеголов обсудили нравственные цели Судебной реформы 1864 г. по трудам А. Ф. Кони [2, с. 21–25]. А. В. Илюхин проанализировал оценку работы суда присяжных на основе публикаций Кони [3, с. 40–46]. Подробно деятельность Кони по защите суда присяжных была проанализирована в работе Ю. Иванова. В ней автор описывает характеристику суда присяжных, данную Кони, как гимн суда общественной совести [4, с. 31–34].

В 1905 г. проект реорганизации судебных учреждений министра юстиции Муравьева потерпел окончательную неудачу. Тем временем старые проблемы в системе юстиции продолжали усугубляться. К их числу относились множественность и несбалансированность органов и учреждений, длительные сроки рассмотрения дел, постоянно снижающийся жизненный уровень работников юстиции и т.д. Реформа суда была

неизбежна. Началась она с административной юстиции и административных департаментов Сената.

Обсуждение внутренней организации административных департаментов Сената началось в 1904 г. и продолжалось до декабря 1916 г. По мере обсуждения возникали новые предложения и дополнения. В том числе присоединились вопросы о мировом суде, о создании административного суда, о полном изменении компетенции Сената, о создании новых департаментов и т.д. Так, маленький вопрос о реорганизации административных департаментов Сената перерос в судебную реформу.

Особое совещание для пересмотра действующего Учреждения Правительствующего Сената и выработки законоположений о местных административных судах (1904–1905) во главе с П. А. Сабуровым предложило резко усилить роль Сената в империи. В том числе предполагалось передать право докладов императору от министра юстиции первоприсутствующим сенаторам, восстановить надзор Сената за подчиненными судебными учреждениями, создать сенатскую коллегия, которая бы подбирала новых сенаторов, расширить право законодательной инициативы Сената. Сами административные департаменты (1-й, 2-й и Герольдии) после реформы должны были соответствовать «новым» (кассационным) департаментам (делопроизводство, порядок слушания дел, введение отделений и общих присутствий, ограничение прав министерств в ходе судебного процесса (им давали только право совещательного голоса) и пр.), учредить административные суды. Обер-прокуроры могли лишиться права принесения протеста на решения административных департаментов. Такой проект не мог вызвать «энтузиазм» у Министерства юстиции, и после серии бюрократических обсуждений он поступил в Министерство в апреле 1906 г. [5, л. 13-16, 26, 27]. Причины появления либерального проек-

та реформы заключались в составе особого совещания. В него входили такие либеральные легалисты, как сам председатель, а также И. И. Шамшин, И. Я. Голубев, А. Д. Оболенский, Ю. А. Икскуль-фон-Гильденбандт, Н. С. Таганцев, С. С. Манухин, Н. Ф. Дерюжинский, В. Ф. Дерюжинский и пр.

Убрав из проекта «неудобные» поправки, Минюст передал его в Госдуму, которая, после утверждения, направила его в Госссовет. Когда проект переустройства Сената поступил в Государственный Совет, была сформирована комиссия по пересмотру Учреждения о Сенате, в которую вошел А. Ф. Кони. Сенатор вместе с другими советниками – Э. Ф. Гойнинген-Гюне и И. М. Тютрюмовым внесли серию поправок. Эта группа давала основное заключение по законопроекту. Законопроект был утвержден комиссией Госсвета 9 апреля 1907 г.

Члены Совета предлагали усилить независимость Сената, освободить его от мелких дел. В том числе советники предлагали расширить публичность заседаний Сената и допускать на них посторонних лиц (ст. 45 Учреждения Правительствующего Сената), исключение должны были составить государственные преступления (ст. 1032 УУС), куда не допускались многие категории участников процесса.

Также советники предлагали расширить число лиц, допускаемых к рассмотрению дел в 1-м Департаменте (по выборам должностных лиц, рассмотрение жалоб дворян, дела по жалобам на действия должностных лиц земских и городских учреждений, дела по жалобам на действия губернских избирательных комиссий, дела по крестьянскому устройству, дела по жалобам на действия губернских и уездных присутствий, жалобы на действия землеустроительных комиссий, споры о налогах и казенном имуществе, дела о дворянских титулах, о перемене фамилии, переходы из сословия в сословие, земельные и межевые дела, дела об опеке, о залоге). Допускались все непосредственные участники дел. В то же время они предлагали не допускать к рассмотрению дел в 1-м Департаменте о выборах в сословные учреждения Санкт-Петербурга, о спорах, о пререканиях между органами власти, о передаче дел из одного учреждения в другое, об утверждении мировых судей, о должностных преступлениях, о денежных взысканиях и начетах на должностных лиц и пр.

Законодательное предположение обсуждалось в Госсовете в апреле–июне 1907 г. и было отклонено Госсоветом 75 голосами (правые и центр) против 71 [6, л.101-108]. Так произошло первое соприкосновение Кони с многострадальным законопроектом. Одна из причин провала проекта Сабурова заключалась в возражениях, поступивших из Минюста и Сената [7, л.1-29].

Уже в ноябре 1907 г. переработанный законопроект поступил из Минюста в Совет министров и был

одобрен. Зимой 1907–1908 гг. его обсуждала Государственная канцелярия, которая нашла технические недостатки. Законопроект вновь поступил на переработку в Минюст. Переработанный проект поступил в октябре 1908 г. в Совет Министров и вновь был рекомендован к принятию. Деятельность Минюста способствовала появлению в Государственной Думе специальной комиссии по судебной реформе. Комиссия рассмотрела проект в 1909 г. и составила серию рекомендаций для Министерства. Проект подвергся новым переделкам [5, л.1-2,111,339-356,364-367].

Далее проект медленно перемещался из одного государственного органа в другой и обсуждался. Также он стал рассматриваться в прессе (1911 и 1912 гг.). В декабре 1912 г. обновленный проект вновь рассматривала комиссия Госдумы по судебной реформе. В марте и ноябре 1913 г. он вновь обсуждался в Государственной Думе. Постепенно пропали планы о введении сенаторской коллегии, наличии высшего юридического образования (осталось высшее). Законопроект предполагал расширение финансирования Сената. Поэтому возникло сопротивление Министерства финансов. Министр юстиции Щегловитов предложил создать 3-й административный департамент. В целом Госдума предлагала вернуться к проекту Сабурова и существенно расширить полномочия Сената. В январе 1914 г. проект обсуждался в бюджетной комиссии Госдумы. Окончательный текст был согласован в Госдуме в феврале и в очередной раз поступил в Госссовет. В Госсовете (в январе 1915 г.) была создана особая комиссия, в которую вошел Кони, председателем стал С. С. Манухин. Комиссия стала медленно изучать проект, поступивший из Госдумы. Министерство юстиции пыталось игнорировать заседание комиссии [7, л.584-741]. Заседания комиссии прошли в январе-феврале 1915 и марте 1916 гг.

Особая комиссия вновь отвергла требование о наличии высшего юридического образования, оставив только высшее образование. Судебная коллегия была отвергнута, а внесение кандидатуры на должность сенатора теперь производилась не через министра юстиции, а через Совет министров. Идея создания 3-го департамента отвергалась. Сенат так и не получал права толкования законов. В итоге основные изменения сводились к переименованию должностей и структур Сената. Особенно активно Кони и его соратники (Гримм, Шебеко и Щербачев) выступали против участия министров в заседаниях административных департаментов. В частности, они настаивали, чтобы министры не присутствовали в совещательных комнатах при обсуждении судебного решения и при вынесении решения (поправка Кони). Предложение было отвергнуто, как и большинство предложений Государственной Думы [8, л.99,103–140].

Только 20 мая 1916 г. на заседании Госсвета основной докладчик, Щегловитов (бывший враг проек-

та), сделал сообщение о законопроекте. Была сформирована согласительная комиссия Госдумы и Госсовета, которая выработала окончательный проект закона. В ее составе активно участвовал Кони. Наконец, осенью 1916 г. Госсовет утвердил проект, и 26 декабря он был вотирован монархом. 1 января 1917 г. Закон «О некоторых изменениях в устройстве и в порядке производства дел департаментов Правительствующего Сената» вступил в силу [5, л.386,387,526-585].

Закон окончательно вводил высшее образование для всех сенаторов. Для замещения места сенатора требовалось наличие не ниже 3-го класса по Табелю о рангах. Статус сенатора повышался. На многие дисциплинарные действия в отношении сенатора требовалось его согласие. Организация всех департаментов перестраивалась по Судебным уставам 1864 г. Вводился 3-й департамент. Вводились общие собрания и присутствия, охватывающие все департаменты. В административные департаменты вводились первоприсутствующие сенаторы. Изменялись процессуальные и делопроизводственные нормы Сената. Права ведомств, участвующих в рассмотрении дел в Сенате, сокращались [5, л.586-595].

Кони систематически отстаивал интересы судебного ведомства в Госсовете, прямо лоббировал сохранение статуса служащих органов юстиции. Например, 27 июня 1908 г. он выступил на заседании Госсовета по обсуждаемому законопроекту об увеличении содержания судебных чинов. Выступлению советника предшествовала неоднозначная рекомендация комиссии по законопроекту. Отметив «медовый месяц» нового суда, когда судьи были материально обеспечены и независимы, докладчик сообщал, что постепенно они превратились в пасынков государства. С другой стороны, комиссия Муравьева стремилась превратить судей в чиновников.

«Дешевый суд строго обходится народу» (Бентам). Кони приводил в качестве примера работу чиновника, который свободен в нерабочее время, и судьи, который перегружен чрезмерным количеством занятий. Ответственность судьи чрезвычайно велика, он ежедневно подвергает себя сомнениям собственного выбора. Он находится под давлением тяжести нравственного выбора. Как следствие, перед психиатрами предстают десятки судей-неврастеников. При этом они бедны, вынуждены подрабатывать, не могут содержать семью. Специальный фонд Минюста, фонд благотворительного общества чинов судебного ведомства могли компенсировать потребности работников юстиции только в минимальной степени (есть много подтверждений данных о бедности судей, как следствие, по нашим данным, количество корыстных преступлений, совершенных работниками юстиции с 1864 по 1916 г., непрерывно росло). В итоге Кони предлагал, несмотря на несбалансированность за-

конопроекта, срочно принять его и повысить оклады судебных работников [9, с. 2; 10, с. 688–694].

В мае 1906 г. полностью переработанный проект бывшего министра юстиции Муравьева о местном суде поступил в Государственную Думу. Из-за политических пертурбаций проект «лежал» без движения. Тем временем бесконечные переделки местных судов привели к чрезвычайной пестроте и противоречивости местных судебных учреждений. Обновленный проект Минюста был либеральным и фиксировал возвращение к принципам Судебной реформы 1864 г. Многочисленные местные суды упразднились, и вводился мировой суд. Но при этом он «привязывался» к общей судебной системе. Третья Государственная Дума, наконец, приступила к рассмотрению законопроекта. Дума пошла дальше и предлагала восстановить мировую юстицию целиком по модели 1864 г.

Проект реформы поступил из Государственной Думы в Госсовет 5 июня 1910 г. Была создана Особая комиссия (30 человек, в том числе Кобылинский, Нарышкин, Сабуров, Таганцев, Тизенгаузен, Турау, Шрейбер и пр.) во главе с П. Н. Трубецким, а вскоре с С. С. Манухиным, который тем самым возглавлял почти все судебные комиссии Госсовета. В состав комиссии также вошел Кони, который проработал в ней до ноября 1911 г. Всего комиссия работала с октября 1910 по январь 1912 г. Комиссии отводилась настолько важная роль, что в некоторых заседаниях участвовал Столыпин. Стоит отметить, что члены комиссии регулярно обсуждали все поправки к закону в Юридическом обществе Санкт-Петербурга, тем самым получая обратную связь от юридической общности столицы.

Комиссия решала следующие вопросы: сохранить ли волостные суды? сохранить ли судебную компетенцию земских начальников? надо ли восстановить институт выборных мировых судей? следует ли расширить подсудность органов местной юстиции? изменить ли земельный ценз для выборов в мировые судьи? изменить ли городской ценз для выборов в мировые судьи? повысить ли образовательный ценз для мировых судей? следует ли установить преимущества для лиц с высшим образованием? ввести ли мировую юстицию в общую судебную организацию? как замещать должность председателя съезда мировых судей? кто будет рассматривать жалобы и протесты на окончательные решения органов мировой юстиции – Сенат или судебные палаты?

Кони приветствовал планы Минюста об упразднении волостных судов. По его мнению, они всегда работали плохо, нарушали основные начала правосудия при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел, выносили множество нелепых приговоров и решений. С формальной стороны решения этих судов малограмотны, неясны, искажены. Волостной

писарь заменил суд. Дела творились с полнейшим произволом. Сами крестьяне были против таких судов. Сохранение волостного суда будет искусственным поддержанием крестьянской обособленности. Столыпин, общаясь с членами комиссии, указывал, что сохранение волостного суда – на усмотрение Госсовета, но отмечал, что волостной суд планировали отменить в связи с созданием всесословной волости. Члены комиссии обсуждали национальный состав волостных судов, допускать ли туда евреев, язык судопроизводства, состав волостного суда, создание верхнего крестьянского суда, компетенцию волостного суда, разработку процессуальных правил для волостного суда и пр.

МВД и Щегловитов предлагали отменить институт земских начальников, Кони приветствовал такие планы. Встал вопрос о возрождении мировых судей. Шрейбер предлагал их назначать, Сабуров – избирать, и большинство членов комиссии выступили за выборы. Кони, анализируя выборность, указывал, что выборность – вопрос теоретический. Были доводы за и против. В Европе почти везде мировые судьи назначались. Но Россия очень разнообразна. Минюст не может знать всех местных особенностей. Надо однозначно выбирать судей. Они будут пользоваться доверием населения. Надо выбирать на шесть лет, бессрочно нельзя. Надо установить для мировых судей образовательный и имущественный ценз. Пусть их выбирают земские собрания. Если же не было кандидатов с цензом, надо устраивать открытую баллотировку, чтобы прошел самый достойный. При голосовании 11 из 18 членов комиссии проголосовали за восстановление выборности. Также предполагали расширить подсудность (единогласно), земельный ценз для судей уменьшить, городской ценз увеличить, преимущества лицам с высшим образованием не давать, но для них может быть понижен земельный ценз, мировые судебные учреждения подчинить надзору сословных представителей (СП).

Комиссия также обсуждала необходимые изменения в процессуальном законодательстве. Кони подчеркивал, что проект подкомиссии по УУС вызвал у него симпатию, например введение по ст. 47 прав мировому судье поручать полиции собирать все необходимые по делу сведения по всем преступным деяниям, а не только преследуемым независимо от жалоб частных лиц, как сейчас. Также была хороша ст. 129 УУС, где судья был обязан излагать приговор в окончательной форме только в том случае, если будет заявлено ходатайство о выдаче копии с приговора или если приговор будет обжалован в мировой съезд. Введение института судебных приказов – тоже прекрасно! Судья при этом вовсе не будет связан полицейским протоколом и останется свободен в его оценке.

В итоге комиссия постановила: необходимо сохранить волостные суды и расширить их полномочия (Кони изменил свое мнение и поддержал проект), лишить земских начальников судебной власти, восстановить выборность мировых судей, сохранить большинство цензов для мирового судьи, ввести несменяемость мировых судей, в определенной степени подчинить мировые съезды Судебным палатам; существенно расширилась подсудность мировых судей [11, л.24; 12, л.106-131; 13, л.921-1136; 14, л.2-15; 15, л.1-250].

Анатолий Федорович регулярно участвовал в заседании комиссии. 17 февраля 1912 г. он выступил с докладом в Госсовете о проекте преобразования судеустройства. Кони обращал внимание на необоснованность и неисторичность утверждений об отсутствии традиции отделения суда и администрации в России. Далее докладчик указывал на абсурдность ситуации, когда земские начальники, действующие в сфере юстиции, вершили судопроизводство по инструкциям МВД (например, Министерство определяло подсудность). Вообще введение земских начальников создало невероятный хаос во всем. Например, рассматриваемые городскими судьями дела подлежали апелляции в уездный съезд земских начальников (в состав которого по замещению попадали случайные люди). Стоит отметить, что указанные лица назначались разными министерствами, часть нормативных актов, которыми они руководствовались, не совпадали друг с другом. Обжалование приговоров в губернские присутствия приводило к чрезвычайному многообразию принятых решений.

Земский начальник, вводимый как будто бы для рассмотрения крестьянских дел, в реальности рассматривал лишь небольшое их количество. Положение о земских участковых начальниках (ст. 57, 58) позволяло произвольно арестовывать волостных судей без объяснения причин и без формальных процедур требовать исполнения решения начальника. Каковы же были земские начальники, которым была доверена большая судебно-административная власть? Это были люди с цензом ниже, чем у мировых судей: минимальное образование, возраст с 21 года, кандидатский стаж в один год. Их опьяняло вино власти, как случилось с начальником Протопоповым, дело которого рассматривалось в Сенате в 1893 г. После этого дела МВД наложило «табу» на все, что связано с деятельностью земских начальников. В конце концов само МВД неоднократно сообщало, что непрочь отказаться от судебных функций земских начальников.

Анатолий Федорович подверг жесткой критике волостные суды, указывая на их малограмотность. Сословность в органах власти устарела. Сами крестьяне просили вернуть мировые суды. Их можно было бы сохранить при определенных условиях,

т.е. повысить их обеспеченность, примкнуть их к общей системе судов, существенно уменьшить их подсудность. Стоило приветствовать создание съезда волостных судей под председательством шеффенов [16, с. 695–706]. 15 июня 1912 г. закон о преобразовании местного суда вступил в силу. Закон очень медленно вводился в действие, вплоть до 1917 г., и в полной степени не был реализован.

В 1917 г. Временное правительство обсуждало вопрос о порядке устройства местного суда. Принятое постановление «О временном устройстве местного суда» изменило УСУ. Были введены члены мирового суда, имущественный ценз отменялся, возраст определялся в 25 лет, требовался диплом о среднем образовании. Постановление предписывало немедленно ввести в действие закон 12 июня 1912 г. о преобразовании местного суда с указанными изменениями, в ряде городов закон в действие вводился частично (Петроград и пр.). Должности городского судьи и уездного члена окружного суда в местностях, где постановление вводилось, упразднились [17, л.87-92].

Государственная Дума, которая по-прежнему считала необходимым упразднить волостные суды, выжидала время и вновь подняла вопрос об их ликвидации. С 1912 по 1914 г. преобразованные волостные суды ввели только в губерниях 1 очереди (10 губерний), в остальных введение было приостановлено в связи с началом войны. В тех губерниях, где суды были введены, их нормальная работа была нарушена. В феврале 1916 г. 103 депутата Госдумы обратились к Хвостову (министру юстиции) с просьбой ликвидировать волостные суды. Соглашаясь с депутатами, министр все же не решился добиваться отмены нового закона. Избранные волостные судьи продлевали свой статус, формирование судов в новых областях неоднократно переносилось, вплоть до конца 1917 г. Временное правительство определило возраст судей в волостном суде с 21 года, без ценза. Их избирали выборщики из сельских обществ [18, л.1-80].

Под впечатлением возрождения мировой юстиции Анатолий Федорович подготовил очерк воспоминаний о своем опыте общения с мировыми судьями империи. Кони рассказывал о резком подъеме воодушевления от введения нового института. Им прощали промахи, нечеткость подсудности, недостаток образования и пр. О своих встречах с талантливыми мировыми судьями он рассказывал задушевные истории [19, с. 429–474].

Накануне Первой мировой войны вновь был поднят вопрос о положении присяжных заседателей (далее – ПЗ) в судебной системе империи. Устав о служебных проступках непрерывно обсуждался в государственных органах с 1903 г. В 1913 г., работая в комиссии законодательных предположений, Кони

настаивал на возвращении группы этих преступлений в компетенцию суда присяжных.

Обсуждение темы ПЗ вновь вернуло Анатолия Федоровича к временам прошлого. В 1913 г. он выпустил в «Заметках и воспоминаниях судебного деятеля» воспоминания о присяжных (вышла в № 1 1914 г., Русская старина). Кони оценивал «поход», ведущийся против института присяжных. Коллегия ПЗ часто находилась в неудобном положении. Так, на то, чтобы улучшить состав коллегии, составляющей списки, потребовалось 13 лет, только через 28 лет смогли устранить необходимость каждый раз приносить присягу несколько раз в день и было ограничено право отвода присяжных (сам Кони присяжных никогда не отводил), через 45 лет присяжные получали право узнавать о том, какое наказание было предусмотрено законом.

В первые годы работы коллегий, составляющих списки ПЗ, по небрежности в них заносили слепых, глухих, сумасшедших, умерших, престарелых, иностранцев и пр. Другой проблемой было плохое материальное обеспечение. В 1872 г. были пресечены попытки земств проводить выплаты ПЗ за участие в заседаниях суда. Только после 1912 г. стал продвигаться законопроект о выплате пособия ПЗ.

Присяжные подвергались критике за вынесение оправдательных приговоров при несомненном наличии вины и вынесение оправдательных приговоров, когда от них ожидали обвинительных приговоров. Кони блестяще развенчивал мифы о плохой работе ПЗ, подробно рассказывая о тех реальных условиях, в которых им приходилось принимать непростые решения о судьбах подсудимых. Сенатор подробно разбирает условия работы присяжных, роль председателя суда и его влияние на них, постановку вопросов перед присяжными, характер совещаний председателя с ПЗ, приводил множество примеров удачных приговоров ПЗ и неудачных судов без ПЗ, отвергал упрек ПЗ в их «пассивности».

Кони отмечал педагогическое значение суда ПЗ. Присяжные получали правовую подготовку, и их общественный статус повышался. В свою очередь, оправдательные приговоры ПЗ вскрывали недостатки в работе государственного аппарата и заставляли его изменяться. Вся работа Кони представляет общую теорию работы ПЗ, изложенную в литературной форме. Работа оказала большое влияние на российское судостроительство и уголовный процесс [20, с. 331–391].

Проект о расширении компетенции суда ПЗ медленно обсуждался в разных органах и, наконец, поступил в Госсовет в 1916 г. («О подсудности дел о служебных преступлениях суду присяжных или сословных представителей»). Стоит отметить, что Кони стремился заручиться поддержкой министра юстиции А. Хвостова. В ответном письме 25 апреля 1916 г.

министр сообщал, что не против расширения компетенции ПЗ, за исключением дел о государственных преступлениях и части должностных [21, л.4]. Кони как специалист по вопросу подготовил большой доклад. Советник, окунаясь в историю, вспоминал, что дискредитация суда ПЗ, закончившаяся исключением дел о служебных преступлениях из их компетенции в 1889 г., не была обоснована. Списки ПЗ составлялись как попало, в них попадали даже умершие поданные, должностные лица, занятые по службе, – бедные люди (инфляция обесценила денежный ценз, установленный в 1864 г.) (только в 1913 г. было введено денежное содержание присяжных), присяжные не информировались о наказании, предусмотренном для обвиняемого (эту норму отменили только в 1909 г.). Сенатор приводил примеры громких дел, удачно рассмотренных судом ПЗ, поддерживал проект министра юстиции Щегловитова о возвращении служебных преступлений в компетенцию присяжных.

Альтернатива ПЗ – суд сословных представителей себя полностью не оправдала. Уже в конце XIX в. постоянные замены сословных представителей на мелких чиновников обесценили первоначальную идею законодателя. С 1906 по 1911 г. количество служебных преступлений выросло в несколько раз, и суд СП никак не помог его остановить. Суд СП оправдывал обвиняемых за должностные преступления ничуть не меньше, чем суд ПЗ, и допускал еще большие ошибки. Ни знание закона, ни государственное чутье они не продемонстрировали. Аргументы о мщении со стороны ПЗ в отношении служащих были безосновательны. О каком мщении может идти речь, когда сама процедура возбуждения уголовного преследования была настолько затруднена, что администрация могла вмешиваться в процесс возбуждения дела на многих стадиях процесса?

Кони развенчивал мнение о том, что привлечение к ответственности служащего недопустимо. Ведь его задача и задача его начальника – следовать закону. Сохранение старой процедуры возбуждения уголовного дела в отношении обвиняемых означало покровительство преступникам. На судей СП проще было оказывать давление. В самом суде СП оказывалось меньше, чем коронных судей (3 против 4). В конечном счете Кони делал вывод, что этот суд бессмыслен [22, с. 1153–1156; 23, с. 1179–1183].

В произнесенной в 1916 г. в Госсовете речи сенатор отмечал, что служебные преступления подлежали суду ПЗ 23 года (с 1864 г.) и возвращение к такому суду – это «суд по старине». В 1878 г. был введен суд СП по преступлениям против порядка управления. Как отмечал в 1881 г. председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Муравьев, эта передача не достигла целей и усиления репрессий не произошло. Как и суд ПЗ, суд СП часто выносил оправдательные

приговоры. В 1890-е гг. суд ПЗ вынес 66,5% обвинительных приговоров, суд СП – 69,5%. В суде СП дела рассматривались крайне медленно. Анатолий Федорович привел в качестве примера дело, рассматриваемое в СП. Оно три раза переносилось из-за неявки предводителя дворянства.

Далее министры юстиции несколько раз сообщали о ненужности суда СП по делам о служебных преступлениях. Против такого суда в 1895 г. выступили прокуроры и старшие председатели судебных палат. Законы 1889 и 1894 гг. позволили замещать руководителей сословных органов второстепенными персонажами, вплоть до секретарей дворянских собраний и членов городских присутствий. Кони сравнивал СП с шеффенами в Германии. Тем временем количество преступлений по службе быстро росло. Так, с 1906 по 1911 г. число таких деяний выросло в четыре раза [24, л.1-5].

Кроме расширения компетенции ПЗ был внесен законопроект об изменении порядка составления списков ПЗ. В мае 1913 г. Минюст внес в Госдуму проект об изменении порядка составления списков ПЗ. Пока Дума медленно изучала проект, наступила Первая мировая война. Перемещения миллионов людей существенно замедлили производства дел с участием ПЗ, точнее, сделали их почти невозможными. Проект предполагал увеличение сроков призвания ПЗ, увеличивалось число запасных ПЗ, в случае крайней нехватки ПЗ планировалось набирать их из составов списков предыдущих лет. Проект принять не успели [25, л.1-5].

В связи с юбилейными торжествами по случаю 50-летия принятия судебных уставов Анатолий Федорович выпустил несколько работ по истории реформенного суда.

В 1914 г. вышла публикация «Наш юбилей» в газете «Право». Образно выражаясь, Кони сравнивал Уставы с человеческой жизнью длиной в 50 лет. Сурово отрицая весь предшествующий реформе период, сенатор повторял излюбленную фразу о «необходимости влить новое вино в старые меха». Кони перечислял деятелей реформы, говорил о культе закона. Реформа была встречена с воодушевлением и редкими голосами против.

Вскоре вскрылись отдельные недостатки Уставов, они преувеличивались и раздувались. Против нового суда ополчились консервативные граждане, и под воздействием пропаганды легковверное общество быстро разуверилось. Начали «вырывать куски» из стройной судебной системы: отняли самостоятельность у следователей, частично заменили ПЗ на сословных представителей, ввели земских начальников. С крайним сарказмом Кони говорил о комиссии Муравьева (конец XIX в.). Он перечислял «достижения» комиссии, ведущие к ликвидации Уставов, в том

числе сохранение полномочий земских начальников, введение участковых судей, передача судебных функций в полицию, отмена апелляционного производства и превращение судей в чиновников. С горечью Кони говорил о том, что многие активные деятели реформы 1864 г. поспешно согласились с новыми проектами (намекая на Таганцева, Фойницкого и прочих сенаторов). К счастью, эти планы не сбылись.

В современный автору период происходил ренессанс Уставов, о чем Кони говорил с удовлетворением. Но надо двигаться дальше и сформулировать общие этические начала работника юстиции. Заканчивал сенатор свою работу патетическими восклицаниями [26, с. 3176–3184].

Все основные работы по судоустройству А. Ф. Кони обобщил в предисловии к книге «Судебные Уставы», вышедшей в 1914 г. [27]. Своего рода итогом работ Анатолия Федоровича в сфере судоустройства стала публикация «Новый суд», вышедшая в 1916 г. Статья была приурочена к введению судебных учреждений в столицах в 1866 г. С особой любовью сенатор описывал события, предшествующие введению судебных учреждений: неготовность Минюста, сумбурность при введении нового суда, формализм старого суда. Молодежь воодушевленно пошла в новые суды, несмотря на критику, указывающую на отсутствие традиции свободного правосудия в России. Причем кадры поступали из различных государственных ведомств. Многие не преследовали карьерных соображений. Кони прямо указывал, что для поколения шестидесятников это была «первая любовь». Эмоции переполняли старого юриста. Он с восхищением вспоминал первые дни открытия петербургских судебных учреждений, при котором он присутствовал

и куда устроился на работу. Перебирал в памяти всех «героев» судебной реформы [28, с. 392–419].

Надежда на ускорение обновления судебных органов усилилась у Анатолия Федоровича в 1917 г. 13 апреля 1917 г. в здании Минюста состоялось торжественное заседание комиссии по восстановлению уставов. После речи министра Керенского выступал Кони, который перечислил признаки развала судебной системы как следствия нарушения целостности системы в 1880-х–1910-х гг. Комиссия была разделена на три подкомиссии. Подкомиссию по пересмотру Учреждения судебных установлений возглавил Г. Д. Скарятин (товарищ министра юстиции), Кони возглавил подкомиссию по реформе уголовного судопроизводства. Члены комиссии с энтузиазмом занимались разработкой демократических основ судоустройства и судопроизводства новой России, пока все их планы не были опрокинуты после событий 25 октября 1917 г. [29, с. 2].

События 1905–1917 гг. проявились в серии мелких либеральных реформ, преобразовавших государственную систему. Одним из инициаторов и авторов этих реформ был высочайший авторитет той эпохи, либеральный консерватор Анатолий Федорович Кони. Он неизменно поддерживал все либеральные преобразования, которые вели к полному восстановлению Судебных уставов 1864 г., в том числе восстановление мировой юстиции, преобразование волостных судов, введение административного правосудия, модернизацию Сената, расширение прав присяжных заседателей, отмену земских начальников и пр. Преобразования, как обычно, проводились в жизнь крайне медленно. В 1917 г. казалось, что, наконец, можно быстро восстановить положения Судебных уставов, но переворот 25 октября положил конец этим мечтам.

Пристатейный библиографический список

1. Грязнова Т. Е., Язов А. Н. Судебная власть в интерпретации российских юристов конца XIX – XX вв. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6.
2. Мальков Б. Н., Щеглов А. Ф. Нравственные уроки судебной реформы // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 2.
3. Илюхин А. В. А. Ф. Кони о суде присяжных // Российский судья. 2001. № 8.
4. Иванов Ю. «Я люблю суд присяжных и дорожу им...» // Российская юстиция. 1994. № 1.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.1276, оп.3, д.747.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.570, оп.1, д.16.
7. РГИА, ф.1405, оп.543, д.932.
8. РГИА, ф.1405, оп.543, д.933.
9. Кони А. Ф. О содержании судебных чинов // Слово. 1908. 29 авг. № 496.
10. Кони А. Ф. Увеличение содержания судебным чинам / Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
11. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.746.
12. РГИА, ф.1405, оп.543, д.944.
13. РГИА, ф.1405, оп.543, д.945.
14. РГИА, ф.1405, оп.543, д.956.

15. РГИА, ф.1405, оп.543, д.957.
16. Кони А. Ф. Местный суд / Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 2. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
17. РГИА, ф. 1405, оп.543, д.1020.
18. РГИА, ф.1276, оп.12, д.125.
19. Кони А.Ф. Мировые судьи / Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 1. СПб. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912.
20. Кони А.Ф. Присяжные заседатели / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1966.
21. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.3596.
22. Кони А. Ф. Должностные преступления и суд присяжных заседателей // Вестник права. 1916. № 48.
23. Кони А. Ф. Должностные преступления и суд присяжных заседателей // Вестник права. 1916. № 49.
24. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ), ф.134, оп.1, д.184.
25. РГИА, ф.1276, оп.12, д.118.
26. Кони А. Ф. Наш юбиляр // Право. 1914. № 47.
27. Кони А. Ф. Судебные уставы. Петроград, 1914.
28. Кони А. Ф. Новый суд / Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1966.
29. Реставрация судебных уставов // Современное слово. 1917. 14 апр.

References

1. Gryaznova T. E., Yazov A. N. Judicial Power in the Interpretation of Russian Lawyers of the Late 19th – 20th Centuries. *Bulletin of Economic Security*. 2016. No. 6.
2. Malkov B. N., Shcheglov A. F. Moral Lessons of Judicial Reform. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2015. No. 2.
3. Iliukhin A. V. A. F. Koni on Jury Trial. *Russian Judge*. 2001. No. 8.
4. Ivanov Iu. "I love jury trial and value it...". *Russian Justice*. 1994. No. 1.
5. Russian State Historical Archive (RGIA), f.1276, op.3, d.747.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF), f.570, op.1, d.16.
7. RGIA, f.1405, op.543, d.932.
8. RGIA, f.1405, op.543, d.933.
9. Koni A.F. On the Content of Judicial Officials. *Slovo*. 29 1908. No. 496.
10. Koni A.F. Increasing the Content of Judicial Officials. In *Koni A.F. On the Path of Life*. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of the Partnership of Printing and Publishing Trud, 1912.
11. GARF, f.564, op.1, file 746.
12. RGIA, f.1405, op.543, d.944.
13. RGIA, f.1405, op.543, d.945.
14. RGIA, f.1405, op.543, d.956.
15. RGIA, f.1405, op.543, d.957.
16. Koni A.F. Local Court. In *Koni A.F. On the Path of Life*. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of the Partnership of Printing and Publishing Trud, 1912.
17. RGIA, f. 1405, op.543, file 1020.
18. RGIA, f.1276, op.12, d.125.
19. Koni A.F. Justices of the Peace. In *Koni A.F. On the Path of Life*. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of the Partnership of Printing and Publishing Trud, 1912.
20. Koni A.F. Jurors. In *Koni A.F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966.
21. GARF, f.564, op.1, d.3596.
22. Koni A.F. Malfeasance and Jury Trial. *Herald of Law*. 1916. No. 48.
23. Koni A.F. Malfeasance and Jury Trial. *Herald of Law*. 1916. No. 49.
24. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and Art (RO IRLI), f.134, op.1, d.184.
25. RGIA, f.1276, op.12, d.118.
26. Koni A.F. Our Hero of the Day. *Law*. 1914. No. 47.
27. Koni A.F. Judicial Statutes. Petrograd, 1914.
28. Koni A.F. New Court. In *Koni A.F. Collected Works*. In 8 vols. Vol. 1. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966.
29. Restoration of Judicial Charters. *Modern Word*. 14 April 1917.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случаи получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 4 / 2022

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 30.12.2022. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 16,75.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603

